

Георгий Артозеев

ВАСЯ КОРОБКО

55 к.

о родине · подвигах · чести

Георгий Артозеев

ВАСЯ КОРОБКО

Документальная повесть

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84Ук
А86

Литературная запись
Леонида Горлача

Перевод с украинского
Виктора Максимова

Редактор *С. А. Бабинская*

Артозеев Г. С.

А86 Вася Коробко: Документальная повесть/Пер. с укр. В. П. Максимова. — М.: Воениздат, 1988.— 272 с. — (Библиотека юного патриота).

ISBN 5—203—00097—2

А $\frac{4702640101-060}{068(02)-88}$ **111—88**

Артозеев Георгий Сергеевич

ВАСЯ КОРОБКО

Рецензент *Л. М. Жариков*
Художник *Л. М. Гольдберг*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *С. В. Мазаева*
Корректор *А. В. Хорева*

ИБ № 3281

Сдано в набор 7.01.88. Подписано в печать 27.09.88. Г-20587.
Формат 70×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 8½. Усл. печ. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 12,25.
Уч.-изд. л. 12,04. Изд. № 4/3020. Тираж 100 000 экз. Цена 55 к. Зак. 502.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ISBN 5—203—00097—2

ОТ АВТОРА

За годами, как за горами, прячутся люди, события, факты. Память поневоле обволакивается туманом забытья, притушевывает то, чем ты жил, чему радовался и печалился, чем гордился и что старался оставить в себе надолго. Однако на твоем пути встречались и такие люди, которые поселились навсегда в сердце, потому что стали частицей жизни. Именно таким был для меня Вася Коробко. Партизанская легенда. Отважный подрывник и разведчик. Тихий, мечтательный подросток, который просто светился доверием к людям.

Кажется, прищурюсь, постою так в раздумье, распахну глаза, а он и возникнет из беспощадного небытия, встанет предо мной, да и посмотрит на меня своими карими глазами, да и улыбнется тихо-тихо, будто сквозь сон. Глубже надвинет пилотку, чубчик спрячет под нее, плечи расправит, лишь тонко зазвенят патроны на широкой пулеметной ленте, и скажет:

— А я вернулся. Долго добирался. Знаете, и снег глубокий, и засады немецкие. Но не взяла меня пуля вражья, не засыпал снег оккупационной зимы. Приказывайте, и я снова пойду куда нужно.

За годами, как за горами, не исчезает, не тускнеет образ юного партизанского героя, чье имя ныне носят сотни пионерских дружин. Мир давно царит на нашей земле, давно зажили, заросли буйноцветьем ее жгучие раны. Но нет-нет да и возникнет предо мной Вася Коробко, и, как наяву, снова оживают грохочущие и пылающие партизанские годы, оживают десятки друзей, с которыми свела меня судьба в густых черниговских лесах.

И долго не покидают меня воспоминания...

Пусть простят меня читатели, если встретят что-то знакомое в этом рассказе — о Васе написано уже немало. Я же хочу попробовать нарисовать моего юного друга таким, каким я знал его в те суровые и героические дни...

* * *

Путь был так тяжел, так изнурителен, что ноги отказывались подчиняться людям и словно нехотя загребали белую снежную пыль целины. Казалось, еще немного — и остановится это медленное кружение однообразного пейзажа, и придет равнодушие ко всему, что еще влекло их маленькую группу среди холодной бесконечности.

Минута за минутой скатывались в прошлое, словно солнечная капель с густо опущенных веток елей и сосен, а дороге, как и прежде, не видно было конца. Будто кто-то когда-то пустил людей в это медленное движение в обход обжитых мест, вьющихся дорог, а то и едва натоптанных тропинок и все глубже и глубже

загонял в глухомань, в непролазь, и не быть тому переходу никогда легким и радостным.

Крадучись, группа прикрытия Первой партизанской дивизии брела к спасительной Беловежской Пуще. Там, возле Пружан, должна была собраться вся дивизия, измотанная кровопролитными боями с регулярными немецкими частями, с вражескими тыловиками, специально обученными для борьбы в партизанских лесах, с лютыми, точно сорвавшиеся с цепи псы, полицаями, которые, откочевывая вместе со своими хозяевами, старались оставить после себя как можно больше горя.

Люди брели вот уже семнадцатый день. И если четырнадцатого марта в группе прикрытия было двадцать человек, то первого апреля — всего только семеро. Тринадцать посеченных вражьими пулями партизан остались в холодных снегах, в топких болотах.

Скорбь примешивалась к неимоверной усталости, и уже отступал страх за личную жизнь, уже равнодушие физически ощутимо и неотвязчиво вливалось во все естество.

Редкое слово сорвется с чьих-то опаленных морозом и бессонницей губ, прокатится по цепи людей — и снова молчаливое топанье по целине, глухой шелест снега да тяжелое посапывание людей.

Изредка сосна встрепенется сбоку, насторожит путников, тяжелые комья снега упадут на их понурые фигуры. Где-нибудь одинокая птица скороговоркой подаст голос, на миг оживит лесную глухомань, где-то приглушенно треснет веточка, надломанная тяжелым мокрым снегом. Взблеснет впереди ровная чистая полянка, солнце ослепит глаза ярким сиянием, да и только.

Однако людям уже ничто было не в радость, только одна мысль билась в голове — дойти до своих, во что бы то ни стало выкарабкаться из объятий этой неотступной смертельной опасности.

Быстро темнело. Над лесом громоздились тяжелые тучи, и из них то реже, то гуще сыпался и сыпался мокрый лапчатый снег. Все вокруг становилось хмурым, и недалекая поляна, проглянувшая между деревьями, была совсем расплывчатой.

Вася Коробко, идущий впереди цепочки, сменив выбившегося из сил командира группы Павла Сычева, остановился. Что-то знакомое, родное почудилось ему вдруг. Потянул носом воздух — пахнет дымком.

Неужели люди еще живут в этом лесном царстве, неужели оккупанты не всех растерзали, уничтожили, чтобы никто из хуторян уже не смог дать пристанище партизанам?

— Чего стал? — натолкнулся на него Павел.

Вася глянул на товарища и почти шепотом произнес:

— Где-то топится. Дым... Жильем пахнет...

Партизаны сбились в кучу, начали осматриваться. Сразу идти на призывный запах было рискованно — сколько уже подобных случаев кончалось трагически. Немцы оставили засады в хуторках и селах.

— Подождем, пока хорошенько стемнеет, — сказал Сычев. — Так или иначе надо к кому-нибудь проситься на ночлег, потому что еще одна ночь в снегу — и ноги не потянешь завтра.

— А может, это то село, где живет наш человек? — тихо произнес Виктор Иванов, приземистый парень, похожий на подростка. — Железнодорожник нам о нем рассказывал... Помните?

— Все узнаем. Только терпение.

Сычев решил дать партизанам возможность расслабиться, передохнуть. Кто знает, как повернется дело, может, вместо того, чтоб греться в домашнем тепле, придется отчаянно продираться сквозь дебри, спасаясь от беспощадного огня.

Вася как стоял, так и повалился навзничь в пуши-

стый снег. При других обстоятельствах он обязательно наломал бы пахучих веток, подстелил бы, чтобы удобнее было лежать. Теперь же усталость кинула его на снег, будто подломив одеревенелые ноги.

Вася не чувствовал даже, как давит бок связка гранат, что пулеметная лента, перетянувшая ему грудь, сковывает дыхание. Всплыла в памяти мать — и опять куда-то канула, словно волна ее смыла в один миг. Осталась нудная пустота в глазах да усталость в теле.

Партизаны лежали покатом на снегу и сперва не чувствовали холода. Но вскоре он начал брать в свои цепкие объятия тела, подкрадываясь медленно и незаметно, как лисица в зарослях.

Уже совсем стемнело, когда Сычев забряцал автоматом, поднимаясь на колени.

— Пошли, ребята, пока совсем тут не околели.

Лес кончился неожиданно. Мерцал снег, тускло вырисовывались силуэты хат.

Партизаны направились к ближайшей хате, которая будто вросла в лес. Она была маленькой на фоне высоких сосен, притаившаяся, молчаливая. Окна не светились, но дым медленно выползал из трубы, стлался низом. Высокий забор. За ним хлев, крытый слегами. Все так, как и рассказывал днем железнодорожник.

Вася на всякий случай взял пулемет на изготовку и подошел к двери. Припал ухом к холодным доскам — ни звука. Он осторожно постучал в дверь и прижался боком к косяку.

Тихо. Потом что-то скрипнуло, в щелочку повеяло теплом, приблизились чьи-то крадущиеся шаги.

— Кто там? — донесся испуганный женский шепот.

— Откройте, тетя, свои, — произнес Вася и едва голос свой узнал. — Мы погреться, если можно.

В хате воцарилась тишина. Потом протопал кто-то потяжелее — видимо, мужчина. Загремел засов, еще

что-то звякнуло, и дверь отворилась. В холодном отсвете снега встал сухощавый сгорбленный человек в кожухе внакидку. Он окинул взглядом двоих насторожженных гостей, постоял немного и отступил в сторону.

— Заходите, — только и сказал.

Партизаны вошли в хату. От этого она, показалось, стала еще ниже, меньше, чем была. Вася обвел взором жилище. Бедное, но чистенькое. Стены увешаны семейными реликвиями, в углу стояла швейная машинка — наверное, хозяйка занималась работой, потому что вот и одежда старая со свежими заплатками кучей лежит на крае стола. На белом припечке коптит керосиновая лампа, окна плотно прикрыты толстыми дерюжинами — вот почему не пробивался свет наружу. На широких низких полатях лежат трое детей — видно, спали уже, а теперь, разбуженные стуком, испуганно таращили глаза на пришельцев. Здесь же под стеной стоит ручная мельница, возле нее, видимо, молодожены. Лет им чуть поболее, чем Васе.

— Ночевать будете или только погреетесь? — спросил хозяин.

Видно, ночные визиты народных мстителей хозяину хаты не в новинку, настолько спокойно воспринял он появление вооруженных людей.

— Мы не одни, — ответил Павел. — Во дворе еще люди.

— Так пускай и они заходят, — кивнул хозяин. — Места всем хватит.

Вася выскочил во двор, свистнул. Из-за деревьев выдвинулись пять темных фигур и двинулись к хате. Дверь за ними тихо прикрылась.

Хозяйка, уже пожилая женщина, согнутая годами и тяжелой работой, засуетилась у печи. Она достала огромный чугун, набросала в него доверху нечищеной картошки, тщательно перед тем помыв ее, и подвину-

ла чугун в устье, ближе к огню, что танцевал в глубине печи, разбрасывая по стенам быстрые взблески.

Прошло немного времени, картошка запаровала на столе, и руки партизан жадно кинулись к ней. Едва очистив, люди торопливо совали горячую картошку в рот и глотали вместе с теплым паром. Вася чувствовал, как понемногу в тело возвращается сила, как усталость отпускает его. Он благодарно взглянул на хозяйку, которая будто прилипла к припечку и горестно щурилась на партизан, на хозяина, старого уже человека, который все так же ни о чем не расспрашивал, а только посасывал толстую самокрутку.

Васины глаза остановились на молодой паре. Интересно, такие юные, почти подростки, а она уже собирается стать матерью.

— Это вы их поженили? — Вася повернулся к хозяину, уминая очередную картошину.

— Война, — ответил тот и сдвинулся с места. — Что поделаешь, если такая напасть: или в Германию на каторгу, или семью заводи. Пришел староста, говорит, собирай сына в дорогу. Я ему: уже ведь старшего отдал, оставьте при мне хотя бы меньшого помощника. Ну, он крутится, вертится. Я тогда, чтоб был сговорчивее, бутылку на стол, закуску. Выпил все до капли да и подобрел, посоветовал женить малого.

— Я ведь не старше, а вот пошел в лес, — сказал Вася. — Пусть бы и он...

— Да оно-то так, но ведь и пристать не к кому было — все такие, как вы, попадались, забежат погреться — и дальше. Как-нибудь уж оно перемелется...

Ужин длился недолго. Стол быстро опустел. Партизаны закурили, дым повалил под потолок. Павел долго намеревался о чем-то спросить хозяина, но не решался. Наконец, затянувшись дымом, задал вопрос:

— Скажите мне, пожалуйста, что вас заставило помогать нам?

Человек, видно, ожидал услышать такой вопрос, потому что не растерялся, только взглянул внимательно на разомлевшего в тепле лесовика, сидящего на широкой лавке.

— Как вам сказать, — начал неспешно. — Жизнь научила разбираться в людях. Я тоже помыкал горя от всяких нелюдей, потому и чужая беда к сердцу пристает. Я сам поляк, проше пана, Юзеф Хомский. В двадцатом году погнали меня под Киев против Красной Армии. Побили нас там как следует, чтоб не лезли на чужое. Ну, я потом убежал из белопольского войска, работал в Польше. Тот поход не прошел впустую, научился, понял я, что такое власть рабочих и крестьян да и кому от нее лучше на свете жить. Начал вести агитацию за Советы среди трудящихся поляков. Но недолго — схватила меня дефензива[1] и упекла в Березу Картузскую. Слышали, наверное, про этот ад?

— Да доходили слухи и до нас, слышали, — поддакнул Сычев.

— Поиздевались, искалечили, а потом выслали меня из Польши сюда, в Западную Белоруссию. Лес, болота, тяжкий труд. Да что там говорить долго — поглядите, как согнула меня та проклятая житуха, чтоб ей болячка в печенку!

Вася, затаив дыхание, вслушивался из закутка в неторопливую речь Юзефа. Удивительно, еще недавно это был чужой, неизвестный человек, к хате которого случайно прибились уставшие партизаны. А теперь вот стоило Юзефу рассказать про свою нелегкую долю, про свою борьбу, и что-то близкое, родное открылось и пролегло между ним и партизанами незримым мостком. Значит, не напрасно живет этот поляк в лесной глухомани, не сломила его панская дефензива, не покоряется он и оккупантам.

---

[1] Дефензива — польская тайная полиция.

И Вася с доверием смотрел на хозяина, курившего одну самокрутку за другой, спокойного, уравновешенного.

Ближе к полночи партизаны легли кто где смог и забылись в тревожном сне.

Неожиданно что-то затарахтело, упало на пол. Партизаны вскочили на ноги, заклацали затворами автоматов. Вася припал к стене, крепко прижав к себе оружие.

Юзеф подкрутил фитиль в лампе и тихо выругался: один из рогачей, стоявших возле печи, лежал поперек хаты, а из угла фосфорическим светом пылали кошачьи глаза.

— А чтоб вас пораздирало! — Юзеф схватил тряпицу и швырнул в угол. Зеленые глаза юркнули под печь.

После этой тревоги никто уже не спал. Сидели разомлело и старались взять как можно больше домашнего тепла в дорогу — ведь через несколько часов им снова отправляться в путь. Перебрасывались словами с хозяином, говорили о том о сем, а больше всего о близком крахе фашизма, о приближении «Красной Армады», как выражался Юзеф.

Вася поднялся, прошел через всю хату к ручной мельнице. Деревянный кругляк стоял на полу, осыпанный мукой. Жестяной желобок отвисал вбок, словно журавлиный клюв.

Вася взялся за отшлифованную ладонями ручку, крутнул. Послышался сухой скрип камня о камень, будто кто косою захватил сухую осеннюю осоку. Струйка муки тонко задрожала, посыпалась с желобка на подставленную ладонь. Сколько же терпения надо иметь, чтоб намолоть такой муки на большое семейство! Не потому ли так горек оккупационный хлеб, что в муку столько пота и слез человеческих падает?.

Еще и не развиднелось, когда Павел поднял своих людей. Ночь минула, будто ее и не было. Партизаны двинулись к двери. Вася подошел к молодому поляку, что коротал ночь, притулившись к юной жене.

— Может, пойдешь с нами? — полушутя спросил Вася.

Парень встрепенулся, словно ждал этого вопроса. Молодуха по-кошачьи мягко прыгнула вперед, заслонила своим располневшим телом суженого и испуганно зашептала:

— Чего хочет пан? Забрать моего хозяина? Идите себе, пускай он останется со мной. Я боюсь одна, — уже совсем по-детски всхлипнула она.

— Да я пошутил, — растерялся Вася, не зная, куда и деться от такого неожиданного поворота событий. — Простите, я не хотел пугать вас. Мы уж как-нибудь сами...

Не договорил, махнул рукой, поправил ручной пулемет за спиною и шагнул к двери, в которую со двора уже валил сизый холод. Последним из хаты вышел хозяин, остановился на пороге.

— Спасибо тебе, отец, — повернулся к нему Сычев. — Ты настоящий польский коммунист.

— Проше пана, какой из меня коммунист? — заволновался Юзеф. — Я просто ненавижу фашистов. А для таких героев истинных, как вы, у меня всегда открыта дверь. Дойдете благополучно до своих, погоните фашиста — встретимся.

Уже когда пробивались по рыхлому снегу к повороту в лес, Вася не утерпел и обернулся. В калитке стоял высокий сгорбленный Юзеф, прощально глядя им вслед, а рядом на фоне белого снега темнела тонкая фигура его сына.

Партизаны снова растянулись цепочкой, шли быстро, стараясь дойти затемно до чащи, нырнуть в густые заросли.

Вдруг кто-то впереди торопливо перешел улицу. Парень с пустыми ведрами заскрипел сапогами по снегу к колодцу. Павел остановился.

— Черт бы его взял! Так рано, а уже с пустыми ведрами улицу переходит. Предлагаю немного переждать.

— Ты что, веришь во всякие приметы? — усмехнулся Иванов. — Кто б мог подумать...

— Да что ты прицепился! — обиделся командир.— Просто не хочется лишний раз на чужие глаза попадать!

— Давайте подойдем к колодцу воды напиться, — предложил Вася и, хитро подмигнув Сычеву, пошутил: — А то еще подеретесь, чего доброго... Пока воды попьем, он нам с полными ведрами перейдет дорогу.

Партизаны подошли к колодцу, поздоровались с парнем. Тот оказался небоязливым, разговорчивым. Это сначала насторожило Васю, но потом он успокоился — зачем подозревать случайного человека, с которым, возможно, больше и не увидишься никогда? Пусть себе тарахтит.

Парень посоветовал идти лесом, не отрываясь от узкоколейки, что вилась через село до самой Беловежской Пущи. При этом намекнул недвусмысленно:

— У немцев сегодня пасха, так что им не до вас. Сидят по селам, шнапс попивают. Война для них нынче не существует.

Партизаны и сами хорошо знали пунктуальность немцев, для которых установленный порядок издавна превыше всего, а потому ободрились и подались от села, держась метрах в ста от железнодорожного полотна.

Оно то совсем исчезало в густых зарослях, то ныряло под снег, то снова тонкой тропинкой вырывалось наверх, деля лес на две части. Если б можно было сделать так, чтоб по другую сторону его остались вражеские засады, посты, опасность, а по эту сторону —

только рыхлая наметь, шум леса да эта влажная рассветная мгла, тогда не так тяжело ступали бы ноги людей, не так гнули бы голову тяжелые мысли.

Прошли километра четыре по глубокому снегу. Больше всех доставалось Коробко да Иванову. Их маленькие фигуры то и дело проваливались в замяти, лишь головы и плечи торчали над снегом, да еще высоко поднятое оружие, которое партизаны берегли пуще собственного сердца.

Долго не светало.

Почему так тоскливо потрескивают маленькие елочки над просекой? Неужели ломает им нежные веточки тяжелый влажный снег, что немилосердно гнет невысокие кроны к земле? Или это, может, у тебя у самого что-то отрывается внутри от страшного, нечеловеческого напряжения?

Тревога одолевала Васю. Почему-то все время перед ним стояли глубоко спрятанные под кустистыми бровями глаза встреченного у колодца парня.

Иванов, очередной раз провалившись в глубокий снег, выругался:

— Чего нас черти прут, где глубже! Говорил же хлопец, что у немцев сегодня пасха. Они сидят по хатам, пьянствуют, а мы духу ихнего боимся. Нет чтоб на колею выйти, на твердое, так мы тащимся по целине.

Павел подумал немного и согласился. Действительно, вон Коробко даже согнулся от усталости, едва тащит ручной пулемет. Так далеко не уйдешь. Подошел к Васе, молча потянул «дегтяря» к себе.

— Что такое? — повернулся к нему Вася.

— Давай поменяемся. Автомат чуть полегче, вот ты и понеси его, а я твой пулемет.

Вася нехотя отдал ему свое оружие и вскарабкался вслед за Ивановым на насыпь. По узкоколейке действительно идти было куда легче.

Выглянуло солнце. Ветер раскачивал верхушки деревьев, прорывался вниз, к земле, чтоб поднять с нее свежую порошу, но она была влажной и неподатливой. Тогда ветер налетал на тяжелые кроны, срывал снежные пласты и обрушивал их с таким звуком, будто разрывались хлопушки.

Монотонно-спокойное поскрипывание снега под ногами слегка убаюкивало.

«А может, все будет хорошо, проскочим сквозь вражеские секреты к своим, которые уже, наверное, собрались возле Пружан». Эта мысль подгоняла группу, настойчиво толкала коротенькую цепочку людей все вперед и вперед.

Неожиданно из зарослей справа резко ударили автоматные очереди. Вмиг раскололась лесная тишина. Засвистел свинец, повалил путников на снег. Сычев, Иванов и Коробко распластались прямо на высоком полотне, четверо остальных скатились с насыпи.

Вася почувствовал, как что-то горячее пронизало ему ноги. Он попробовал подняться или хотя бы поползти и не смог — такая боль рванула тело, что в глазах стало темно.

В отчаянии Вася дернул за плечо Павла Сычева, однако он не отозвался. Иванов тоже был мертв, глаза, остывая, стекленели.

Тогда Вася выхватил из рук Павла свой пулемет и крикнул друзьям:

— Отходите! Я прикрою!..

В ответ засвистели вражеские пули. Однако заговорили и наши автоматы из-за насыпи. Вася прижался к холодному рельсу и выпустил длинную очередь в ту сторону леса, где были враги.

Проклятый прислужник перешел-таки дорогу с пустыми ведрами...

ГЛАВА I

Немецкие воинские части перевалились через Погорельцы да и загрохотали вдалеке, отодвигая линию фронта на восток. Впрочем, четкой линии фронта и не было — то там, то здесь завязывались короткие жестокие бои, наши части пытались остановить огненный вал, но пока что сила была на стороне немцев. Они вошли 26 августа в красивое село над тихой речкой Ревною. Вскоре возле церкви была сооружена страшная виселица, пять петель закачались на перекладине, ожидая первых жертв.

Жуткая тишина воцарилась над когда-то голосистым лесным селом.

Хата Коробко прижукла, маленькая и незаметная. Раньше во дворе возле нее поздними вечерами собирались люди, чтобы послушать рассказы гостеприимного хозяина — колхозного бухгалтера и сельсоветского секретаря Ивана Гурьевича. Теперь же он должен сидеть затаившись, чтоб, чего доброго, не припомнили ему фашисты его секретарство. Ведь это он одним из первых после Октября переселился из Погорельцев и организовал коммуну на хуторе. Поначалу было всего восемь коммунарских семейств, но когда на базе коммуны был создан колхоз, в него вступило много погорельчан, убедившихся в преимуществах коллективного труда.

Старый Коробко сидел у окна и смотрел на подворье. Там похаживала одинокая курица, дивом уцелевшая после прихода немцев. Она копалась в навозе, раз за разом вскидывала головку, будто прислушивалась — не свалится ли и на нее беда? Ивану Гурьевичу было не по себе сидеть вот так, без дела, но о каком деле могла идти речь, если не стало колхоза. Мучил глубокий сухой кашель: проклятая чахотка навалилась с новой силой, рвала грудь. Тревога томила

его — на днях завернул к ним сосед, пробурчал старикам:

— Вы того... не распускайте своего малого. Что ни вечер — собирает около себя компанию. Знаете, ваше дело и так того... могут припомнить, кем вы до войны были. Заприте его в хате...

Сказал и поковылял себе, загребая пыль кривыми ногами. А их с женой будто в горячую воду кинул. Александра Кузьминична уже и слова молвить не в силах.

Вася вернулся, когда сумерки обволакивали хату. Скрипнул дверью и попросил:

— Мама, есть что-нибудь повечерять?

Мать молчала: все тревоги, что накопились за день, встали клубком в горле. Наконец не выдержала:

— Пожалел бы ты если не меня, то хотя бы отца больного! Носит тебя нечистая незнамо где, а мы тут дрожим, ждем, когда придут да заберут, да шеи в петли затянут. И когда уже ты угомонишься?..

Вася оторопел. Что случилось? Мать всегда с ним такая ласковая, тихая, а тут вдруг налетела на него, едва успел порог переступить. Не иначе кто-то ей наплел невесть что.

— Так что же мне, из хаты высунуться нельзя? Вон все ходят, а мне к столу привязаться?..

— Ты учти, если поймают на чем-то, так не посмотрят, что ты еще сопливый. И нас вместе с тобой заберут. Ведь сам знаешь, сколько в селе нечисти развелось.

— Ну хорошо, мама, не буду, — пытался успокоить ее Вася, а сам тоже никак не мог прогнать беспокойство. — Я же ничего такого... Разве что по селу пройдусь или на речку, бывает, сбегаю покупаться.

— Налей в корыто воды и купайся дома, если уж тебе так невтерпеж. Скоро мороз стукнет, а ему купаться...

Иван Гурьевич молчал. Знал, что все равно сын не послушается. Разве это впервые — читаешь-читаешь ему нотацию, а Вася выслушает потупясь, со всем согласится, а сам вновь за свое.

Вася быстро поел и вышел из хаты. Что там говорить, тревога родителей понятна. Однако же и он не может поступать иначе.

После той ночи, когда впервые Вася встретился с партизанскими разведчиками за селом, почувствовал он себя увереннее, а главное, исчезли растерянность и неопределенность, Вася нашел выход своему едва сдерживаемому гневу на фашистов.

Правда, Васе пока еще не удалось чем-нибудь насолить врагу. Хотел было на Октябрьские развесить в селе флаги, так командир Перелюбского партизанского отряда Александр Петрович Балабай категорически запретил ему проявлять какую-либо инициативу. Он сказал, что сейчас во сто крат ценнее собирать информацию об оккупантах, потому что скоро начнется настоящая тыловая война. Вот и приходится Васе незаметно вертеться там, где немцы или полицаи вместе собираются, прислушиваться ко всему, чтобы в лес передать необходимую информацию.

Был конец ноября. Уже холодно стало, ночью постукивали морозцы, оставляя на пожухлой почерневшей листве седые следы. Вася вышел из хаты. Пронизывающий ветер подхватил его под руки и понес к дубовой колоде возле хлева. Вася сел на промерзшую колоду, прислушался. Нигде никого. Только от школы, битком набитой фашистами, доносится переливчатый звук губной гармошки да басовито подвывает мотор.

Вася вспомнил, как пробрался впервые в школу, занятую фашистами. Балабай велел узнать, сколько в школе немцев и какое у них оружие. Мальчишка решил схитрить. Он взял веник, тряпку, ведро с водой и направился к зданию школы. Его заметили не сразу.

Вася прошел между машинами, миновал полевую кухню на высоком резиновом ходу и спокойно направился к крыльцу.

Часовой удивленно смотрел на него. Вася остановился, показал на ведро и веник.

— Я иду уборку делать. Вот так — веником, а потом водою — и чисто будет.

Немец сначала не понимал, чего хочет мальчишка, удивленно таращился на него, а когда до него дошел смысл слов мальчишки, засмеялся и замахал свободной рукой:

— О, маленький мальчик, зер гут, карошо. Иди...

Вася поднялся на крыльцо и недоуменно остановился в длинном гулком коридоре, заполненном непривычной пустотой: стены оббитые, загаженные, пол завален мусором, обрывками бумаги. В углу, прикрывая вход в директорский кабинет, стояли какие-то зеленые ящики.

Вася тихо прошел туда, где был когда-то их шестой класс. Голые стены, ни стола, ни парт, солома покрывала сплошным слоем пол, лишь в углу одиноко чернела классная доска, и на ней белели какие-то немецкие слова. Вася даже зубами скрипнул от злости, постоял минуту молча и вышел в коридор.

Побрызгав немного водою пол, Вася принялся сметать мусор в кучу, осторожно поглядывая по сторонам. В классах, коридорах громоздились ящики с боеприпасами, стояли десять тяжелых пулеметов, три миномета. Во дворе выстроились в ряд двенадцать крытых автомобилей. Вася радовался: теперь в отряде будет наиточнейшая информация. Балабай похвалит за хитрость.

Когда выносил мусор, часовой ласково улыбнулся ему и полез в карман. У него на ладони блеснула плитка шоколада.

— Зер гут! Карошо! — произнес немец.

Вася, закивав благодарно, подхватил шоколад и весело зашагал улицей...

Что-то зашуршало в сухом бурьяне. Вася отогнал от себя воспоминание и оглянулся: пришли Ваня Снитко, Ваня Кудин и Володя Шендра.

Володя сразу же зашептал:

— Слышали? В Тополевке фашисты несколько хат сожгли. Так они скоро и наше село сожгут, а нас с вами перестреляют, как кур. Нет, я не согласен сидеть сложа руки.

— Ну и не сиди, — отозвался Вася. — Возьми топор и наруби дров. Только спасибо скажут.

— Чего насмехаешься? — обиделся Володя.

— Никто не насмехается, — успокоил его Вася, — но если будешь так орать, то, не знаю, село сожгут или нет, а вот тебе наверняка вложат. Так что помалкивай...

Володя, насупившись, понуро замолчал.

Васе и самому хотелось кричать от злости. Он знал, каратели, за которыми он уже столько времени прибирает в школе, сожгли чуть ли не пол-Тополевки. Они приезжали из Тополевки очумелые от собственного злодейства, напивались до чертиков, страшно горланили.

Но, кажется, подходит конец терпению. Партизаны готовятся к нападению на гарнизон в Погорельцах. Донесения Васи им пригодились. Теперь ждать недолго...

Вася выслушал сообщения своих друзей. В основном они поведали ему о том, что он и сам знал. Немцы не поменяли место дислокации, жили, как и раньше, в школе, в помещении МТС и в церкви. На прежних местах стояли автомашины, мотоциклы. Значит,

можно передать в лес: во вражеском логове никаких изменений.

Ребята разошлись, когда сумерки густо затянули село...

* * *

Первого декабря вечером Вася собрался на улицу. Отец спросил, пересиливая кашель:

— Куда опять?

— Я, тату, пойду к Шендре. Во что-нибудь поиграем. Нудно одному.

— Только не сиди там допоздна. Еще, чего доброго, немцы подстрелят. Видишь, как они зверствуют?!

Мальчишка кивнул с порога и исчез за дверью. Хорошо, что матери не было в хате, она так просто не отпустила бы из дому.

До хаты Шендры недалеко. Ребята немного поиграли в домино, а когда на улице стемнело, Вася поднялся.

— Ну, теперь мне пора! — блеснул он глазами из-под черных бровей.

Осторожно, прижимаясь к изгородям, Вася двинулся селом. Оно будто вымерло. Только кое-где чуть блеснет лучик из-за плотно занавешенного окна, издалека донесется голос патрульного, звякнет о металл и затрепещет звук на ветру.

Но вот послышались шаги. Вася притаился за изгородью, припал к земле, присыпанной снежком. Прошел патруль. Немцы брели, о чем-то переговариваясь, пряча лица в воротники шинелей от ветра. Вася подождал, когда они растаяли в темноте, и снова двинулся в направлении церкви.

Церковь упиралась в небо острой колокольней. Бывало, запрокинешь голову вверх, и каменное громадье будто валится на тебя, вот-вот раздавит. Голые деревья качаются, словно тени летучих мышей носятся

вокруг стен, скрипят ветки, трутся одна о другую. Холодно церкви, холодно деревьям, видно, замерз возле широких дверей часовой, засунувший руки в рукава шинели, чтоб хоть как-то согреться. Надо незаметно обойти его.

Вася пополз, стараясь не шуметь. Неожиданно наткнулся на что-то холодное и твердое, быстро припал к земле. Потом осторожно глянул—стоит над ним кто-то черный, неподвижный. Страх сковал все тело мальчишки и не отпускал до тех пор, пока луна не проблеснула сквозь тонкую тучку. И тут Вася разглядел — перед ним каменный памятник. В этом же месте похоронены церковники, как он мог забыть!

Вася заставил себя успокоиться и, уняв дрожь, быстро пополз к церкви. Через минуту нащупал нижнюю, вделанную в каменную стену перекладину и тихо полез вверх по отвесной лестнице.

Чем выше поднимался Вася, тем сильнее трепал его ветер, застывали руки. Казалось, он не по лестнице взбирается, а переступает через спящих немцев, которых полно там, внутри церкви.

По перекладинам Вася добрался до церковной крыши, прошел по ней к колокольне. И, перебравшись через кирпичный барьер, крадучись, двинулся по ступенькам еще выше, пока не оказался под самым сводом. Теперь никакая сила не сможет выкурить его отсюда, пока он не выполнит партизанское задание.

Вася тихо прошел по кругу вдоль стены, огляделся, нащупал небрежно свисавшую связку веревок, покачивающуюся под порывами ветра. Теперь бы только дождаться четырех часов, а там будь что будет.

Вася сидел, скорчившись, под стеною, время от времени посматривая на наручные часы. Вот-вот фосфоресцирующая стрелка приблизится к условной цифре, и тогда кончится для него напряженное ожидание.

Интересно, вышли ли партизаны на заранее подго-

товленные позиции? Вася вглядывался в темноту, ощупывая глазами каждый кусочек окружающей местности, освещенный лунным сиянием. Он все чаще начал посматривать на циферблат, будто пытаясь ускорить бег времени, но, чем меньше оставалось до условленного часа, тем больше терзало Васю нетерпение, даже руки, вплетенные в веревки, начинали дрожать.

Он еще раз осмотрел веревки. Вот эта длинная и толстая веревка прикреплена к языку самого большого колокола-ревуна, именно за нее и надо будет дернуть что есть силы.

Наконец стрелки показали четыре. Вася крепко ухватился за веревку и медленно принялся раскачивать язык колокола. К себе — от себя, к себе — от себя. Амплитуда все увеличивалась, а колокол вверху не отзывался даже самым маленьким звоном.

Васе стало безразлично, слышит ли его часовой внизу, возле ворот, не проснулись ли вражеские солдаты в церкви, — он весь ушел в это нарастающее движение, бросая свое худое тело вперед-назад, и сердце его едва не выскакивало из груди от напряжения.

Неожиданно тишину разорвал густой тревожный звон, за ним взлетел и погнался второй, такой же ровный и раскатистый. Вася не слышал, как всполошенно застрочил из автомата часовой внизу, как со всех сторон на карателей налетели народные мстители, поливая огнем и сотрясая воздух взрывами гранат.

Загрохотала ночь, взвилась в небо багряными вспышками ракет. Но Вася слышал только тревожное уханье большого колокола, длившееся до тех пор, пока сама церковь не вздрогнула от нескольких взрывов, что слились в один. Только тогда он выпустил из одеревеневших рук толстую колючую веревку. Тяжело дыша, откинулся спиной к стене, не ощущая холода кирпича.

Колокол еще ухал, но все тише и тише, и наконец смолк. Да он уже никому и не был нужен — подняв

народных мстителей на бой, выполнив свою миссию, он теперь мог спокойно молчать.

А объединенные областной Корюковский, Перелюбский, Райментаревский и Холминский партизанские отряды не дали поднять головы оккупантам. Подкравшись к тщательно разведанным объектам, партизаны налетели с такой яростью, что гитлеровцы растерялись. Огонь косил их целыми группами, лишь отдельные черные фигуры вырывались из этого ночного пекла.

Бой продолжался недолго. Народные мстители заняли село, разгромив фашистский гарнизон, состоявший из карателей и их прислужников...

В хате Коробко той ночью никто не спал. Где бродит сын? Что с ним случилось? Мать уже тихонько плакала, а отец растерянно кряхтел на печи. Первые же выстрелы подхватили обоих, кинули к окнам. Не зажигая света, родители тревожно вслушивались, всматривались в грохот огня и металла и никак не могли додуматься, что могло свалиться на их Погорельцы. Наконец немного утихло, потом совсем смолкло, лишь кое-где раздавались одиночные выстрелы.

Кто-то постучал в дверь. Мать рванулась к порогу ни жива ни мертва. Отец отстранил ее от двери, беспокойно спросил:

— Кто там?

— Я, тату... Вася...

Александра Кузьминична как стояла, так и упала на лавку. Стало легко на сердце, словно не было только что страшнейшего переполоха в селе и тревога не колотила ее измученное тело. Иван Гурьевич торопливо открыл дверь и попятился в хату—перед ним стоял совсем другой мальчишка, будто и не его сын. На голове высокая шапка с красной полоской. Грудь пере-

тянута пулеметной лентой, густо набитой патронами. Из-под плеча выглядывает автомат, который, правда, слишком велик для мальчишеской фигуры.

Вася стоял и смущенно улыбался, словно прося прощения за долгое отсутствие.

— Боже ж ты мой!—всплеснула ладонями мать.— Во что ты вырядился?

Вася отвел глаза. Попробуй объяснить, если тебя еще за малыша считают, боятся из хаты одного отпустить. На словах людям хвастаются, что сын их самостоятельным и умным растет, а как до дела, так и на попятную: еще несмышленыш, и все!

Однако молчанием ничего не объяснишь. Вася понимал: он еще больше сейчас переполошит родителей, но и уйти тайком, заставить страдать, теряясь в неизвестности, не мог. И он решился:

— В лес иду. К партизанам.

— Куда, куда?! — грозно насупился отец.

— К партизанам! — уже твердо повторил Вася. — Забежал попрощаться. Командир разрешил, но сказал — не задерживаться долго, чтоб всем затемно выйти из села.

— Ой боже ж мой! — заголосила мать. — Куда тебя несет на погибель? Вон взрослые по хатам прячутся, пережидают беду, а тебя что из дома гонит? Садись вот здесь, возле печи, и ни с места! Я тебе покажу партизан...

— Мама, — проговорил Вася, и в его тоне была такая непреклонность, что мать сразу замолчала. — Все решено. Я иду. И никто меня не удержит. — И мягко добавил: — Если хотите знать, то в лесу безопаснее. Все ж свои вокруг, защитимся. А те взрослые, о которых вы говорите, пусть сидят, пока их не перестреляют, как в Тополевке. Вы обо мне не беспокойтесь. Я не один. Нас много из Погорельцев. Учитель Петр Анисимович Иценко совсем больной человек, а тоже с нами.

Родители поняли — как ни отговаривай, а по-ихнему не будет. Вася не из уступчивых. Только родительское сердце все равно болит в предчувствии неминуемой разлуки. Кто знает, что она принесет им всем, доведется ли свидеться, или так и затеряются они навсегда в этом пекле?

Мать кинулась к сыну, прижала к себе, а он голову чуть склонил к плечу, а сам куда-то в сторону смотрит, уже дорогу выглядывает. Отец только пожал руку да и отвернулся, чтобы слез никто не видел.

Неумело поцеловав мать, Вася почти выбежал из хаты. Через минуту его маленькая фигура растаяла в сумерках, что медленно обволакивали растревоженное село.

ГЛАВА II

Васю Коробко зачислили в разведку. Он должен был ходить по селам, одевшись нищим, кусок хлеба выпрашивать и одновременно все высматривать, внимательно слушать. Где листовку оставить, а где и мину подложить — это его дело, здесь взрослым нельзя. Кто из немцев или полицаев признает партизанского разведчика в замурзанном, маленького росточка мальчишке, которых сейчас столько слоняется по селам?

Семь дней выла такая неожиданно лютая пурга, что казалось, уже никогда не бывать хорошей погоде, что и следы человечьи навеки занесет глубокий сыпучий снег. Густые низкие кустарники исчезли под сугробами, даже верхушки их совсем засыпало. Ветер то надсадно свистел вверху, раскачивая толстенные сосновые стволы, как осоку над речкой, то вдруг ужом полз понизу, бил холодом замерзших людей, задирал коням хвосты и гривы. Холод мучил людей: землянок, куда можно было бы спрятаться от непогоды, заранее не выкопали.

Наконец притихло. Где-то к утру угомонился ветер, перестала в отчаянии свистеть хвоя, и люди обрадованно прислушивались, шевелились веселее, чтобы согреться, выскакивали на просеки, шумно гонялись друг за другом, как малые дети.

На рассвете вернулась с боевого задания рота Александра Балабая. Вася выбежал встречать народных мстителей, как самых родных людей. И действительно, это же Балабай привлек его к работе, бывший директор Перелюбской средней школы, командир одного из первых отрядов, а ныне командир роты областного партизанского объединенного отряда. Никогда он не был военным, но сейчас неизменно носил командирский китель с белым воротничком, темно-синие галифе и хромовые сапоги, длинную кавалерийскую шинель, под которой покачивалась полевая сумка с документами.

Уже в первые месяцы оккупации Балабай начал активные действия против врага. Александр Петрович сразу же применил действенную партизанскую тактику — налететь неожиданно, ударить врага и незаметно ускользнуть в другое место.

Вася даже жалел, что расстался с его дружными людьми, когда перешел к разведчикам.

Партизаны, проученные недавней страшной пургой, спешно начали строить жилища, зарываться поглубже в землю. Одной из первых ожила землянка разведчиков, выкопанная в центре лагеря в Елинском лесу. В землянке тепло. Гудит раскаленная докрасна железная печка, и горячий воздух волнами ходит по землянке.

Вася примостился на деревянном лежаке, устланном ветками, и прислушивается к веселому разговору. Сегодня у разведчиков шумно — подрывники готовятся отпраздновать свой въезд в новую землянку, вот разведчики и решили это событие отметить самодеятельным концертом.

Старшина разведки Сергей Дмитриевич Герасименко пытался объединить усилия певцов, размахивая длинными руками: дирижировал. Однако голоса то сливались, то вновь разбегались по углам и гремели каждый сам по себе. Только тонкий голосок медсестры Нонны Погуляйло звенел высоко над басовитым гудением хора, будто серебряный ручеек переливался в вышине.

Наконец Герасименко в сердцах трахнул кулаком по сосновому, грубо обтесанному столу:

— А ну вас всех! Слон вам на ухо наступил, что ли? Я ж вас вверх подтягиваю, так чего же вы гудите, как шмели? Григорий Иванович, хоть вы им скажите, что, если так и дальше будет продолжаться, стыдно нам будет перед людьми выступать.

Командир разведки Балицкий, что-то тихонько напевающий, покосился на старшину.

— Что сказать? — улыбнулся он весело. — Тут командовать не годится. Как душа настроена, так и поет. Командир здесь ни при чем. Я, может, сам гужу, как майский жук.

— Да чего ты ворчишь! — загорелся Григорий Букоша, известный среди разведчиков шутник. — Твое дело руками махать, а наше — петь. Мне кажется, что сам ты ни черта не смыслишь в этом, а нас за хвост собираешься тянуть. Вот послушай, как выходит. — Задрал голову к потолку и тонко пропел: — Нашему дирutilгенту вечная слава-а...

Разведчики с хохоту покатились. А Герасименко обиженно махнул рукой и сел у стены.

Дверь в землянку открылась, и сразу запахло горячей пищей. Это кухарка Марина вовремя появилась с обедом. Незлобивая перебранка погасла в перезвоне мисок и в дружном гомоне.

Вася достал ложку и принялся хлебать суп.

— Ну и суп наваристый, — неожиданно отложил

ложку Корчагин. — Такой жидкий, что на дне миски видно, как вороны летают.

— Что это с тобою сегодня, Миша? — повернулась к нему Марина. — Белая муха укусила? Раньше ел и ничего не говорил, а сегодня...

— Ему подавай бутерброд с маслом, бефстроганов да икру паюсную,—заступился за кухарку Букоша.— Не видел ты еще жареного волка, потому и ворчишь.

Корчагин ниже склонился над миской, поняв, что напрасно начал этот разговор. А Вася хлебнул несколько раз, а потом нагнулся к соседу, спросил тихо:

— Слышишь, а что это такое — бефстроганов да икра паюсная? Ты пробовал когда-нибудь?

Тот проглотил ложку горячей похлебки и пояснил:

— Да обычное мясо, ничего больше. А икра, ну, как всякая икра, что из карасей или линей. Попридумывали только разные мудреные слова...

К вечеру мороз усилился. Воздух налился какой-то звонкою прозрачностью, прихватило снег на ветках, стали четче контуры землянок и всего остального нехитрого партизанского хозяйства. Было приказано всем заготавливать дрова. Разведчики вышли один за другим из землянки.

Балицкий велел Васе поддерживать огонь в печке, и Вася время от времени приотворял узенькие дверцы, вбрасывал в ненасытное нутро несколько поленьев, шарахался от палящего пламени, что переваливалось через тонкий металлический прутик, осторожно прикрывал дверцы, подпирал их палкой и устраивался на лежаке возле узенького оконца.

Сквозь закопченное стекло была видна часть территории лагеря. Перед глазами сновали людские ноги, обутые во что попало, поднимая колючую белую пыль. Неспешно протопали кони, волоча за собой сани, нагруженные распиленными колодами.

Пар клубился над людьми и лошадьми, видимо, мо-

роз крепко досаждал, поскольку люди часто хлопали рукавицами, постукивали сапогами и не застаивались на месте. Где-то звенели пилы, вгрызаясь во влажную древесину, и даже в землянке были слышны запахи свежей живицы, которая медленно замерзала на поленьях.

Возле соседней землянки подрывников лихо рубят кругляки, и топоры то глухо, то звонко стучат в руках подрывников. Седой дым курчавится из тонкой трубы и отвесно поднимается в высокое чистое небо, будто его кто-то вытягивает сверху в ровную нитку.

В последнее время Коробко все чаще поглядывает на ту землянку, при каждом удобном случае старается заскочить к подрывникам. Какая-то неведомая сила тянула его в общество отважных людей, про которых уже ходили легенды. Это они выходили на проселочные дороги, на «железку» и пускали под откос вражеский транспорт. Подрывники были настоящими героями в первую партизанскую зиму. Нельзя сказать, что разведчики мало делали для успеха партизанской войны. Но славные дела подрывников гремели громче. Вот почему Васю неудержимо влекло к ним. Уже несколько раз он даже просился к подрывникам, но пока что ничего не получалось.

Смеркалось, когда к Васе в землянку приковылял подрывник Клоков. Этот окруженец прибился к отряду не так давно, но сразу же стал в нем своим человеком, неизменным участником всех крупных диверсий, а потому едва ли не больше всех нравился Васе. Заметив привязанность мальчишки, подрывник отвечал ему тем же.

Вася глянул на гостя. Тот прыгал на одной ноге. На другой белели бинты, но Клоков морщился не столько от боли, сколько от досады — не однажды он бывал под огнем, и нá тебе: на днях пошел на железную дорогу, мину заложил, а поезда долго пришлось

ждать, лежал в снегу не шевелясь, пока все-таки не взорвал мину под эшелоном. Уже когда добрался к своим, увидел Клоков, что нога у него обморожена. Теперь вынужден сиднем сидеть в лагере.

— Слушай, Василек, — начал Клоков прямо с порога, — кажется, тебе повезло. Ходил я только что в штаб, говорил про тебя. Командир областного отряда не против, чтобы перевести тебя к нам.

— Ой спасибо! — подхватился Коробко. — Всеволод Иванович, а вы не обманываете? Сам Попудренко сказал?

— Зачем бы это я тащился сюда, чтоб обманывать? Сам слышал...

Клоков пристроился возле печки, вытянул обмороженную ногу в сторону, здоровую же едва ли не прислонял к раскаленному железу. А Вася уже не мог усидеть на месте, так взволновало его это сообщение. Он машинально накинул на себя кожушок и умоляюще смотрел на Клокова.

— Вы бы не смогли тут вместо меня присмотреть за печкой? Что-то мне жарко стало. Еще угорю, чего доброго.

— Беги уж. Присмотрю.

У самого порога Вася столкнулся со своим земляком Филиппом Яковлевичем Карпенко. Тот остановил Васю.

— Послушай, человек хороший, а не забыл ли ты о своем учителе? Он совсем расхворался, а ты даже проведать не найдешь времени...

На мальчишку будто кто водой холодной плеснул. Он виновато вскинул глаза на высокого мужчину.

— Я же вчера был... Но он в это время спал. Он лежит в землянке? — тихо спросил Вася.

— Да нет. Видел я его сейчас, он свежим воздухом дышит. Говорит, давно Василька не видел...

— Спасибо, дядя Филипп, я сейчас же сбегаю к нему, — произнес Вася и припустил к землянке Иценко.

Петр Анисимович, его любимый учитель математики, чувствовал себя очень плохо. Чахотка медленно, но неукротимо подтачивала его здоровье. И если он в мирное время еще как-то боролся с болезнью, то в суровых партизанских условиях его силы просто таяли.

В последнее время Иценко владело тяжелое предчувствие близкой смерти. Казалось, она уже дышала в его худое, тонкое лицо, и невозможно было разминуться с нею на узкой тропинке. Пришло время подводить итоги жизни.

Иценко лежал на санях, устланных соломой, и тяжело вдыхал палящий морозный воздух, густо настоянный на живице. Прямо над головой буйно разметались ветви, опушенные белым чистым снегом, совсем еще не побитым оттепелью, а в недосягаемой вышине прояснивались колючие трепетные звезды.

Костлявая грудь Иценко медленно остывала, как и все немощное тело, закутанное в длинную шинель. Кто знает, сколько еще таких вечеров осталось ему на веку, сколько снега придется истоптать? Однако сколько бы ни пришлось, не будет ему стыдно за прожитое, не отведет он напоследок глаза от товарищей. Уже не страшно ему было прощаться с жизнью — смирился он с неминуемостью скорого конца и лишь спокойно пытался насмотреться на вечерний снег, который так любил.

Послышались легкие шаги по скрипучему снегу. Иценко повернул голову на звук и обрадованно засиял — к саням быстро приближался Вася Коробко.

— Как хорошо, что ты пришел, — проговорил тихо Иценко и протянул Васе свою восковую руку. — А то все заняты делом, только я один лежу на морозе.

— Полежите, Петр Анисимович, чего вам переживать, — заволновался Вася да и смолк — не мог подобрать нужных слов, от волнения перехватило дыхание. Он переминался с ноги на ногу и внимательно вглядывался в бледное лицо любимого учителя, пока тот не шевельнул губами.

— Ничего, Василек, ничего. Все идет так, как и должно быть. Вот только жаль, что врага не могу бить. На ноги встану — а в глазах все кружится...

Вася порывисто нагнулся и припал к учителю. А тот запустил длинные тонкие пальцы ему в волосы и ласково шевелил их, будто ветерок легкий проходил по мальчишечьей голове. Вася оторвался на миг от учителя, а потом сбросил с себя кожушок и плотно закутал им ноги больного.

— Что ты, Василек, не нужно, мне уже не холодно, — запротестовал учитель, попытался было скинуть теплую овчину, но мальчик придержал ее обеими руками.

— Пусть останется вам, Петр Анисимович, мне ведь ни к чему. Я же сейчас в землянку верпусь, а вам лежать на морозе. Ведь на свежем воздухе вам легче, правда? Да я и другой достану, мне дадут...

Он отвернулся, пряча слезы, и, не оглядываясь, побежал к землянке.

На тропинке Васе повстречался политрук разведывательного взвода Владимир Михайлович Дружинин. Он остановил мальчишку.

— А я к тебе. Одевайся, и пошли в штаб.

— Зачем? — спросил Вася.

— Не знаю, — хитро улыбнулся Дружинин. — Там скажут.

Вася заскочил в теплую землянку и через минуту вылетел на мороз в длинной шинели...

— Ну, здравствуй, партизан! — подал ему руку си-

дящий за столом Попудренко. — Рассказывай, что нового собираешься натворить.

Коробко смутился.

— Ничего не собираюсь, Николай Никитович. Не разрешают ведь в подрывники перейти. А я уже научился мины ставить не хуже других. Разведка разведкой, но когда эшелон пустишь под откос...

— Вишь, какой смекалистый, знает, где чем пахнет, — засмеялся Попудренко, лукаво поглядывая на низкорослого мальчишку, что едва выглядывал из-за стола. — А что, если мы уже решили перевести тебя в диверсионную группу? Как ты на это посмотришь?

Вася прищурил левый глаз, внимательно поглядел на командира—не шутит ли случайно? Будто бы нет...

— А как смотреть? Сам же прошусь давно, вы ведь знаете. Мы с ребятами еще в Погорельцах хотели немцам устроить одну штуку...

— Выходит, хорошо, что мы тебя в лес забрали, а то бы вы там наустраивали... — откинулся Попудренко к стене. — Ну как, Владимир Михайлович, не жаль тебе расставаться с таким лихим разведчиком?

Дружинин развел руками:

— Конечно, жаль. Только ж он мне всю голову проел — помогите да помогите перейти к подрывникам. Пусть как знает, мы не обижали его.

— Раз так, собирай пожитки и перебирайся в другую землянку,—повернулся Попудренко к мальчишке.

Тот чуть не подскочил от радости, но вовремя спохватился — несолидно прыгать, это не на лугу перед мальчишками.

— Сразу же получаешь боевое задание. Каратели собираются нагрянуть к нам в лес. Пойдешь в группу Костюкова. Он уже готовится. Мины расставите так, чтоб из Щорса до Елиного леса ни одна вражеская упряжка не прорвалась. Сейчас, — посмотрел Попудренко на часы, — около семи вечера. К утру вы должны

быть в Щорсе. Там ждет вас наш человек. Он вас ознакомит с ситуацией. Ну как, вопросы есть?

Коробко поднялся и радостно взглянул на командира.

— Никаких вопросов нет, Николай Никитович, все будет сделано, как вы приказали. Я не подведу никого...

— Ну-ну, посмотрим, — усмехнулся Попудренко.— Да гляди ж мне, будь осторожен. Не лезь там на рожон! — сдвинул он Васе шапку набекрень и тепло посмотрел вслед. Не хотелось бы посылать мальчишку на столь опасное дело. Но что поделаешь? Война!.. А на войне дети быстро взрослеют.

Командир группы Георгий Костюков, Петр Романов и другие подрывники быстро загрузили необходимым легкие сани. Взяли двадцать пять килограммов тола, бикфордов шнур, запалы, семь магнитных мин с часовыми механизмами. Они запрягли коней и уже было двинулись в дорогу, как вдруг Вася соскочил с саней на снег и побежал в глубь леса.

— Куда ты? — крикнул Костюков, натянув вожжи.

— Сейчас, одну минуточку, — даже не оглянулся мальчишка и замелькал между стволами сосен.

Вася подбежал к землянке, где жил Иценко. Рядом с землянкой стояли распряженные сани, и с них доносилось тяжелое, прерывистое дыхание. Вася осторожно подошел к саням. Неожиданно из-под кожуха послышался слабый голос:

— Василек, чего крадешься? Я уже давно тебя заметил.

Кожух шевельнулся, сдвинулся чуть в сторону, открыв бледное, осунувшееся лицо Петра Анисимовича. Из оконца землянки струился неяркий свет керосиновой лампы и отражался в запавших глазах учителя.

— Болит, Петр Анисимович? — тихо спросил Вася

и несмело поднял глаза, в которых застыла волна сочувствия и какой-то совсем взрослой боли.

— Знаешь, Василек, я об этом уже и не думаю, — тяжело произнес Иценко. — Болеть не болит, но и не отпускает, точит и точит в середке. Если бы я прислушивался ко всему, давно на тот свет пошел бы. Наверное, и пойду скоро. Жаль только, не увижу, как фашиста проклятого побьем.

Вася стоял потупясь и смотрел на родное лицо, на восковые тонкие руки, что беспомощно перебирали шерсть на кожухе, смотрел так, будто навеки старался запомнить образ старшего друга. Наконец Вася проговорил:

— А меня перевели в подрывники. Едем на задание. Пришел попрощаться с вами.

— Ну что ж, Василек, поезжай. Думаю, увидимся, когда вернешься. Будь осторожным, мальчик мой, не зарывайся, ведь если им в лапы попадешь — они не смотрят, малый или старый.

— А вы выздоравливайте, Петр Анисимович, вы не беспокойтесь, — заволновался Вася. — Как только вернусь, прибегу к вам. Я вас не оставлю одного, вот увидите...

— Верю, Василек, верю, — взволнованно ответил Иценко. — У тебя благородное сердце. Ни одного своего ученика я не любил, как тебя. Да уже, наверное, никогда и не буду любить, — будто самому себе прошептал учитель.

Мальчишке стало так жаль своего больного учителя, что он не сдержался, упал лицом в холодный кожух, едва не заплакав, и, чтоб скрыть минутную слабость, принялся плотнее укутывать в овчину безвольное тело учителя.

В этот самый момент к саням подбежал Борис Качинский. Командир группы Георгий Костюков приказал ему поторопить Васю, потому что уже пора было

двигаться на задание. Кони переминались с ноги на ногу недалеко от штабной землянки. Борис хотел было накричать на мальчишку за задержку, но, увидев, что тот разговаривает с больным учителем, взял его за плечо и тихо произнес:

— Васек, ты извини, но все уже собрались. Приедем, тогда и посидишь возле Петра Анисимовича.

— Действительно, Василек, не задерживай товарищей, — через силу произнес Иценко. — Лишь бы ты вернулся живым да здоровым, а времени у меня для бесед всегда вдосталь. Желаю тебе удачи!

Вася еще раз взглянул на учителя, а потом крутнулся на месте и побежал вслед за Качинским.

Застоявшиеся кони вмиг сорвали с места примерзшие полозья, и сани легко помчались вечерним лесом. Миновали заставу, вторую и попрощались с лесной тишиной.

Снег ровным полотном стелился под сани, под копыта ладных коней, комьями взлетал вверх, засыпая людям глаза, попадая за воротник. Партизаны жались друг к другу, присматриваясь к мельчайшим приметам, которые могли бы помочь им на обратном пути при возвращении в лагерь. Тихо переговаривались. И только Коробко не проронил ни слова, он как-то внутренне замкнулся после расставания с Иценко.

Разве могло укрыться от внимательного мальчишеского глаза, что жить Петру Анисимовичу оставалось считанные часы? Однако Вася никак не хотел смириться с мыслью, что уже никогда не увидит учителя живым. Не может такого быть! Пусть бы в бою — пуля прошила или осколок гранаты сердце пробил, — это понятно, мальчишка уже не раз видел, как умирают люди от ран. Но чтоб так!.. Не может быть!

Кони шли рысью, посвистывала поземка, снег слепил глаза, а Васе припоминалось совсем другое — теплое, ясное и почти нереальное...

Они с Петром Анисимовичем в лесу. Ревна катит свои невысокие чистые волны совсем рядом, от речки доносится детский гвалт, гогот гусей. А в прибрежном густом лесу стоит зеленая тишина. Просеивается сквозь нее только неугомонное щебетанье птиц. Вот синицы залетели тесной стайкой в чащу, облепили клен, да так, что он трепещет весь, шевелится. Вон дятел затарабанил длинным черным клювом в трухлявый ствол — учитель называет эту птицу «санитаром леса». Там грачи усеяли опушку, хлопочут около маленьких птенцов, которым уже не сидится в гнездах.

От запаха сосновой смолы просто голова кругом идет. От земли тянет прелой прошлогодней листвой, уже густо поросшей высокой травой. Папоротник выгнул длинные узорные листья. Небольшие влажные овраги так заросли им, что не продраться сквозь них.

Иценко то и дело наклоняется к земле — или какой-нибудь стебелек найдет, или муравейник слегка ладонью похлопает — и рассказывает обо всем увиденном. Он многое знает: как травы называются, где какая птица голос подает.

И мальчишка чувствует, что и сам понемногу учится распознавать природу, открывает для себя новые и новые тайны. С каждым днем пополняется его гербарий, хотя он и так самый лучший в школе.

А еще любит Вася, когда учитель сядет где-нибудь на пеньке или просто в густую траву и начнет рассказывать о славном прошлом, о тех событиях, которые происходили на черниговской земле. Казалось бы, зачем математику история? Так нет, Петр Анисимович столько интересного знает, что просто удивительно — как все это может упомнить человек?

Знает теперь Вася, откуда пошло название его родного села. Оно, оказывается, существовало еще во времена войны со шведами в 1709 году, когда в этих местах были кровопролитные бои и леса горели. Из-

давна и поныне люди в Погорельцах были вольнолюбивыми, поругания не прощали никому. Иценко не без гордости рассказывает, как в первую революцию восстали крестьяне села против помещика. Правда, после того была страшная, кровавая расправа над ними. Однако и она не испугала никого, потому что, когда началась гражданская война, погорельчане послали в Богунский полк Николая Щорса до трехсот бойцов. Иценко даже благодарственное письмо от Щорса, которое в сельсовете хранится, показывал ученикам.

Вася после таких бесед еще больше любил родное село. Оно ему уже виделось не тихим лесным уголком, а славным поселением смелых и решительных людей.

И вот теперь тот, кто научил его понимать людей и природу, кто открыл ему глаза на мудрое и прекрасное, лежит на холодных санях в зимнем лесу и тихо угасает на глазах у всех. И никто ему уже не может помочь, никто на свете...

Вася даже застонал от жалости, потом тяжело вздохнул.

Сани повизгивали полозьями на бесконечном снегу. Впереди показалось село, и кони умерили бег, придерживаемые вожжами. Это была Илькуча. Сюда не доходили партизанские дозоры, и ехать наобум было рискованно: как бы партизанам не напороться на карателей.

И действительно, первый же встречный человек предупредил партизан, что за селом на речке Турчанке застряла немецкая колонна.

Подрывники прислушались. От речки явственно доносился рев моторов, вспыхивали и гасли всплески огня.

Сколько машин? Крепко ли застряли каратели? Надо было все разведать.

Качинский и Коробко быстро натянули на себя простыни и достали лыжи. Через какую-то минуту оба растаяли в белом морозном тумане, оставив друзей возле хаты на окраине села.

Турчанка — речка неширокая, но болотистые берега ее еще не замерзли как следует, только снегом глубоким укрылись. Именно здесь, в таком месте, немецкая колонна и застряла. Вася увидел несколько крытых автомашин, просевших в снег, лишь толстые стволы орудий торчали над берегами.

Вокруг машин копошились люди. Карателей было немало, одни притопывали ногами, хлопали руками, другие шумели около одного из тягачей, что перекрыл путь всем остальным. Немного в стороне чернел приземистый бронетранспортер. Никого не было видно ни возле него, ни внутри. Вася прошептал на ухо Борису:

— Давай заглянем.

Тот молча кивнул в знак согласия. Оба, крадучись, поползли, проваливаясь в глубокий снег. Когда холодная машина нависла над самыми головами, ребята полежали немного, затаившись. Никакого движения, никакого шороха внутри.

Вася встал на ноги, прижался к борту. Потом, недолго думая, открыл дверцу и проскользнул в бронетранспортер. Что бы такое сделать, чтоб вывести машину из строя? Можно было бы мину взять да взорвать, но тогда не уйти от расправы. Вася нащупал какие-то ручки, крутнул одну, другую. Он крутил до тех пор, пока не послышался тонкий металлический хруст. Потом Вася добрался до многожилистых проводков, одним сильным взмахом ножа перерезал их. Теперь не так быстро починят каратели свой бронетранспортер.

Качинский сторожко поглядывал по сторонам, прижимая приклад автомата к груди.

— Полный порядок, — шепнул Вася, сползая по борту на снег. — Как там немцы?

— Греются, — ответил Борис. — Им не до нас. Может, еще и легковушке сделаем операцию? — предложил он Васе.

Легковая машина стояла пустая. Ее владельцы грелись у большого костра. Борис и Вася подкрались к машине с двух сторон. Ничто не нарушало снежной тишины, только мороз потрескивал на металле да отблески пламени играли на блестящих боках легковушки.

Борис финкой поцарапал раз, другой по замку, но дверца не открывалась. В это время кто-то гортанно крикнул у костра, и к легковушке рысцой направился немец.

Друзья торопливо шмыгнули под машину и притаились. Финка в руке Бориса мертвенно взблеснула. Немец быстро приближался, беспечно напевая что-то себе под нос. Вот уже возле глаз Васи мелькнули ноги в сапогах, длинная пола шинели. Немец пошарил в кармане, достал ключ, открыл дверцу. Так же тихо насвистывая, залез в темное нутро черного «опеля», только пола шинели свисала на снег.

Что-то тонко звенькнуло в машине, затрещало, потом послышался характерный писк. Значит, в машине рация. Видно, немец хочет кого-то поставить в известность о задержке. Что делать? Помешать ему — так и самим придется полечь возле машины, ведь немцев немало. Пусть сообщает немец, далеко все равно не отъедут, даже если и выберутся из болота.

Но вот радист переговорил, клацнул выключателем, оборвав тонкий писк и потрескивание, выставил ногу из машины, вылез и захлопнул дверцу. Так же напевая, немец не торопясь пошел к костру, и снег под его сапогами поскрипывал все глуше и глуше.

Борис кивнул напарнику, выполз из-под легковушки и бесшумно проник внутрь машины. Вася краем глаза поглядывал в салон. Вот Борис резко поднял руку, ударил ножом в черную коробочку, из которой только что доносились сигналы. Потом ударил еще раз и еще. Борис повозился немного возле щитка управления, и машина стала совсем непригодной для эксплуатации. Он глубже перегнулся в темный салон, сгреб что-то большое с заднего сиденья, кажется портфель, и выполз на снег.

— Все, — блеснул он глазами. — Теперь удираем!

Тут же возле машины Борис отомкнул портфель, просмотрел, что в нем находилось: какие-то документы в конверте, галеты, консервы. Пристегнув портфель к поясу, Борис лег на снег и пополз прочь от пылающего костра, от темных машин.

Вася двинулся за ним, стараясь ползти след в след. Погода благоприятствовала разведчикам: сыпал снег, припорашивал след на целине.

Возле крайней хаты, где они расстались с группой, ребята никого не обнаружили. Поначалу оба растерялись. Прижавшись к изгороди, настороженно прислушались. Неожиданно где-то в глубине двора фыркнули кони, и в тот же момент из-под навеса пробасил Костюков:

— Вы что, гостевали там? — Он, видно, переволновался, сильно замерз, даже охрип.

Но разведчики словно и не заметили недовольства в голосе командира, радость распирала обоих, притушевывала все другие чувства. Борис быстро подошел к Костюкову и отрапортовал:

— Товарищ командир, группа вернулась из разведки. Повреждены бронетранспортер и штабная автомашина, уничтожена рация. Ну и... — запнулся на миг.

— Что «ну и»? — недовольно оборвал доклад Костюков. — Для того вы были туда посланы, чтоб на рожон лезть?

— Мы и не лезли, — смутился Вася. — Мы подкрались, а им до нас никакого дела нет. Они там застряли, грузовики, орудия, не скоро выберутся из болота. А мы вот документы с собой прихватили. Может, там сказано, куда их черт несет.

— Может, и сказано, — взял Костюков пакет из рук Васи.

Командиру было уже не так холодно, как несколько минут назад, когда сердце сжимала тревога за двух сорвиголов, которые задерживались по непонятным причинам.

— Почитаем, что они там затевают, — сказал Костюков, откашлявшись.

Если бы не светлая полоска, то никто бы и не заметил, как приоткрылась дверь хаты и во двор вышел еще один человек. Это был Степан Коренок. Ему тоже не сиделось в хате. Когда-то здесь, в Илькуче, он председательствовал, каждый человек знал его. Интересно, узнали бы сейчас своего председателя колхозники?

— Вернулись? — обрадовался он ребятам, которые отряхивали с себя липкий снег.

— А то как же? — произнес Качинский, снимая помятую простыню и аккуратно сворачивая ее. — Просто ждали, когда снег погуще пойдет, чтоб следы замел, вот и задержались, — пошутил он. — И с немцами у костра погреться хотелось.

— Мели, мели, язык без костей, — незлобиво проворчал Коренок и прислушался.

Под навесом снова фыркнули кони, и где-то недалеко подал голос петух. Ему откликнулся еще один, а потом вновь установилась глубокая тишина.

— Эх, хлопцы, — вздохнул Коренок. — А когда-

то в этом селе сколько же было пения петушиного! Будто сейчас слышу. Председательская жизнь какая? До света поднялся, в полночь на постель упал. Ну, проснешься, плеснешь воды в лицо, выпьешь кринку холодного молока — и в контору. Идешь по улице, туман белеет над Турчанкой, а в тумане петушиная перекличка плывет. Да такие были петухи голосистые, что, ей-богу, глохнешь от них, балдеешь. И никогда раньше их не встанешь, разве что среди ночи в район направляешься. Теперь же, слышите, что делается? Два каких-то рахитичных остались, что даже фашистам-куроедам не по вкусу.

— Ну-у, — басовито протянул Костюков. — Кабы только б и горя, что петухи не орут, а то ведь и хозяйка на печь забилась, боится, что даром не пройдет ей наше гостевание. Хлопцы дремлют?

— Греются.

— Пора двигаться. Зови хлопцев, Степан.

Коренок повернулся к двери. В эту минуту сквозь снежное завывание от Турчанки сыпанула автоматная очередь, за нею — вторая. Над рекой зависла красная ракета и поползла медленно вниз.

— Встревожились, гады, — произнес Костюков.

Сани быстро вылетели со двора и помчались по безлюдной улице. Снег залепливал глаза, рот. Выскочили за село, и здесь кони на ощупь пошли по невидимой дороге, которая то тянулась по равнине, то ныряла в тихие перелески.

Через несколько часов впереди затемнело село. Коренок произнес:

— Комское. Здесь у меня немало знакомых. Наш колхоз до войны с ними соревновался. Может, тут переднюем?

Костюков задумался. Ехать до Щорса еще долго, а скоро начнет светать. Днем лучше не соваться в районный центр, там ведь гарнизон стоит.

Еще немного поразмыслил Костюков и согласился с предложением Коренка. Партизаны остановились на окраине села. Степан соскочил с саней.

— Подождите меня. Вон в той хате председатель колхоза жил, Супруненко. Не раз бывал у него, — кивнул на хату Коренок. — Если есть кто дома, укроют до вечера.

Хозяина дома не было. Заспанная жена сказала, что он пошел в Красную Армию еще перед оккупацией, после того никакого известия не было. Она узнала Степана и радостно пригласила в хату.

— Немцы в селе есть? — спросил ее Коренок.

— Да бог миловал на этот раз, — ответила женщина. — Наскакивают время от времени, но чтобы останавливались надолго, такого нет. Полицаи хозяйничают, они тут и суд, и закон. Да вы заезжайте на подворье, надо ж где-то перебыть. Я вас так сховаю, что никто не найдет. Может, и мой где-то вот так на снегу гнется...

Коней завели в хлев. Там еще пахло коровьим кизяком, но самих коров уже не было — староста отвел обеих немцам, отомстил председателю. Сани поставили под навесом, замаскировали кое-каким хворостом, жердями. И только после всего этого двинулись в хату. Двое мальцов с опаской таращили глазенки на прибывших. С интересом они осматривали Васю, который вошел в хату первым, а потом неожиданно радостно закричали:

— Дядя Степан, дядя Степан! — и кинулись босиком к Коренку, облепили его могучую фигуру, прижались к холодному мокрому тулупу, радостно запрыгали вокруг партизана. Они узнали давнего приятеля отца, который до войны не раз привозил им гостинцы.

Степан смутился, обнял обоих мальцов сразу и растроганно хлопал мокрыми ресницами.

Когда понемногу утих весь этот шум, хозяйка зазвенела посудой в шкафу и быстро собрала на стол.

Дорога крепко вымотала партизан. Костюков велел всем ложиться спать, а сам занял пост у окна.

Коробко послушно полез на печь. Она еще не совсем остыла. Вася привалился к дымоходу спиною и сразу же почувствовал, как тело медленно пропитывается теплом, как начинает паровать вся одежда, а босые ступни ног будто кто покалывает иголками.

Под дерюгой ощущалось что-то мягкое, сыпучее — видно, хозяйка сушила на печи зерно. Мальчишка водил полусонными глазами по потолку, по углам, натыкался на привычные вещи, такие же были и в его родной хате. Какие-то запыленные коробочки стояли на припечке, в них обычно хранятся письма, облигации и квитанции. На тонкой жердочке висели нехитрые пожитки. Из-за печи выглядывали венки репчатого лука, связка кукурузных початков, отобранных на семена. Все-все, как и у них в хате.

Интересно, что сейчас делается дома? Встала ли уже мать? Если б можно было перелететь с одной печи на другую...

Тут кто-то легонько толкнул Васю в плечо и развеял сладкий туманец. Вася посмотрел вбок. Оказывается, толкнул его старший мальчишка, почти ровесник Васи.

— Дядя, а вы тоже партизан?

— Какой я тебе дядя? — повернулся к нему Вася. — Я, может быть, с тобою вместе б в школу ходил, если бы не война.

— А откуда я знаю? — озадаченно прошептал мальчуган. — Если шапку надеть да винтовку за плечо закинуть, любой покажется старше. Меня тоже, когда оденусь, за взрослого на селе принимают. Вот я и о тебе так подумал.

— Ну и ничего страшного, — успокоил его Вася. Он помолчал чуток и спросил: — Как зовут тебя?

— Владимиром. Это батя меня в честь Ленина назвал так. Я об этом теперь никому не говорю, только тебе, ведь ты же партизан.

— И правильно делаешь, что не болтаешь, — по-взрослому рассудительно произнес Коробко. — В нашей жизни конспирация — это все.

— А сто такое конспилация? — послышался тоненький голосок из темного угла, и Вася заметил, что оттуда поблескивают на него пытливые глазенки меньшого мальчишки.

— Спи уже, все тебе надо знать, — турнул его старший, но Вася с укором посмотрел на него и серьезно начал объяснять:

— Конспирация — это не наше слово. Как оно точно переводится, не знаю, ну а приблизительно это значит держать язык за зубами, не открывать секретов первому попавшемуся. Вот, например, ты знаешь, что к вам сегодня зашли чужие люди...

— Какие чужие, если палтизаны... и дядя Степан! — рывком приподнялся на локте мальчишка.

— А ну лежи! — уже сердито толкнул его Володя. Ему, видимо, не нравилось, что малыш встревает в разговор старших и перебивает их.

— Почему же, вопрос правильный, — снова не обратил внимания на агрессивность старшего Вася. — Только в том вся суть конспирации, что о нашем приходе никто не должен знать, кроме мамы, Володи и тебя. Иначе кто-нибудь донесет немцам, и те расстреляют всех нас. Ясно?

— Ага, — протянул малыш и примолк, скособочившись, подпер кулачком щеку и прислушивался к беседе старших.

А беседа эта принимала вполне серьезный характер, поскольку Володе хотелось пристать к разведчи-

кам и податься в партизаны. И когда Вася пытался как можно страшнее обрисовать ужасы и трудности лесной жизни, Володя только упрямо мотал головою и шептал последний довод:

— А ты? Тебе разве не трудно в лесу? И не помер?

— Так это же я! — уже закипал Коробко. — Я еще до войны закалил себя, плавал лучше всех в селе...

— Ну и что? — не сдавался Володя. — Я тоже переплыву Турчанку туда и обратно без передышки. И на лыжах, знаешь, как бегаю? Так чем же я хуже тебя, а?

Коробко старался веским аргументом поколебать решимость настырного собеседника, но так и не находил его. Наконец досадливо отмахнулся:

— Знаешь, что я тебе скажу? Делай, что хочешь, не я набираю людей в отряд. Как скажет Костюков, так и будет, а мое дело сторона.

Беседа на этом оборвалась, и Вася не заметил, как окунулся в сладкий сон...

Днем распогодилось. Метель утихла, засыпав снегом все вокруг. Где скользили сани ночью, где ступали кони — не смог бы никто отыскать. За завтраком Коренок шутил:

— Издавна ведется — как только приезжаю к Супруненко, так и погода налаживается. А мне ж именно этого и надо.

Действительно, Коренок должен был ехать в Щорс, где его уже ждал партизанский связной.

Хозяйка успела сбегать к своей подруге, и та каким-то образом достала Коренку документ, где указывалось, что Степан Коренок служит обходчиком на железной дороге. А вскоре и сама явилась с корзинкой, в которой сидели две курицы. Женщина с порога затараторила:

— Вот так иди бог знает куда, а назад вернешься ли. А если и вернешься, то от моих пеструшечек и перьев не останется. Если уж попал им на глаза, так не вырвешься целым. Ну да ладно, если надо, то надо.

Подрывники тепло попрощались с Коренком.

Васе уже не хотелось спать, он присел возле печи на табурет и принялся чистить автомат. Быстро разобрал его на части, протер сухой тряпицей, достал пузырек с маслом, налил на лоскут ткани. Видно было, что дело это для него привычное.

Вася старался не замечать направленных на него восхищенных глаз ночных собеседников и возился с оружием, немного рисуясь, напуская на себя солидность. Малец пробовал помогать ему, хватался за металлические части, совал их в руки разведчику. Вася молча брал их, откладывал в сторону, сам искал нужную деталь и пристраивал ее куда следует.

Володя все порывался сказать что-то, хотел заручиться Васиной поддержкой на тот случай, когда будет проситься в партизаны. Но Вася будто и не замечал его.

Володя едва ли не со слезами поглядывал на огромного широкоплечего Костюкова, который снова, усевшись у окна, наблюдал за дорогой.

Время тянулось бесконечно. Казалось, белый день выпал вместе со снегом и не собирался таять до весны. В окно хорошо просматривалось подворье, гладкое полотно снега, чуть разорванное несколькими человеческими следами от хаты до калитки, покосившаяся изгородь, за которой тянулась узкая сельская улочка.

Было тихо, безлюдно. Только несколько человеческих фигур промелькнули мимо хаты и растаяли вдалеке да голубые дымки тонко вились из печных труб. Жена Супруненко хлопотала по хозяйству, она не забыла сбегать в хлев и положить сена коням, по-

том принялась варить обед. Вот она сунула в широкое устье печи большие чугуны с картошкой. Потом достала квашеной капусты из подпола и поставила вместительную миску на подоконник.

Костюков настороженно всматривался в полузаметенное снегом окно. Хозяйка тоже припала к окну и вдруг испуганно всплеснула руками:

— Ой, батюшки, полицаи! Уж не сюда ли?..

Костюков мигом подхватился с лавки и скомандовал:

— Всем в подпол! Оружие с собой, и чтоб ни звука! А вы, — махнул он рукой на мальчишек, — лезьте на печь, и тоже ни звука. Если зайдут эти гости — принимайте так, будто ничего не случилось. — Костюков посмотрел на хозяйку. — Если что, мы внесем поправку.

Непрошеные гости уже открывали калитку. Пока они топали через двор, хата опустела.

Со стуком распахнулась дверь, раздался властный голос:

— Будь здорова, председателиха, и вы, председателята! Чего посматриваете с печи, щенки? Укусить хочется? А ну с глаз долой!

— Да что вы, пан полицай? — всплеснула руками хозяйка. — Кого бы они смогли укусить, если только что на ноги встали?

— Да это я так, для острастки, — хохотнул полицай. Вслед за ним заржали еще несколько пьяных «блюстителей порядка». — Пускай знают, что существует власть! Ну как, не подавал твой председатель голоса?

— Откуда же он его подаст, если пошел с армией? Может, и косточек уже нет, как знать.

— Тебе же лучше, если нет, — уселся за стол старший полицай. — Его песенка спета. Теперь, если

хочешь жить, забудь о своих колхозах. Потому что память такую мы шомполами выбиваем, ясно?

— Да ясно, чего уж там, — ответила хозяйка. — Мое дело за детьми смотреть.

— То-то, — любуясь собой, протянул полицай. — А чтоб власть наша была крепче, с тебя полагается двадцать яиц. Выкладывай!

— Где же мне их сразу взять? Сами же знаете, паны полицаи, что в такой мороз куры не несутся.

— Мое дело сторона, — ответил полицай. — Пусть тебе этот человек растолкует, ему поручено.

Полицай в длиннополом тулупе и добротных сапогах встал и принялся ходить по хате.

— Ты, баба, не читай нам проповеди, — послышался другой голос. — Знаем, что не несутся. Однако же бывает, что и снесется какая. Сказано тебе сдать — не препирайся.

— Да вы ж, Василий Игнатьевич, знаете меня не первую зиму. Еще при нашей власти финагентом работали...

— При какой это вашей власти? — заревел полицай, сапоги перед глазами партизан метнулись к двери, дернулась пола тулупа, и сразу же послышался хлесткий свистящий удар.

— Ой! — вскрикнула женщина, и тут же в голос заплакали дети на печи.

Вася встрепенулся в подполе, но Костюков так сжал ему плечо, что у мальчишки даже дыхание перехватило.

Полицай снова принялся ходить по хате, а женщина тем временем всхлипывала и убеждала панов полицаев, что это у нее случайно вырвалось, ведь когда-то привыкли было...

— Ну так что, будут яйца для наших немецких освободителей? — вновь сел за стол полицай.

— Говорю же, что куры не несутся. Хоть всю хату переройте. Разве я бы не отдала, если б хоть одно было? Я же ведь коров отдала и на работу хожу. Ну если не нéсутся...

Полицай обвел хату хмельными глазами. Действительно, такая голодрань, что и взять нечего. Дожились! Неожиданно взгляд его уткнулся в большую миску с капустой.

— Ладно, председателиха, раз нет, то и не нанесешь сегодня. А это у тебя что, капуста?

— Ну да, капуста, из кадки набрала. Детей же кормить надо.

— Детям еще наберешь, а эту ставь на стол. Василий!

— Слушаю.

— Где там наша солодуха?

— Вот, в кармане греется, — достал тот бутылку.

— Садись к столу. Черт с ними, с теми яйцами. Капуста тоже хороша под чарку.

Забулькала водка, зачавкали рты. За столом поднялась шумная болтовня, ругань по адресу партизан перемежалась с рассказами о «подвигах» полицаев, о выпивках и погромах. Кто-то из полицаев завел было песню, но так и оборвал мелодию на полуслове.

Наконец пьяный гомон, так долго вихрившийся над столом, двинулся к двери. Оттуда послышалось еще раз угрожающее:

— Ну ты мне смотри, председателиха!

Стукнула дверь за пьяной компанией.

Партизаны вылезли из подпола. Вася не мог поднять глаза на хозяйку — таким виноватым чувствовал он себя, будто был сообщником этих преступников, которые подняли руку на женщину. Вася считал, что им надо было выскочить, похватать тех трусов и расстрелять где-нибудь в лесу, а не сидеть, как мыши, под полом...

Словно подхватив его мысли, обратился к хозяйке Костюков:

— Вы простите, что мы так... не заступились... — Видно, ему нелегко давались эти слова. — Но если бы мы дали себя обнаружить, то беда была бы еще большею. Так что не гневайтесь, мы рассчитаемся с ними за все, придет время...

— Да я же вам ничего и не говорю, — успокаивающе произнесла женщина. — Разве это впервые? Уже привыкла. Хорошо, что все обошлось. Обедать будете? — сменила она разговор.

— Можно, если те оболтусы не все поели, — сказал Качинский.

Вася наконец-то взглянул на хозяйку. Она торопливо хлопотала у печи, вытаскивая рогачом большой чугун с картошкой.

Если разобраться, то Костюков действительно прав. Это же что выходит? Партизаны уехали бы, а тут, в селе, что делалось бы? Нагрянули бы каратели, начали дознаваться: кто, что, чего? И сожгли бы они хату, а всех ее обитателей — на виселицу. Все-таки правильно поступил командир, что не позволил Васе и шевельнуться.

После обеда Борис Качинский как припал к окну, так и не отходил от него, пока не вернулась из Щорса женщина с корзиной.

Женщина рассказала: в Щорсе все на колесах. Беготня, галдеж... Полицаи базар разогнали. Кур немцы все-таки отобрали у женщины, а ее — прикладом в спину: марш домой, пока цела!

Мимо хаты прошло немало машин с немцами, румынами и полицаями, и все из Щорса на Городню. Вероятно, фашисты внесли-таки какие-то изменения в план наступления на партизан.

— Коренок там остался, — продолжала женщина, — сказал, что будет вас ждать в условленном ме-

сте. Я и пошла обратно. Вот только пеструшек мне жаль, хорошие были пеструшки.

— Ничего, ничего, еще не такие у вас будут пеструшки, дайте нам только немцев прогнать сначала, — успокоил ее Костюков.

— Так я вам больше не нужна? — спросила раскрасневшаяся с мороза женщина.

— Спасибо, пока не нужны. Идите домой, занимайтесь хозяйством, и никому ни слова.

Женщина попрощалась и ушла, а партизаны начали собираться в путь. Как только стемнело, они запрягли отдохнувших коней и уже было хотели двигаться со двора, как вдруг заметили: маленькая фигурка оторвалась от стены хаты и направилась к саням. Костюков увидел незнакомца и заступил дорогу:

— А это еще что за привидение?

Из косматого воротника тулупа на Костюкова глянули умоляющие глаза Володи:

— Я с вами.

— Ой горюшко! — всплеснула руками хозяйка.

— Кто это тебя надоумил? — сурово спросил Костюков.

— Никто. Я сам додумался. Нечего сидеть в хате, когда все воюют.

— Э нет, так не годится, — покачал головой командир. — Ты у матери разрешения спросил?

— Да что просить? Она все равно не пустит!

— Разве он о матери думает? — вставила слово хозяйка.

— Так вот, сейчас же выкинь глупости из головы! — приказал Костюков. — Ясно?

— Ничего не ясно! — горячо запротестовал мальчишка. — Я что, хуже Васи?

— А ну марш в хату! — хлопнула его по затылку мать. — Я с тобой повоюю, пусть только люди уедут.

— Погодите, — легко отстранил ее рукой Костюков. — Я сам с ним договорюсь. Слышишь, Володя, давай по-умному все решим. Мы едем на боевое задание. Выполнить его приказано нашей группе, и никакой другой. Значит, брать с собой кого-то еще мы не имеем права. Уразумел?

— Да, — ответил мальчишка, не понимая, куда гнет командир.

— Так вот, я тебе обещаю: если у нас все будет в порядке, я заберу тебя в отряд, когда мы будем возвращаться с задания. А сейчас будь здоров, нам пора в путь.

Володя недоверчиво глянул на командира, но тот смотрел на него вполне серьезно. Еще немного постояв, мальчишка повернул и нехотя побрел к двери. Уже с порога он произнес вслед партизанам:

— Я вас буду ждать!

В ответ заскрипел снег под полозьями саней, мягко затопали кони, и сани растаяли в вечерней дымке...

В Щорсе подрывники быстро разыскали в условленном месте Степана. Он рассказал обо всем, что успел выведать.

— Так или иначе, — закончил он, — нам надо немедленно браться за минирование. Фашисты стянули большие силы, скоро пойдут в наступление.

Костюков задумался. Что ж, сведения партизаны добыли ценные. Теперь оставалось устроить немцам хотя бы небольшой фейерверк и айда в лес ставить минный заслон.

Трое партизан неслышно двинулись в сторону железнодорожного депо, находящегося на окраине городка. Васе было тяжело нести мину и автомат, но он старался не отставать от командира.

Вот и железнодорожные колеи, затемненное депо. Низкие цеха на ночь замерли, рабочие разошлись по домам. Только в караульном помещении горит свет.

Возле каменной стены залегли. Белые простыни слились со снегом, заметишь кого-либо из партизан лишь тогда, когда наступишь. Вася начал доставать мину. Костюков дернул его за руку и прошептал:

— Подожди. Сниму часового...

Он притаился у тропинки, протоптанной в снегу часовым. Ждать пришлось недолго. Из-за стены не торопясь вышел часовой. За плечом в свете фонаря блеснул штык. Немцу было холодно, он засунул руки в карманы и сгорбился, спрятав лицо в тулуп.

Вот часовой уже почти рядом с Костюковым, вот миновал его... Дальше все произошло молниеносно. Костюков мигом подхватился и прикладом автомата ударил немца по голове. Немец с глухим стоном повалился на снег. Борис кинулся на помощь Костюкову, они связали долговязое неподвижное тело и оттащили в сторону.

Коробко тем временем заложил мину под стену депо. Он завел механизм, поставил стрелку так, чтоб взрыв произошел через час, старательно разровнял снег и пополз к товарищам.

Оглушенного немца партизаны решили прихватить с собой. Сначала они волокли его, а когда он очухался, заткнули ему рот платком, поставили на ноги и трусцой направились в заснеженный перелесок, где их ждали товарищи.

Кони быстро понесли сани по мягкому снегу все дальше и дальше от ночного городка. Немец очумело посматривал на незнакомых людей, сначала пытался барахтаться, упирался, но потом притих.

Уже когда партизаны отъехали довольно далеко от Щорса, позади раздался раскатистый взрыв, вспыхнуло небо и, казалось, затянулось багряной пленкой.

— Сработала! — радостно улыбнулся Вася и гордо посмотрел на товарищей. Еще бы! Не затем он

столько просился в подрывники, чтоб теперь портачить!

Костюков крепко обнял его:

— Молодец! Хорошо начал!

Проехали еще немного, и здесь Вася неожиданно повернулся к Качинскому:

— Слушай, Борис, ты не выкинул немецкий портфель?

— Нет, а что? — не понял тот его тревоги.

— Там были галеты, мед. Я обещал привезти чего-нибудь Иценко.

— Все в полной сохранности, не волнуйся. Доедем удачно, отдашь.

Одна за другой за партизанскими санями оставались мины, надежно преградив путь к лесу. Костюков дал волю Васе, и тот старался как можно лучше показать свое умение. Мальчишка вынимал мины из саней, отряхивал сено и склонялся над чуть заметной полосой дороги. Через какое-то время яма была готова, и туда опускалась увесистая коробка с взрывчаткой.

Вася поднимал глаза на командира, будто спрашивая его, правильно ли он закладывает мину, а Костюков подбадривающе улыбался ему и кивал:

— Молодец, Вася, из тебя выйдет толк. Только никогда не торопись.

— Есть, не торопиться, товарищ командир! — откликался мальчишка и снова залезал в сани до следующей остановки.

Когда последняя мина нашла пристанище в снегу, партизаны пустили коней вскачь. Снег летел из-под копыт, порошил глаза.

Кони бежали все веселее, словно чувствовали скорый конец этой изнуряющей поездки. Лесная чащоба надвигалась все плотнее и все ближе к дороге, тут уж фашистом и не пахло.

У Васи легко на душе, даже петь хочется. Давно уже с ним такого не бывало. В Погорельцах, где жил с родителями, Вася видел надругательство над людьми, а сделать ничего не мог; в отряд пришел, будто бы и радость большая, но беда с Иценко душу бередит. Хоть бы скорее увидеть учителя! Ведь Вася мед ему везет, а от него, говорят, самые тяжелые хвори проходят...

Наконец показался партизанский лагерь.

Сани остановились. Костюков одной рукой поднял немца и посадил на сено. Вася увидел мутные глаза захватчика, которые пытались зацепиться хоть за что-нибудь знакомое, привычное и ничего не находили.

Кто-то дернул мальчишку за рукав. Это был Васин земляк — Филипп Яковлевич Карпенко, добрая душа которого была открыта всем хорошим людям.

— Есть? — спросил Карпенко.

— А как же! — Коробко полез в глубокий карман брюк, пошарил там немного и сказал: — Подставляйте шапку, дядя Филипп!

Тот быстро снял шапку, в лунном свете засияла широкая лысина. Из Васиного кармана в шапку посыпалась махорка.

— Ну спасибо тебе, Вася, — радовался Карпенко, пересыпая курево к себе в карман. — Тут на целый месяц курева хватит, если помаленьку потягивать.

— А вы, дядя Филипп, не знаете случайно, как Петр Анисимович себя чувствует?

Карпенко как стоял с откинутой полою и без шапки, так и замер. Не минуло его лихо — первому сообщить Васе скорбную весть. Но что поделаешь, кому-то же надо...

Филипп Яковлевич стряхнул последние крошки махорки в карман, прикрыл полою, а потом грустно посмотрел на паренька:

— Нет, Василь, твоего учителя, уже нет...

Васе показалось, что луна внезапно вошла в такую черную тучу, сквозь которую не может пробиться ни один лучик. Мальчишка даже покачнулся. Враз у него пересохли губы, и без того обветренные за эти дни.

— Как — нет?..

— А так, как всегда бывает, — тихо произнес Карпенко. — Мы с тобой на войне, поэтому будем мужественными. Вчера похоронили... Не хотела земля принимать его измученное тело, смерзлась так, что едва ломами разбили. Но что бы там ни было, а жив наш учитель в памяти людской. Я вот так думаю...

Дядя Филипп еще что-то говорил, по-прежнему стоя без шапки в ночном сумраке, но Вася уже ничего не слышал. В нем бился и бился, как маленькая птица, недоуменный вопрос: «Как же это так? Как можно умереть, если надо жить? Что же теперь делать?..»

Неожиданно Вася почувствовал, что держит какой-то сверток в руках. Это были аккуратная баночка с медом, масло и галеты. Все это Вася вез своему учителю, вез как самую большую надежду на спасение дорогого человека. Он так спешил — и не успел!

Лес холодно вспыхнул под лунными лучами, печально зашумел высоко вверху. А внизу ржали кони, скрипели тут и там полозья саней, переговаривались люди, обсуждая привезенные новости.

Вася стоял на месте и никак не мог перешагнуть невидимую грань между недавней надеждой и тепрешней безысходностью. В руках он держал уже ненужный учителю гостинец.

ГЛАВА III

В партизанские края прилетела радостная весть — Красная Армия разгромила фашистские полчища под Москвой. Кончилось затяжное отступление.

Воспрянули духом и партизаны. Теперь и из тыла надо крепче ударить врага, помочь нашей армии одолеть зверя, поднять весь народ на партизанскую борьбу.

Оккупанты, взбешенные неудачей под Москвой, решили навести порядок в своем тылу, чтоб не было никаких перебоев в поставках фронту. Не обошли немцы вниманием и соединение черниговских мстителей. Карательные части заняли окрестные села. Вражеское кольцо постепенно сужалось вокруг партизанского лагеря.

А в самом лагере будто бы ничего и не изменилось — так же сновали озабоченные люди, куда-то уходили и откуда-то возвращались группы. Зато в госпитале все сильнее ощущались нежелательные перемены: увеличилось число раненых, с каждым днем прибавлялось хлопот врачам в операционной и перевязочной землянках.

Партизаны сдерживали натиск фашистов и полицаев-прихвостней. Покоя никому не было. Особенно же доставалось разведчикам. Васе Коробко приходилось бывать и подрывником и разведчиком одновременно. То он направлялся тайком в соседние села, натянув потрепанную крестьянскую одежду, то готовил мины в лагере для подрывников, которые группами выходили на ночные операции. Хорошо хоть, что немцы по ночам сидели в селах. Сквозь малейшую щель в кольце проникали отважные минеры, и тогда где-то за лесными чащами гремели взрывы, нагоняя страх на врага.

Вася каждый раз просился в группу, идущую на диверсию, но подрывники его почему-то не брали. Не потому ли, что замечали — после смерти Иценко Вася ходит как в воду опущенный? Кто знает...

Вася старался сам себя подбодрить как-то, но горе глубоко вошло в душу, и разве что время могло

сгладить остроту утраты. Васе не верилось, что он уже никогда не услышит прерывистого дыхания из распряженных саней, не прозвучит глуховатый баритон учителя, к которому он так привык за последние годы.

Мальчишка ненавидел фашистов сейчас как никогда. Ведь это они загнали Иценко в холодный лес, это они отняли у него жизнь!

До боли сжимал он веки, стискивал зубы, старался не поддаваться отчаянию, но оно охватывало все сильнее. Как-то Вася не выдержал, подхватился с топчана и выскочил из землянки.

Под сосною копошились несколько фигур. Сани уже были запряжены. Кони только ждали команды, чтоб послушно тронуться туда, куда направит их рука возницы. Вася подбежал к отъезжающим партизанам. Заметив командира группы подрывников Садиленко, Вася кинулся к нему.

— Товарищ командир, разрешите обратиться! — захлебываясь словами, проговорил он громко.

Садиленко удивленно уставился на мальчишку.

— Почему ты не спишь?

— Не буду, не буду я спать! — закричал Вася, подавшись вперед. — Хватит мне спать в теплом уголке! Я что, не такой, как все? Мне, может, не доверяют уже? Так пусть скажут те, с кем я ходил в разведку, пусть, пусть скажут: боялся я?..

— Ну, разошелся, — развел руками Садиленко. — Даже не верится, что такого нервного в подрывники зачислили. Давай по порядку, не криком, а словом...

— Хватит слов! Я прошусь-прошусь на задание, а все как оглохли. Кругом такое творится, а я должен отсиживаться в лагере? Да я же прошусь к вам в группу не просто так. — От волнения голос паренька пресекся, и он закончил шепотом: — За учителя отом-

стить хочу... — На глазах мальчика блеснули непрошеные слезы.

— Ну вот, накричался, а теперь раскис, — пожурил Садиленко. — Ладно, успокойся. Будет и тебе работа. Просто не хотел тебя пока трогать, пусть, думаю, перетоскует. А раз так, то на завтра готовься. С этой группой тебе не придется пойти, сам понимаешь, уже все распределено, а на завтра я обещаю тебе хорошенькое дельце. Как, хлопцы, можно его уже брать на диверсии?

— Еще как! — подмигнул Клоков, который подлечил обмороженную ногу и тоже приготовился в дорогу. — Кто-кто, а Василек наш не подкачает.

— Ну вот, слышишь, что о тебе говорят? — повернулся Садиленко к Коробко. — А теперь беги, еще простудишься!

Вася никак не выразил свою радость, молча повернулся и пошел к едва заметному во тьме жилищу. У входа в землянку он остановился и, перед тем как нырнуть в ее тепло, поднял руку и крикнул:

— Спасибо вам! Благополучного возвращения!

— Будь здоров, Василек! — откликнулись из темноты несколько голосов.

В ту ночь снова где-то вдалеке прогремели грозные взрывы. Однако Вася их не слышал. Его усталый организм будто ощутил внутреннюю команду — спать, готовиться к выходу! И как только мальчишка прилег на сухую слежавшуюся хвою, сразу же забылся в глубоком молодом сне. Не слышал он и как возвратился Алексей Садиленко с группой — это уже было на рассвете, когда пели третьи петухи...

На следующий вечер на задание шли три группы. По традиции собрались под сосной. Садиленко провел инструктаж, пожелал всем счастливого возвращения, молча пожал руки друзьям, а сам будто бы никуда и не собирался.

Наконец он остался вдвоем с Васей, а немного погодя к ним присоединился и Клоков. Командир прислонился плечом к толстому шершавому стволу сосны и закурил самокрутку. На миг высветилось его спокойное моложавое лицо, дымок вырвался из приоткрытого рта.

— Ну вот подошла и наша очередь идти. Перекурю напоследок. Кто знает, когда еще придется затянуться дымком.

Подрывники степенно сели в сани и выехали из лагеря. Кони тонко чувствовали малейшее движение вожжей и легко бежали по слежавшемуся снегу. Вася прижался плечом к широкой спине Клокова и молча следил, как вверху проплывали над ним кроны темных деревьев, закручивались бесконечными кругами, пока не исчезли совсем на очередной поляне. Тогда над глазами провисало только тусклое небо, высвеченное далеким месяцем, который никак не решался подняться в зенит и поглядывал из-за деревьев на таинственных людей.

Дремалось. Будто сквозь туман, до Васи доносился голос командира, откликающийся на очередной пароль, поскрипывание полозьев да фырканье коней впереди. Клоков тихо похрапывал. Он выглядел таким спокойным, будто ехал в гости да припозднился в дальней дороге. Вася даже позавидовал ему невольно.

Однако, когда миновали последний партизанский дозор, все насторожились, внимательно всматриваясь в ночь, тревожную и загадочную, — здесь уже пролегала вражеская зона. И хотя Садиленко известил, что встреча, ради которой они ехали, должна состояться лишь на дороге, ведущей из Семеновки к хутору Луки, — именно по ней должен был проехать пан комендант, — но все могло случиться: или какой-либо

разъезд мог наскочить, или случайное воинское подразделение врага вдруг появится.

Вася покрепче сжал автомат и до рези в глазах вглядывался в глухое лесное пространство. Но проходило время, кони пересекли равнину, опять втаскивали сани в жиденький перелесок, а неожиданностей пока никаких не было.

Месяц поднялся выше, когда Садиленко остановил коней в лозняке. Он соскочил на снег и повернулся к товарищам:

— Здесь будем ждать. Другой дорогой не поедет, если верить разведке.

Коней отвели в заросли, привязали к стволу осокоря. Вася достал из саней тяжелую противотанковую мину и направился к дороге, где стояли Садиленко с Клоковым.

— Фу, насилу допер. — Вася тихо опустил железную коробку на снег.

— Кому тяжело, а кому и легко станет, когда в небо полетит, — сказал Клоков и принялся углублять хорошо наезженную колею. — Пусть только не задерживается.

Мина легла в ямку. Коробко вопросительно посмотрел на командира и склонился над миной.

— Давай, давай, готовь сувенир для пана коменданта, — кивнул тот.

Вася осторожно принялся обрабатывать мину. Он делал все неторопливо, сосредоточенно, как на занятиях в лагере, потому что знал — ошибиться нельзя. Он вставил запал, подсоединил тонкий шнур, который был тщательно замаскирован и тянулся к кустам. Потом оглянулся на Садиленко: все ли правильно он делает? Понимал — это экзамен.

Взрослые подрывники шли следом за мальчишкой и только улыбались, наблюдая умение и ловкость, с которыми он все проделывал.

— Теперь будем ждать! Ложись! — скомандовал Садиленко и первым опустился в глубокий снег.

Вася лежал посредине. Холода он сначала не чувствовал. Он был еще охвачен недавним волнением. Да и разве замерзнешь, если с обоих боков прижались к нему двое молчаливых мужчин, стараясь согреть его маленькое тело своим теплом. Ну и пускай холодно! Вася готов лежать так до утра, лишь бы только не проехал мимо партизанского гостинца пан комендант. И здесь уж у Васи не дрогнет рука, будьте уверены!

Но постепенно, по мере того как отпускало недавнее нервное напряжение, Васю круче допекал мороз. Сперва задубели руки, но мальчишка не решался даже пошевелить ими — что скажут товарищи?

И лишь когда Клоков медленно снял рукавицы и принялся тереть снегом свои пальцы, Вася осторожно отложил шнур и тоже почти со злостью начал растирать колючим снегом себе руки.

Только тепло вернулось к рукам, как стали застывать ноги. Вася шевелил пальцами, но мороз налегал все сильнее, ноги совсем закоченели. Мальчишка заерзал. Садиленко, лежавший до этого молча, всматриваясь в даль, повернул к нему лицо:

— Побей ногу об ногу, мороз и отпустит! Не бойся, никто не услышит!

Мальчишка изо всех сил застучал ногами. Ему казалось, что его глухие постукивания слышны на всю округу, но это только так казалось, потому что даже храп коней, стоявших в нескольких метрах от залегших подрывников, долетал приглушенно и мягко. Да и кто в этой морозной ночи будет прислушиваться к неясным постукиваниям?

Вася бил нога об ногу, шевелил пальцами, радуясь тому, что теперь хотя бы ощущает их.

Внезапно Садиленко дернул его за рукав.

— Тихо! — прошипел он и плотнее припал к снегу.

Все трое замерли. Где-то далеко зарождалось глухое урчание мотора. Потом на дорогу плеснул свет из-за бугра. Он так ярко освещал все впереди, что казалось, ничто не ускользнет от внимания настороженного водителя или пассажиров.

Вася еще глубже втиснулся в ямку и прищуренными глазами прикипел к ползущему огню.

— Ну, Васек, открывай боевой счет по транспорту! — прошептал Садиленко. — Поручаю тебе отправить на тот свет коменданта. В честь годовщины Красной Армии. Завтра как раз дата. Только не рвани шнур преждевременно. Понял?

— Ага! — выдохнул Коробко и сжал намертво в голой руке — варежку он сразу же снял, чтоб быть увереннее, — конец шнура, замотанный в клубок.

С этой секунды Вася уже ничего не замечал. Только медленный огонь, что колыхался за кустами и наползал прямо на подрывников, только одинокий светлячок среди залитой лунным сиянием равнины существовал для него. Вот уже видны крутые бока легковушки, вот свет луны скользнул по блестящему металлу и сорвался вниз, словно блестка на воде. Где-то там, за ветровым стеклом, рядом с водителем сидел, казалось, именно тот фашист, что стал убийцей Ищенко... Теперь он едет убивать других прекрасных людей, загнанных в холодный лес...

Так не проехать тебе, гад!..

Вася дождался, пока машина поравнялась с примеченным тонким кустиком, и мягко дернул шнур. В тот же миг перед его глазами вырос огненный столб, он взлетел с грохотом вверх и рассыпался на десятки пылающих головешек. В лицо ударила снежная пыль, запорошила глаза.

Почти одновременно со взрывом застрочили автоматы партизан, добавляя огонька к высокому костру на дороге. А Вася даже забыл в этот миг о своем оружии — он поднялся на локтях и оцепенело вглядывался в пылающую машину.

Потом Вася встал, обошел вокруг едкого костра, пламя которого пахнуло прямо в лицо и заставило попятиться. Вася сделал шаг в сторону и споткнулся о что-то мягкое, тяжелое. Он вгляделся — и вздрогнул: под ногами лежал убитый немец.

Вася молча повернулся и медленно побрел к саням. Он упал ничком на сено и закрыл голову руками, будто хотел отгородиться от всего пережитого.

Перепуганные кони долго не давались Садиленко в руки, но Алексей все-таки усмирил норовистых, отвязал поводья от дерева, впрыгнул в сани и весело крикнул:

— Но-о, голубчики, домой пора!..

Позади еще долго пылала машина, бросая отблески на снег. Но потом луна вновь осветила все вокруг спокойным сиянием.

Командир весело переговаривался с Клоковым, а Вася никак не мог прогнать оцепенения — перед глазами лежал распластанный на снегу немец, и жег лицо горячий огонь.

Наконец Садиленко повернул голову к мальчишке и подбадривающе поддел его плечом:

— Чего притих? Испугался?

Вася встрепенулся и поднял голову. Садиленко улыбался ему весело и успокаивающе, будто ничего и не случилось. И у мальчишки отлегло от сердца.

— Нет, не испугался.

— Тогда вперед и вперед! — хлестнул коней вожжами Садиленко, и сани помчались сквозь светлую ночь к партизанскому лесу.

ГЛАВА IV

К двум часам ночи 9 марта партизанский лагерь в Елинском лесу опустел. Все боевые подразделения вышли на задания или залегли на постах. Притихли землянки, не стало слышно ржания коней, лишь над госпитальным подземным жилищем вился дым, у входа подпрыгивал, согревая обмороженную ногу, часовой. Лунное сияние разливалось вокруг него, дрожащие тени отражались от обмерзших льдистых стволов и, казалось, тоже вприпрыжку бежали за ним.

А в нескольких километрах отсюда прямо в снегу лежал взвод Василия Калиновского, веселого и остроумного парня, любимца партизан. В эту ночь его неизменная гитара, под которую он душевно пел цыганские романсы, осталась в лагере, а сам хозяин ее лежал под метелью возле станкового пулемета.

Нудно лежать вот так, без дела, прилепившись животом к утоптанному снегу. Но приказ есть приказ — командир соединения Попудренко распорядился маленькому подразделению залечь далеко от лагеря. В нужный час оно должно было поднять стрельбу, отвлекая внимание врага от основной операции.

Чтобы дезориентировать немцев, такие подразделения партизан заняли позиции в нескольких местах.

«Быстрее бы начиналось!..» — думал Вася, съежившись под ветром.

И, словно в ответ на его мысли, где-то за спинами партизан заскрипел снег, послышалось конское посапывание. Группа всадников быстро приближалась к ним.

— Стой, кто едет? — крикнул Калиновский, приподнявшись на локте.

— Свои. «Приклад», — назвал кто-то пароль.

Калиновский радостно вскочил на ноги. Через ка-

кую-то минуту передний всадник приблизился вплотную к Калиновскому, и Вася узнал в перетянутом портупеями коренастом человеке Попудренко. Тот свесился с коня и блеснул глазами:

— Ну как тут у вас?

— Тихо, товарищ командир отряда. Я, правда, далеко не отхожу от этой машинки, — кивнул Калиновский на пулемет. — И все хлопцы настороже на случай какой неожиданности.

— Ну смотрите. Не прозевайте только сигнала! — выпрямился в седле Попудренко. — А уж мы их поколошматим как следует.

— Ясно, Николай Никитович, — отозвался Калиновский и отстранился, пропуская коня командира вперед. И уже вдогонку крикнул громко: — Возвращайтесь, я вам что-нибудь цыганское сыграю, чтоб за душу взяло!..

Конная группа быстро скрылась в редколесье, а Калиновский снова присел на белый снег к пулемету...

В три часа ночи всадники, выслав вперед еще одну разведку, остановились возле села Сального. Командиры зашли в крайнюю хату, чтобы детально уточнить план операции. Попудренко примостился за длинным столом и окинул взглядом хату.

Хозяин оказался радушным и уважительным. Он сообразил, что это собрались не рядовые партизаны, а командиры, значит, что-то серьезное затевается. И не мог скрыть радости. Может, хоть немного партизаны приберут к рукам карателей да полицаев. Хозяйка стояла у печи, скрестив на груди руки, и тревожно посматривала на гостей, словно хотела что-то сказать им, да никак не решалась.

— Ну что ж, хлопцы, — обвел Попудренко взглядом присутствующих после того, как попросил хозя-

ев хаты на час-другой оставить партизан наедине, — скоро должна вернуться разведка, а мы пока давайте еще раз перепроверим, все ли ясно, не забыли ли чего... Рота Туники перекрывает дорогу между Тихоновичами и Гутою Студенецкою, а потом двигается на Гуту. Вот только беспокоит меня, что у Туники, кажется, с полсотни новичков, не обтерлись ребята еще как следует. Не подведут ли?..

— Ничего, Николай Никитович, — перебил его Петр Романов. — Они ведь порох нюхали, это все красноармейцы, что из окружения выбились.

Командиры тесно окружили стол, приглушенными голосами вели свой боевой совет. Наконец Попудренко выпрямился.

— А мы, конники, преподнесем карателям сюрприз. Пусть Туника начинает бой, пусть поднимает панику. Когда немцы замечутся, мы влетим на конях в село. И лететь надо что есть духу. Пусть стреляют, ночью особенно не прицелишься. И чтоб обязательно с красным флагом впереди. Как, Герасименко, понесешь?

— Как будет приказано! — вскочил Сергей Дмитриевич.

— Приказывать я не собираюсь, но думаю, что ты и сам понимаешь, что значит промчаться по селу с красным флагом. Разгромим фашистский штаб и сразу же флаг водрузим на самое высокое место, чтоб отовсюду его могли видеть люди.

На другом конце села послышался заливистый перебор гармошки, дробно зазвенел бубен, будто кто горохом в стекло швырнул. Попудренко с недоумением зыркнул на завешенное окно.

— Что за чертовщина? — спросил он.

— Видимо, полицаи по селу шляются, — ответил спокойно Дружинин, комиссар отряда. — Подзадоривают себя, чтоб не страшно было.

— Пускай веселятся, нынче трогать их не будем,— произнес Попудренко и прислонился к стене. — Скоро они по-другому запоют. Так что, всыплем немцам перца?..

— Всыплем, лишь бы кони выдержали, — сказал Георгий Костюков.

— Да кони выдержат, разве что твоему трудновато придется, поскольку смотри, как ты разъелся в лесу, — лукаво подмигнул Попудренко, и по хате, разрядив тревогу, пронесся приглушенный смех.

Едва замерли звуки гармошки, хотя звонкая дробь бубна еще рассыпалась в воздухе, как открылась дверь, и в хату вошли трое заснеженных людей. У порога отряхнулись и подошли к освещенному столу. Это были разведчики — Степан Коренок, Иван Деньгуб и Вася Коробко.

— Ну, что принесли? — спросил Попудренко.

Пока разведчики, привыкая к свету, прищуренно осматривались вокруг, командир отряда успел окинуть взглядом смельчаков, которые только что побывали в набитом карателями селе. Задержался взглядом на низеньком Васе Коробко, на его толстом кожухе, заиндевелом автомате, на глубоко надвинутой на глаза шапке, что серебрилась в свете керосиновой лампы, и у командира областного партизанского отряда потеплело на сердце. Мальчишка изо всех сил старался выглядеть бодрым и не показать виду, что позади у него бессонная ночь, километры глубокого снега, притаившаяся опасность за каждым лесным поворотом.

— Разрешите доложить, товарищ командир, — выступил вперед Степан Коренок, старший разведчик.— Никаких изменений, касающихся предыдущих данных разведки, нет. Головная группа немцев находится при штабе, на околицах села — четыре огневые точки, семь пулеметов, есть и автоматчики. Снять их не так

уж и трудно, если тихо подойти. Надо только учесть, что они не спят, меняются часто. Тут надо наскочить внезапно, чтобы немцы и пискнуть не успели, иначе...

— Ну это ясно, — прервал доклад Попудренко. — А ты, Вася, как думаешь?

Коробко не ожидал вопроса и торопливо вытянулся, даже шапка подпрыгнула на голове.

— Дядя Степан все верно доложил. Я придерживаюсь такой же мысли, — наконец вымолвил он смущенно.

Вася очень любил и уважал Николая Никитовича, который столько хорошего сделал для него. Но не так-то просто разговаривать с командиром отряда, да еще в присутствии стольких людей. Чувство благодарности, восхищение храбростью командира заставляли мальчишку всегда волноваться, когда им приходилось общаться, как сейчас, при людях или наедине.

— Если ты тоже такой же мысли, значит, план остается в силе, — улыбнулся Попудренко. — Ну что ж, товарищи, всем по местам и ждать условленного сигнала. Степан, хоть ты и намерзся до посинения, однако бери коня и мчись к Тунике. Скажи, пусть оперативнее разворачивается. Пусть действует, как договорились!

— Ясно, — ответил Коренок, напялил шапку и выскочил за дверь вслед за остальными.

Время тянулось немилосердно долго. Попудренко, приподнимая рукав гимнастерки, нервно посматривал на часы, махал рукой, а иногда постукивал кулаком по столу, отчего сухие доски жалобно поскрипывали, будто и им было нестерпимо это затяжное ожидание. Люди, гревшиеся в хате, курили, тихо перекидывались словами.

Вася постепенно отогрелся и теперь осоловело поглядывал на всех по очереди. Ему хотелось еще пого-

ворить с Николаем Никитовичем, пусть бы тот о чем-нибудь спросил его или даже пошутил с ним.

Попудренко несколько раз посматривал на мальчишку, однако в глазах у него было что-то нездешнее, далекое от приглушенного разговора, от домашнего уюта. Он ждал сигнала, и его тревога незримо передавалась народным мстителям.

И сигнал наконец прозвучал. Глухо бабахнули три взрыва, моментально поднявшие на ноги разомлевших кавалеристов.

— По коням! — скомандовал Попудренко и кинулся к порогу.

Вася тоже подхватился, опрометью выскочил из хаты. Конь слегка встрепенулся, принимая на себя легкое мальчишечье тело, и начал перебирать на месте ногами. Совсем рядом Герасименко, уже на коне, расправлял широкое полотнище знамени.

Попудренко одним рывком взлетел на вороного жеребца и закричал, уже не таясь:

— Знамя — вперед! За мной!

Завихрилась улица, оборвалось село, будто отсек его широкий полевой простор, и лавина конников ринулась к недалекой Гуте Студенецкой, которая угадывалась по коротким вспышкам выстрелов и громким взрывам гранат.

Летит заснеженное поле, одинокие деревья пригибаются до самой земли, раскручиваются волчком, ветер обжигает лица, развевает заснеженные гривы. А конница не видит, не слышит ничего — только призыв командира бросает ее вперед, на невидимую опасность, на жизнь или смерть. Враг еще не чувствует ее приближения, еще злобно отстреливается от партизан, огнем и свинцом окружает себя.

А кони летят сквозь ночь все ближе и ближе к тому огненному кольцу.

— Ура-а-а!.. — сквозь плотную стрельбу прорывается рев нескольких десятков людей.

Рои пуль уже и над ними жужжат, свистит свинец, и вот яростный клин конницы прорубает огненное кольцо обороны, летят гранаты, разметая перепуганных карателей, кого отбросив взрывной волной, а кого и навеки уложив на холодный снег.

Всплески взрывов пылают по бокам, позади, будто устилая победный путь смельчаков огненными цветами. Кажется, уже ничто не в состоянии остановить этот мощный, безудержный натиск, и летящий клин конницы рассечет надвое все кольцо.

Но внезапно перед всадниками, захлебываясь, застрочил пулемет, свинцовым заграждением перекрыл улицу. Человек пятнадцать успели проскочить сквозь него и дальше пробивали себе путь к центру. Остальные же остановились так резко, что коней занесло в сторону и они тут же застряли в глубоком снегу.

— А, черт! — Попудренко задником сапога бил коня под ребра, чтобы как-то заставить его выбраться из сугроба. Однако конь, барахтаясь, только толок ногами белую мякоть и чуть ли не с головой тонул в снегу.

Вася оказался рядом с Костюковым, он видел, как тот дергает коня за поводья, направляя к дороге, и сам пытался делать то же со своим конем. Но кони, как ни старались, не могли высвободиться из неожиданного плена.

Пулеметчик заметил чье-то отчаянное барахтанье в снегу и прошелся в их направлении длинной очередью. Попудренко выругался и крикнул:

— Снять пулемет!

Партизаны залегли. Лишь разведчик Деньгуб, пригибаясь, побежал к ближайшей хате.

Через несколько минут он вернулся и плюхнулся

рядом с Костюковым. В руке Деньгуб держал что-то белое.

— Жора, на́ прикройся, и за мной — ползком! — кинул он ему белый лоскут.

— Дайте и мне, — подал голос Вася.

— Лежи уж тут.

Но Коробко что было силы дернул какую-то скатерть из рук Деньгуба и упал на снег, накрывшись ею. Костюков только рукой махнул — пусть, мол, ползет с нами, ведь все равно не отцепится — и принялся тоже натягивать на свои широкие плечи полотно.

Втроем, друг за другом, по-пластунски поползли под огнем к забору. Вот уже совсем рядом стучит ручной пулемет, ствол его лежит на дощатой перекладине и выплевывает свинец прямо над их головами.

Костюков приподнялся, сделал резкий прыжок, схватил ствол пулемета и потянул его в сторону. Сгоряча он даже не почувствовал, что металл раскалился от беспрерывной стрельбы. За забором загалдели, кто-то побежал в глубь двора.

Партизаны метнулись к калитке, заскочили во двор и успели заметить согнутую фигуру карателя в дверях хлева. Костюков молча рубанул по ней из трофейного пулемета.

— Дядя Жора, был еще один! В хату побежал!..— крикнул Вася.

Костюков повернулся к Деньгубу:

— Постой у двери!

Одно из окон хаты тускло светилось. Видимо, где-то в глубине комнаты горела керосиновая лампа. У хозяйки испуганные глаза, руки судорожно дрожат. Стоит и — ни слова, только пожирает глазами обоих партизан.

— Где полицай? — запыхавшись, прохрипел Костюков.

Хозяйка быстро перекрестилась и пролепетала:

— Не видела, никого не видела. Слышала, что стреляли под окнами.

В печи полыхал огонь, облизывая четыре больших чугуна.

— Зачем столько варева? — спросил Костюков.

— Разве ж я по своей охоте? Праздник у немцев будет, так староста приказал самогонки нагнать... Вот я и суечусь.

Вася тем временем прошелся по хате, заглянул в подпол, окинул взглядом лежанку и тут только заметил, что с печи на него внимательно смотрит мальчишка. Поймав взгляд Васи, он украдкой ткнул пальцем куда-то вниз, потом еще раз и еще.

Вася перевел взор на пол, потом на подпечье и сразу догадался. Понимающе подмигнув неожиданному помощнику, он рывком отодвинул корзину, заслонявшую лаз в подпечье.

Хозяйка совсем побелела и прижала тонкие руки к груди.

Костюков присел сбоку от лаза и наставил пулемет.

— А ну вылазь, пока не всыпал свинца! — скомандовал он.

Сначала ничего не было слышно. Потом зашелестела солома и из узкого лаза на четвереньках вылез мужик с красным обрюзгшим лицом. Солома облепила ему плечи, длинный разлохмаченный чуб падал на глаза, и столько комического было в его фигуре, что партизаны не удержались от хохота.

— Ну и вояка! — взглянул на пленного Костюков, не в силах стереть с широкого лица усмешку.

Услышав за своей спиной тонкое поскуливание — это всхлипывала хозяйка, — Костюков вдруг нахмурился.

— Документы! — крикнул он пленному.

— Какие у полицая документы?

— Давай, какие есть...

Тот полез в карман, но никак не мог достать бумажку трясущимися пальцами. Костюков взял удостоверение, быстро пробежал глазами и даже оторопел: это был не рядовой полицай, а начальник корюковской полиции Мороз.

— Так вот какой нам гад попался! — гневно замахнулся на него Костюков. — Ну ничего, отведем тебя куда положено, там с тобой поговорят. Пошли... А вам, хозяечка, спасибо...

— Да я... да меня запугали... да он приходил ко мне изредка... — заплакала она.

Вася не удержался, обернулся у порога и весело подмигнул мальчишке, который, выглянув из-за широкого дымохода, сразу же смущенно спрятался.

Пока разведчики вылавливали предателей во дворе, кавалеристы достигли центра села. Над бывшим немецким штабом зашелестел на легком ветру красный флаг, и счастливый Герасименко смотрел на его широкое полотнище восторженными глазами.

Приближался рассвет, постепенно светало, и, будто по этой причине, начала утихать стрельба. Гута Студенецкая приходила в себя после ночных страхов. То тут, то там к окну приникали испуганные глаза, где-то несмело скрипели двери и в узкую щель проскальзывала чья-то фигура.

А когда взошло солнце, все село уже радостно бурлило, стар и мал направлялись к центру села, туда, где гордо развевался на ветру давно не виденный родной красный флаг.

Попудренко готовился провести митинг. Это уже стало у него традицией — после освобождения любого села выступать перед людьми, рассказывать им правду. Он стоял на крыльце и посматривал довольными, хотя и усталыми глазами на взбудораженных людей, вслушивался в неспокойный гомон и молчал. Хотелось

сосредоточиться, чтоб сказать людям так, как давно не говорил, чтоб порадовать всех.

— Товарищи! Дорогие земляки!.. — начал он торжественным, звонким голосом.

Вася тоже был бесконечно счастлив в то утро. Еще бы! Такого гуся, как начальник полиции, удалось поймать. Стоит он среди повесивших нос пленных и глаз не поднимает. Пусть знает, как своих предавать.

Мальчишка слонялся в толпе, прислушивался к радостному гомону и чувствовал себя героем. Вертелся он и перед крыльцом, надеясь попасть на глаза Попудренко. И таки дождался — Попудренко, заметив его, улыбнулся и подозвал к себе.

Вася мигом взлетел на высокое крыльцо. Командир отряда обнял мальчишку за плечи и произнес тепло:

— Молодец, Василек, выручил ты нас сегодня. Ведь правду говорил мне Костюков, что это ты Мороза вытурил из-под печи?

— Да вроде бы я, — смутился Коробко. — Но если бы не тот мальчик, который указал на тайник, то кто знает, нашли ли бы мы его.

— Ну, мальчик мальчиком, а ты тоже молодец, — хлопнул его по плечу широкой ладонью Попудренко.— Иди к своим, сейчас митинг проведем. Как думаешь, стоит?

— Конечно, — едва слышно произнес Вася, радостно сбежал с крыльца и подался к Костюкову, который уже рассказывал друзьям-подрывникам что-то веселое.

Митинг продолжался недолго. Попудренко говорил о положении на фронте, а люди слушали его, затаив дыхание, любуясь его могучей статью. Это было чудо— столько было россказней про немецкие победы, а тут вот выступает секретарь обкома партии и говорит о таком, что уже давно было как бы похоронено для всех.

— А чтоб было наукой всем изменникам Родины,

сегодня же сделаем то, что мы должны делать со всеми ими. Вон там, — показал на толпу пленных, — среди своих заплечников стоит начальник корюковской полиции Мороз. Страшная слава ходила о нем по селам. Так вот, больше он не будет ни издеваться, ни глумиться над вами. — И скомандовал часовым: — Давай, хлопцы!

Мороза вытащили из толпы пленных. Без шапки, с раскосмаченным чубом, он шел мимо собравшихся сельчан, уставившись себе под ноги. Уже когда почти приблизился к одинокому дереву, подталкиваемый автоматным стволом, споткнулся и на миг остановился. Но это было лишь на какой-то миг — так же с развальцем пошагал он дальше, к краю своей жизни, и в спину ему упиралось не только дуло автомата, но и сотни суровых человеческих взглядов.

Возле самого дерева Мороз остановился, медленно повернулся лицом к людям и прислонился к обмерзшему стволу дерева, потому что ноги отказывались служить ему. Он умолял глазами о помиловании, силился найти в толпе хотя бы пару сочувствующих глаз, однако натыкался лишь на гнев и ненависть. В бессильной злобе Мороз заскрипел зубами и зажмурил глаза.

— Именем народа...

В ту же минуту напряженную тишину звонко прострочила автоматная очередь.

...К вечеру партизаны покинули село. Уже выезжая за околицу, Вася придержал коня и обернулся — высоко над хатами сквозь голые ветви деревьев билось алым пламенем знамя. Это пламя засветило надежду в глазах сельчан, которые словно ожили в то утро.

Несколько последующих дней немцы бомбили лес. Дыбилась земля, поднималась белая пороша. Время от

времени с неба летели бочки с бензином. Они падали на снег и вспыхивали, как спички. Черная копоть стлалась понизу, забивала дыхание, выдавливала слезы из глаз.

На земле вражеское кольцо также медленно сжималось, сковывая народных мстителей. И тогда было решено — оставить обжитой Елинский лес и выходить из окружения.

После нескольких жестоких, кровавых боев кольцо врага было прорвано, и партизаны направились в Злынкивские леса.

Был конец марта.

ГЛАВА V

Перебазировавшись, партизаны получили кратковременную передышку после изнурительных боев. Областной отряд Попудренко встретил на своем пути несколько больших и малых отрядов, которые нашли пристанище в дремучих лесных массивах и с нетерпением ждали наступления тепла. Два больших отряда — Маркова и Левченко — присоединились к областному отряду.

На заседании Черниговского подпольного обкома партии было утверждено решение об организации крупного соединения, командование которым было поручено Алексею Федоровичу Федорову, секретарю подпольного обкома. Партизанское движение на Черниговщине нарастало; слитые воедино отряды народных мстителей способны были дать бой даже большим воинским частям карателей.

Настало первое партизанское лето. Каждый, кому пришлось пережить лютую зиму, кому выпало закапываться в глубокие снега и ждать условного сигнала и ходить в жестокие атаки на верную смерть, кому холод сводил судорогой руки и ноги, — каждый

остро и благоговейно ощущал красоту теплого лета. Буйная зелень сделала еще гуще дубравы и чащобы, горячий воздух волнами ходил над влажной землей, над прелыми листьями и молодой травой.

Партизаны все чаще начали выходить из леса и тревожить далекие и близкие гарнизоны оккупантов. Но больше всего заданий выпадало на долю подрывников. Из Москвы, из Украинского штаба партизанского движения одна за другой летели радиограммы — повысить активность диверсионных групп на транспортных магистралях, ни одного дня без диверсии.

Иногда ночами над лесом гудели наши самолеты, и на землю на парашютах спускались аккуратно упакованные ящики. Было в них все — от газет и листовок до продуктов. Но самую большую радость вызывало новое оружие и боеприпасы. Подрывники быстро распаковывали ящики с толом, и начиналась настоящая работа. Партизанские умельцы принимались делать мины. Делал их и Коробко — мало кто во взводе мог так ловко и деликатно обращаться со взрывчаткой.

Время от времени партизанам приходилось думать не о диверсиях, а об обороне лагеря — ведь оккупационные власти не могли смириться с тем, что в их тылу сосредоточена такая большая вооруженная сила, и бросали карательные экспедиции на прочесывание леса и перелесков.

Четвертого июня диверсионная группа во главе с командиром взвода Алексеем Садиленко двинулась к выходу из леса. Партизанам стало известно, что каратели собираются прочесывать лес и с этой целью подтянули большие силы в окрестные села. В отряде готовились к встрече карателей, выдвигали вперед боевые заслоны. Подрывникам надо было успеть заминировать дорогу.

Вася топал за Садиленко, обходя болотистые низинки и овраги. За ним шли еще два минера — Сергей Ко-

шель и Николай Денисов. Партизаны торопились, сгибаясь под тяжелыми минами.

Уже показалась опушка леса — небо просматривалось сквозь кроны развесистых сосен, посветлело над головой, и ветер залетал откуда-то с простора, как вдруг донеслось глухое урчание моторов. Садиленко остановился и прислушался. Урчание немного стихло — это порыв ветра отнес его куда-то в сторону, — но потом снова послышалось, вселяя в души партизан тревогу.

— Бегом за мною! — приказал командир и кинулся вперед.

За ним побежали все. Вася старался не отставать от Садиленко, хотя ему было тяжелее всех — в спину ударяла твердая мина, а приклад автомата едва не бил под коленки.

Что было духу промчались партизаны несколько метров через широкую опушку и упали в густую высокую траву под крайними деревьями. Отдышавшись, они принялись осматриваться вокруг.

Вася поднял голову и, раздвинув качающиеся травы, увидел вереницу крытых автомашин. Они выползали из-за пригорка от села Зубивки. Вася начал считать: одна, две, три, четыре... десять...

Тринадцатая тупорылая машина вползла на покатый пригорок и на миг в лучах солнца блеснула ветровым стеклом кабины. Это была последняя. Вот машины проехали еще несколько сот метров, минуя подрывников, и принялись выстраиваться в ряд почти впритык одна к другой. Из кузовов посыпались зеленые фигуры, забегали, засуетились.

— Эх, черт, не успели! — в сердцах стукнул кулаком по земле Садиленко.

— Разве ж мы виноваты? — отозвался Кошель, хотя и у самого было тяжело на душе. — Как разведка будет от стыда хлопать глазами, что проспала!

— Разведка или мы — все равно, — не успокаивался Алексей, — теперь крутовато нашим придется. Вон их сколько высыпало!

Вася неотрывно следил за карателями. Действительно, их было много — сотни три. Они быстро построились в длинную шеренгу и двинулись к лесу, в том направлении, где залегли подрывники.

Войдя в сень деревьев, шеренга начала расползаться вширь, захватывая все большее пространство, а возле машин, казалось, никого не осталось. То ли немецкое командование было беспечно, то ли всех солдат до единого хотело бросить в бой, но, как Вася ни присматривался, у машин не видно было ни одного человека. И его внезапно осенила мысль...

— Алексей Михайлович, слышите?

— Чего тебе? — окинул сердитым взглядом мальчишку Садиленко и снова вперился в карателей, что с каждой минутой все глубже втягивались в лес.

— Гляньте, возле машин никого нет. Все ушли. А что, если подползти и взорвать машины? Пусть тогда пешком топают обратно.

Садиленко еще какой-то миг не отрывал взгляда от цепи карателей, а потом резко обернулся к Васе.

— Ты знаешь, это идея! — загорелся командир.— Топать фашистам никуда не придется, разве что в пекло, но паники мы им сейчас подпустим. Это будет нашим на руку. Ну как, хлопцы?

— Чего тут раздумывать, ясно как божий день, — откликнулся Денисов.

— Товарищ командир, — нетерпеливо заерзал в траве Коробко, — я поползу к машинам, а вы меня прикройте. Может, там все-таки кто-нибудь и есть.

— Не лезь поперед батьки в пекло, — одернул его Кошель.

— Ну, дядя Алексей, — будто и не услышал слов Кошеля мальчишка. — Я же ведь первый предложил.

Я так подкрадусь, что и не заметят. Вам потруднее будет, если придется прикрывать...

Садиленко колебался. Ему не хотелось отпускать мальчишку одного: ведь установить мину где бы то ни было — это уже опасность. А тут сомнительное дело — а что, если там кто-то из карателей залег и только того и ждет, чтоб кто-либо пожаловал к их машинам? Но план Коробко был очень заманчивый. Смекалистый мальчишка! Да и, кроме него, никто незаметно не подползет.

— Ладно, — нехотя произнес Садиленко. — Пойдешь ты, Вася. Только чтоб все было как по нотам. Бери три мины. Заложишь две в концах колонны, одну посередине. А мы с тебя глаз не будем спускать. Прикроем, если что.

Счастливый Вася увязал веревкой еще две мины и пополз к машинам, по-пластунски прижимаясь к земле. Время от времени он поднимал голову, проверял правильность направления. Чем дальше он уползал, тем мины становились тяжелее, трава цеплялась за рожки ящиков и затрудняла движение.

В лесу застрочили первые автоматные очереди. Партизанское оружие пока еще помалкивало, и Васе хотелось поднять переполох в тылу карателей, пока не началась перестрелка. Он полз и, казалось, ощущал затылком настороженные глаза друзей, внимательно следящих за всем происходящим вокруг него, готовых в любую минуту отсечь его огнем от врага.

Вот и машины. Действительно, никого нет. Фашисты твердо уверены в победе. Ну так получайте, что заслужили!

Вася приладил возле моторов одну мину, осторожно протянул шнур, потом пристроил ящик со взрывчаткой на крыле машины посреди колонны. То же самое он проделал на противоположном конце плотного ряда

машин и, соединив вместе три шнура, полегоньку отпуская их, начал отходить на безопасное расстояние.

Три тонкие жилки переплетались и тихо ложились на землю. На пути Васи встретилась какая-то неглубокая канава. Вася скатился в нее и зажал концы шнуров в руке. Прислушался — стрельба в лесу стала глуше, видно, немцы далеко продвинулись в глубь леса.

Вася, прижавшись к земле, с силой дернул шнур, и над полем, покрывая сухой треск перестрелки, раскатился басовитый взрыв.

Подождав, пока горячая воздушная волна прошелестит в траве, Вася выглянул из канавы и засмеялся: там, где стояли машины, поднялось пламя. Оно было какое-то бесцветное, потому что над землей светило яркое солнце и небо было чистое и прозрачное. Снова рвануло, еще и еще раз — это взрывались бензобаки в машинах.

— Ура-а-а!.. — прокатилось далеко в лесу, будто там только и ждали этого сигнала.

Вася, уже не прячась, вскочил на ноги и помчался к товарищам.

— Молодец! — хлопнул его по плечу Садиленко. — Бери автомат. Пора нам отходить.

Подрывникам строго запрещалось без нужды ввязываться в бой. Парни нехотя подчинились приказу Садиленко и двинулись по опушке леса в обход отступающих карателей.

Веселый, возбужденный, Вася шагал впереди. Неожиданно сквозь легкое марево он увидел, что проселочной дорогой к лесу на большой скорости мчится зеленый автобус. Может, подмога? Возможно, фашисты не знают, что от карателей скоро мокрое место останется. Вася обернулся и крикнул:

— Товарищ командир, автобус! Разрешите уничтожить?

Садиленко подбежал ближе и заметил, что автобус уже сворачивает на дорогу, идущую вдоль леса. Он быстро оценил обстановку: автобус мчится прямо по дороге, свернуть ему здесь некуда, значит, мины ему не миновать. И он весело подмигнул:

— Давай, Василек, закладывай!

— Почему это снова Коробко? — нахмурился Кошель. — У нас что, рук нет, или как?

— А потому, что я опять первый увидел, — ответил Вася и побежал на опушку леса.

Садиленко труспой подался следом за ним, на ходу вытаскивая из сумки мину. Дорога бежала, огибая лес, и именно здесь, у едва заметного поворота, мальчишка вырыл неглубокую ямку — лишь бы только слегка землею присыпать плоский ящик, чтоб шофер не заметил ничего, — и утрамбовал рыхлую землю. Он ловко приладил запал и вместе с Садиленко побежал к товарищам, которые уже залегли в траве.

Автобус продолжал лететь на большой скорости. Натужно завывал мотор. Пыль вырывалась из-под колес и зависала позади длинным шлейфом.

А дальше все было просто. Колесо наехало на мину, огромная взрывная сила подбросила автобус вверх, поставила на попа́, а потом швырнула его на землю.

Садиленко, Кошель, Денисов мигом подхватились и что было силы метнули гранаты. Три взрыва почти слились. Заклубился дым, потянуло гарью, и все стихло.

Подрывники приблизились к перекинутому, разбитому автобусу. На почерневшей траве среди обломков железа лежали убитые офицеры и солдаты. Неожиданно один из них шевельнулся и застонал. Кошель быстро наставил автомат на офицера.

— А ну вставай! Хальт! — выкрикнул он слышанное уже не раз немецкое слово.

Немец пришел в себя, зыркнул на партизан прищуренными глазами и потянулся рукой к кобуре.

— Э нет, голубчик, — ударил его ногой по руке Садиленко. — Ты уже свое отстрелял. Руки вверх!

Жест был настолько выразительный, что переводить было лишним. Немец медленно, еще ошалело поводя головой, встал на ноги, застонал и поднял над головой окровавленные руки. Денисов ловко вытащил из его кобуры пистолет и заткнул себе за пояс.

Партизаны двинулись к лагерю. Впереди пленный, за ним подрывники.

Немец оказался неразговорчивым. Однако после нескольких попыток выудить из него хоть какую-нибудь информацию все-таки удалось укротить его горделивый норов. Он служил штабным офицером, и его информация была ценной. Он сообщил, что немцы решили покончить с партизанами на Черниговщине. Сам гауляйтер оккупированной Украины Эрих Кох распорядился бросить несколько дивизий на блокаду Злынкивских лесов. Эшелон за эшелоном разгружаются вокруг соединения партизан. Тысячи немцев, румынов и полицаев сосредоточиваются в ближних селах.

Заревели самолеты над лесными массивами, стараясь определить место размещения партизанского соединения. Стычки народных мстителей с отдельными карательными подразделениями все учащались. Партизанские силы постепенно оттягивались в глубь леса. Принимать открытый бой с такими огромными силами было нецелесообразно. Ведь партизанская тактика признавала совсем другой стиль войны: внезапным и хитрым ударом уничтожать отдельные части, гарнизоны врага и выскальзывать из всевозможных окружений, незаметно перебазироваться в другие местности и оттуда снова потрошить вражеские тылы.

Вот почему в конце лета на совещании обкома партии и командиров отдельных отрядов было решено выходить из окружения. Для того чтобы продолжать диверсии на железнодорожных перегонах Бахмач —

Брянск и Гомель — Чернигов, в этих местах оставили мобильную боевую группу. Командиром был назначен отважный разведчик, смелый и мужественный человек Григорий Васильевич Балицкий.

Коробко узнал о создании этой диверсионной группы лишь тогда, когда в соединении начались первые приготовления к походу. В дорогу готовились санитары и повара, штабисты и хозяйственники. Где-то вдалеке слышалась частая стрельба — это партизанский заслон отбивал натиск карателей.

Вася двинулся на розыск Балицкого. Он ходил между землянками, заглядывал во все укромные уголки, но Балицкого нигде не было. Вместо него Вася встретил своего командира Садиленко и сразу же кинулся к нему. Тот снаряжал подводу, грузил с ездовыми ящики со взрывчаткой.

Вася остановился рядом с подводой.

— Дядя Алексей, — обиженно обратился он к командиру, — что ж такое получается? Если ставить мины, я нужен. Все мне доверяют. А когда набирают диверсионную группу, меня туда не берут. Молчат. И вы тоже хороши, ни словом не обмолвились...

— А при чем здесь я? — удивился Садиленко. — Мне приказали влиться в группу, сказали, кого из людей выделить, я и выполняю приказ. О тебе разговора не было.

— А почему же меня не спросили?

— Ну, Васек, загнул ты! — присвистнул Садиленко. — Если каждого спрашивать, чего он хочет, а чего нет, то порядка не жди. Есть же какая-то дисциплина. Отцепись от меня, иди к Балицкому. — И Садиленко снова принялся за снаряжение подводы.

Вася еще проворнее забегал по лагерю. Наконец возле одной землянки он заметил человека в высокой смушковой шапке и кинулся к нему. Запыхавшись, Ва-

ся остановился, перевел дух и заговорил как можно спокойнее, хотя волнение сводило ему брови.

— Товарищ командир, Григорий Васильевич, разрешите обратиться!

— Обращайся поскорее, Васек, потому что времени у меня кот наплакал, — рассеянно сказал Балицкий.

— Возьмите меня к себе! — выпалил Коробко и застыл в ожидании.

— Да я бы тебя с радостью взял, — серьезно ответил Балицкий. — Знаю, что ты не подведешь. Но Попудренко мне, знаешь, что сказал? Говорит, что ты — живая реликвия и тебя нужно беречь, чтоб молодежь на тебя равнялась.

— Какая еще там реликвия! — закричал мальчишка, но сразу же спохватился: что сделаешь криком, только смеяться будут, снова про нервы станут намекать. — Но если мне не разрешают фашистов бить, то кому я здесь нужен? Григорий Васильевич, поговорите еще раз с командиром. Скажите ему, что я все равно пойду с вами, как бы он меня ни удерживал. Убегу, спрячусь, а потом вас догоню. Я с вами хочу, с вами, слышите?

— Да слышу, не глухой, — растерялся Балицкий.

Он никак не ожидал такой запальчивости от всегда сдержанного, молчаливого мальчишки и теперь не знал, что и делать. Однако он понимал, что Васе безопаснее будет в соединении, где много людей. А диверсионная группа из тридцати человек получила тяжелое и очень ответственное задание.

Но глянул Балицкий на мальчишку и понял, что отказать ему сейчас — значит обидеть на всю жизнь. А подрывник он неплохой. В этом деле просто виртуоз. И храбрый.

— Хорошо, попробую уговорить Николая Никитовича, — пообещал Балицкий неуверенно.

Вася не уходил, все еще не очень веря словам Балицкого. И Балицкий, притворно сердясь, прикрикнул на него:

— Ну, чего стоишь? Сказано — поговорю, значит, поговорю. Беги, помогай в дорогу собираться!

Коробко только того и надо. Четко повернулся он и подался к Садиленковой подводе, что виднелась за деревьями...

Уже к обеду Васю разыскал Володя Павлов. К нему у Васи была особая симпатия, может, потому, что Володя из самой Москвы, — студент, много знает и рассказывает интересно. А может, и потому, что юноша был таким же бесстрашным и умелым подрывником, как и он сам.

— Ну что, добился своего?

— Разве вам уже что-то известно?

— Известно. Балицкий приказал разыскать тебя и передать, чтоб в путь собирался. Держись, вместе по тылам походим!

— Походим! — весело подмигнул мальчишка и сразу же почувствовал облегчение: значит, не надо будет нарушать дисциплину, идти против воли командира.

Под вечер двадцать третьего августа короткая колонна выстроилась на краю обжитого лагеря. Вася держался ближе к Садиленко и выглядывал из-за плеч рослых товарищей. Вот из штабной землянки вышел Балицкий, попагал к своей группе. К ней подошли Федоров, Попудренко, Дружинин, начальник штаба Рванов. Каждый старался попрощаться с подрывниками, напутствовал, желал здоровья, успешных диверсий, новой встречи после летних путешествий.

Попудренко остановился напротив Коробко и улыбнулся:

— Ну что, Реликвия, не хочешь с нами идти?

— Товарищ командир, это же не навсегда. Мы же снова будем вместе?

— Да будем... Ну что ж, Васек, давай двигай! Только чтоб мне никаких глупостей, слышишь? Узнаю — будет тебе на орехи!

— Слушаюсь, товарищ командир! — ответил Вася и залился румянцем от смущения.

Ему сейчас хотелось, чтоб кто-нибудь из погорельчан увидел все это, чтоб по всему селу раззвонил. Да разве такое возможно? Да и зачем?..

Кони тихо двинулись в сторону от недалекой стрельбы, в сумрачную глубину леса. Где-то в ней маленькая группа подрывников должна была подыскать новое место дислокации.

Этой группе надо было действовать в этих лесах за целое партизанское соединение.

ГЛАВА VI

По тому, как стихла канонада над Злынкивскими лесами, подрывники поняли — соединение Федорова вырвалось и на этот раз из вражеского кольца. Чтоб его могли уничтожить каратели — этого никто и в мыслях не держал.

Балицкий со своим отрядом немного передохнул и начал прощупывать, как охраняется железная дорога.

Вокруг простирались Тополевские, Радомские, Краснохуторские леса, по которым подрывники кружили, запутывая след. Но железная дорога, пролегавшая между Гомелем и Черниговом, постоянно притягивала их к себе, поскольку имела важное стратегическое значение.

Днем и ночью громыхали вражеские эшелоны, и громыхапье это брало за сердце подрывников. Хотелось быстрее приниматься за дело, потому что каждый такой эшелон был начинен военной техникой, солдатами и офицерами. Но Балицкий не торопился. Знал, что

пороть горячку не стоит, что действовать надо, будучи наверняка уверенным в успехе.

Васе в те первые дни частенько приходилось переодеваться в рубище нищего и выходить в села на разведку. Каждый раз приносил он какие-нибудь новости.

Соединение Федорова все-таки, как и предполагали подрывники Балицкого, вырвалось из окружения и направилось в Клитнянские леса. Каратели лютовали, вымещая злобу на мирных жителях. Машины носились от села к селу, свозили в райцентры неповинных людей, гестапо пытками старалось вырвать у них новые сведения о передвижениях партизан.

На железной дороге усилилась охрана и часто сновали дрезины, полицейские наряды обходили полотно.

Вскоре Балицкий более или менее точно представлял график прохождения эшелонов. Можно было открывать боевой счет.

Наконец подрывники вышли на задание. Вася Коробко должен был идти вместе с Балицким и группою прикрытия. Григорий Васильевич умышленно взял с собой мальчишку — сперва испытать в деле, а потом уже посылать и самого.

Из временного лагеря подрывники вышли в полдень. Небо уже начало выгорать на осеннем солнце и светилось как-то прохладно. Дремучая пуща помаленьку приближала сумерки, хотя до захода солнца было еще далеко.

Отыскать какую-либо тропинку в густых зарослях осинника и папоротника нечего было и мечтать — партизаны продирались напрямик, идя след в след. Вскоре пот начал заливать глаза, оружие сгибало спину.

Уже когда совсем стемнело, подрывники присели в кустах. На них налетели тучи комаров, будто они ждали здесь в засаде партизан. Но комариная атака никого не пугала. Что комары? Будет пострашнее, если в нескольких километрах начнется зона охраны же-

лезной дороги. Не встретят ли их там шквальным огнем?

Двое из группы прикрытия пошли вперед разведать дорогу, остальные, выждав немного, тоже двинулись вслед.

Григорий Васильевич никак не проявлял своего волнения. Вася уже привык к его непоколебимому спокойствию, которое иногда даже как-то беспокоило: попробуй понять, что у командира на душе, если лицо его непроницаемо. Мальчишка часто вспоминал, что такое же лицо было у отца, когда тот садился за очередной бухгалтерский отчет, чуть ли нос не втыкал в бумаги, и не откликался с первого раза на зов. Но это же в тихой хате, в покое, а здесь...

Если б хоть рука задрожала или голос у командира вдруг осекся, тогда б Васе стало ясно, что командир тоже переживает. А то сколько ни присматривайся — хоть бы бровью повел. Все-таки правду говорили в соединении, что у Балицкого железные нервы.

Впереди послышался тонкий короткий свист. Группа остановилась. Еще раз призывно свистнули из густых зарослей. Балицкий направился туда...

Двое разведчиков так замаскировались в кустах, что можно было бы пройти рядом и не заметить их.

— Ну что тут? — Балицкий присел возле них.

— Да ничего особенного. Прошла дрезина. Несколько фрицев, а на маховике — два полицая. Так на ручки налегали, будто сами от себя убежать хотели.

— Пусть едут, — махнул рукой Балицкий. — Нам такие пока не нужны, они наверняка дорогу проверяют... Ну, хлопцы, можно украдкой перекурить, а там и за работу приниматься пора. Где-то через полчаса надо ожидать поезда.

Осторожно взблеснули несколько огоньков, спрятанных плащами и шинелями, потянуло крутым дымом. У Васи защекотало в носу. Терпел он с минуту,

а потом не удержался и приглушенно чихнул, испугав самого себя — такая глубокая тишина стояла вокруг.

— Значит, правда, — сказал Баскин.

— Что правда? — не понял Вася и смущенно крутнул головой.

— То правда, что хочешь сам мину поставить, — хитро улыбнулся Баскин.

— Откуда вы знаете? — удивился мальчишка. Ему и вправду очень хотелось попросить командира об этом, но пока он еще не видел подходящего момента.

— На лбу у тебя написано.

— Помолчи, Евсей, не подтрунивай над мальчишкой, — вмешался Балицкий, докуривая самокрутку. — А мину сегодня он поставит. У нашего Васи легкая рука.

У мальчишки даже дыхание перехватило от счастья. Нет, таки настоящий командир Григорий Васильевич! Он будто угадывает желание Васи и говорит с ним, как равный с равным.

Балицкий погасил окурок о песок и поднялся.

— Пошли! Вы, хлопцы, отойдите метров на пятьдесят и ждите, когда свалим. Придется немного пострелять. В последнем вагоне всегда охрана едет. Так вы уж ей всыпьте перца.

Втроем подрывники поднялись на крутую насыпь. На небе высыпали яркие звезды, заблестели от горизонта до горизонта. Лес стоял по сторонам молчаливый и таинственный. То тут, то там срывалась с ветки какая-нибудь птица, подавала голос и снова замирала в густой листве.

Подрывники склонились над рельсами, что двумя струями текли куда-то во мрак. Баскин достал мину и бережно положил на щебень. Вася вопросительно посмотрел на командира. Тот успокаивающе кивнул и спросил:

— Видно или посветить?

— Видно, товарищ командир, — ответил Вася, поняв, что можно начинать.

Нож мягко входит в податливый песок, попадает на камешки и недовольно поскрипывает. Песок еще не остыл как следует, пальцы слегка ощущают его влажное тепло. Осторожно Вася выворачивает песок на середину железнодорожного полотна, а потом слегка утрамбовывает ладонью. Ямка под рельсом становится все глубже, шуршит песок, а мальчишке кажется, что это кровь шумит в висках и нарушает глубокую тишину.

Бережно, обеими руками придерживая довольно тяжелую мину, он подкладывает ее под рельс и не торопясь присыпает песком. Не сгребает со всех сторон, нет, осторожно разминает песок пальцами, отбрасывая камешки, и засыпает им ямку, ладонью трамбует так, чтобы не зацепить запал, пригнанный вплотную к стальной полосе снизу.

Мину не видно, ямка заполнена, присыпана сверху сухим песком, но еще остается небольшая кучка сырого. Вася молча сгребает оставшийся песок на полу плаща и собирает в кучку.

— Правильно, Васек! Чтоб не оставалось следа! — похвалил его Балицкий и выпрямился над полотном.

Коробко еще сидел над рельсом, когда неожиданно услышал какой-то тонкий гул — будто провода на ветру гудели. Но ведь ветра сейчас не было. Он припал ухом к рельсу и услышал постукивание металла о металл, ритмичное и торопливое, похожее на перестук легких колес.

— Что-то едет! — вскочил он на ноги. — Вот послушайте!

Балицкий нагнулся к стальной жиле и замер. Действительно, нарастал монотонный шум, но это не мог быть эшелон — тот гудит тяжело, басовито. Видно, снова охрана летит.

— Как бы не дрезина, — ответил Балицкий напрягшемуся в ожидании мальчишке. — Пропустим и этих.

На склоне насыпи шнур Вася тоже присыпал сухим песком, а в густой траве его было достаточно придавить ладонью к земле — никто в ночное время не увидит. Не спеша Вася и Балицкий спустились с взгорка, присматриваясь, не оставили ли они каких следов, потом скрылись в зарослях осинника. Залегли как раз напротив мины. Прямо перед ними стоял телеграфный столб, и Балицкий сказал Васе:

— Вот видишь, и ориентир имеем. Только паровоз начнет подходить к нему, тут и рванешь.

— Хорошо, — прошептал мальчишка так тихо, будто кто-то мог подслушать его.

Издалека блеснул яркий свет, достиг притаившихся партизан. Два сияющих луча бежали по рельсам, будто прощупывали путь. Дрезина мчалась быстро, и вскоре грохот колес стих за лесом.

— Ну, теперь жди, — обронил Баскин. — Дорогу пронюхали, можно и двигаться.

Ох уж это томительное, напряженное ожидание чего-то неминуемого! Кажется, уже и не дышишь, а сердце колотится, подпирает к самому горлу и едва не выскочит. Затрепещет крыльями птица неподалеку — и ты уже обмер. Ветер повеет, колыхнет ветку темную над головой, а чудится — чья-то лапа перехватывает и дыхание, и шнур, крепко зажатый в правой руке. А то вдруг далекое громыхание идущего эшелона будто замирает, словно начинает откатываться, отползать между кустами и деревьями за бугор. И ничем его не вернешь, не покатишь за ним мину, которая спокойно лежит под рельсом и не елозит так, как ты в кустах.

Но вот гул приближается, мелко дрожит земля под тобою, но ты не замечаешь этого, потому что собственное твое тело лихорадит тревога. Загорается прожектор, бьет светом далеко вперед, слепит глаза, однако ты

не в силах оторвать от него взгляда. Кажется, еще миг — и ты взлетишь на воздух, закружишься ночным мотыльком в светящемся потоке, пока не сгоришь на лету. Стараешься пошевелить хотя бы ногою — а она не слушается, приросла к жесткой траве. Не чувствуешь боли в локтях, не чувствуешь, как боль эта переливается выше, в плечи, скованные ожиданием.

Однако уже ночное грозное чудище совсем рядом, металлический грохот и поток света надвигаются уже будто на твою онемевшую голову, вот повернет железное чудище немного в сторону и расплющит тебя на земле, как листочек.

И тут слышится голос командира:

— Тяни!

И ты видишь, как свет подлетает к самому телеграфному столбу, и в последний момент рывком дергаешь тонкий шнур. И вместе со скрежетом металла, режущим скрипом, треском слетает с тебя долгое оцепенение и возвращается способность реально воспринимать действительность. Паровоз поднимается на дыбы и летит кувырком вниз. Вагон ударяется о вагон, что-то вспыхивает, взрывается, и все сливается в страшный грохот.

Балицкий и Баскин вскидывают автоматы и в азарте строчат по вагонам, и на их лицах играют сполохи, высвечивают отчаянную радость. Тогда и ты припадаешь к прикладу и посылаешь пули в неизвестного, невидимого отсюда врага. И когда пустеет твой диск, когда из покореженных вагонов кто-то все-таки начинает поливать лес свинцовым дождем, ты бежишь пригибаясь за командиром и тонешь в густом спасительном осиннике. И только лишь там командир внезапно нагибается и порывисто обнимает тебя:

— Молодец, Вася! Поздравляю с открытием нашего счета!..

А дальше все утихомиривается, принимает реальные формы. Возвращается группа прикрытия, все веселые, довольные, тоже поздравляют тебя. А ты, тихо улыбаясь, принимаешь объятия. Впереди стелется нелегкая дорога к лагерю, а позади ширится, разрастается пожар, словно память о том напряженном ожидании...

Так бывало почти каждую ночь. Балицкий, казалось, вошел в азарт и не мог усидеть на месте. Одна группа далеко уходила на железную дорогу, а другая в то же время пробиралась в противоположную сторону и взрывала вражеские машины на дорогах. Оккупанты терялись в догадках, не знали, где искать неутомимых лесовиков.

Бывало, что в лес врывались большие карательные отряды. Тогда группа подрывников тихо снималась с места, не ввязываясь в бои, преодолевала несколько десятков километров и снова появлялась на железной дороге, в том месте, где ее совсем не ждали.

Железные дороги были теми осями, вокруг которых закручивалась вся смертельно напряженная жизнь маленькой группы смельчаков.

Балицкий не щадил ни себя, ни людей.

И когда группа вновь влилась в соединение Федорова, Балицкий доложил результаты партизанской работы с 23 августа по 25 октября. По самым скромным подсчетам, было уничтожено до полутора тысяч немцев, из них более трехсот офицеров и один генерал, ранено 582 немца, уничтожено 9 эшелонов (10 паровозов и 125 вагонов), задержано движение по железной дороге, в общем, на 191 час, взорваны 1 легковая и 5 грузовых автомашин.

Вскоре группа подрывников получила высокие правительственные награды. Григорию Васильевичу Балицкому вручили Звезду Героя Советского Союза, а Васе Коробко — орден Красного Знамени.

ГЛАВА VII

Стоял один из обычных ноябрьских дней 1942 года. Соединение Федорова по-прежнему располагалось в Клитнянских лесах, откуда проводило диверсии, громило гарнизоны неприятеля и отражало его карательные экспедиции. Фашисты снова активизировались. День и ночь гудели над лесом самолеты, сбрасывая сотни бомб и тысячи листовок с призывами сдаваться и обещаниями помилования. Но никто им не верил, никто уже не боялся вражеских угроз. После тяжелых первых месяцев борьбы к бойцам пришла уверенность в своих силах, убежденность в окончательной победе над врагом.

Вася вернулся с очередной операции: в ту ночь партизанам удалось подорвать большой эшелон у станции Билынковичи. Еще голова гудела от взрывов, еще ныли ноги после долгой дороги, а на душе было спокойно и празднично. За окном сыпался крупный снег. Медленно кружились большие снежинки, пробиваясь сквозь густые сосновые кроны и ложась на почерневшую жухлую траву.

За столом, разложив бумаги, работал политрук Цымбалист, сосредоточенно записывая что-то в свою самодельную тетрадь.

Вася, сидя по другую сторону стола, налегал на обед. Он изрядно проголодался в пути. Котелок вибрировал от алюминиевой ложки, позванивал все тоньше и тоньше, поскольку супа с кониной оставалось уже на самом донышке. После сухого пайка огромным наслаждением было втягивать в себя пахучий пар, который клубился из солдатской посудины и согревал не только горло, но и продрогшую в скитаниях по осеннему лесу душу...

Вдруг над крышей монотонно загудела немецкая «рама». Не надо даже выглядывать из землянки, что-

бы распознать ее. «Что может рассмотреть немец-разведчик в эту пургу?» — подумалось Васе.

Он припал к заснеженному окну. В лесу посветлело, и в одном из прогалов между тучами мелькнула эта самая «рама». Она низко зависла над лагерем. Ну, теперь держись!..

И действительно, вскоре небо загудело от множества моторов. На этот раз летели «юнкерсы». Все ближе и ближе их угрожающий звук, грозящий разрушить красоту поздней осени с молодым снежком на пушистых сосновых ветвях. Наконец нудный рокот не удержался в сыром холодном поднебесье и перешел в душераздирающий вой — первая тройка «юнкерсов» ринулась в пике.

В последний миг у самой земли самолеты резко вздымались вверх, и от них отрывались черные точки.

— Эти далеко упадут, — говорит Вася, с сожалением поглядывая на пустой остывший котелок. А политрук будто и не слышал ничего — все пишет да пишет.

Встрепенулась земля, зазуммерило окно; сорвавшись с сосны, густо посыпался снег. Почти одновременно грохнул взрыв, потом еще и еще. Бомбардировка была плотной, но, к счастью, неприцельной. Очевидно, самолет-разведчик не совсем точно определил координаты партизанского лагеря.

Но вот одна из бомб провыла, казалось, над самой землянкой, прошла наискось и взорвалась метрах в пятидесяти. Огромный фонтан снега вперемешку с землей охватил старую сосну, окутал ее ствол, и она, сначала подпрыгнув, стала медленно валиться набок. Сосна падала так, словно удивлялась неожиданным переменам в своей судьбе, падала и никак не могла осознать своей кончины. Соседки подставили ей зеленые снежные кроны, и она так и повисла на них, зияя раной расщепленного комля.

Дверь в землянку резко отворилась. На матово-белом фоне снегопада появился Саша Бардаков, штабной рассыльный. Повеяло холодом, едким чадом взрыва. Рассыльный поздоровался и примостился у стола.

— Подкрепляемся? — подмигнул он Васе.

— Как видишь, — ответил Вася, старательно сливая из котелка в ложку остатки супа.

— Ну, тогда закругляйся и давай на собрание. Твой вопрос...

Вася вспомнил: сегодня именно тот день, которого он ждал вот уже несколько недель, еще с тех пор, как группа Балицкого вернулась в соединение. Быстро поднявшись из-за стола, он оправил рубашку, подтянул пояс, пригладил непослушные волосы и встал подле выхода из землянки с шапкой в руках.

— Иван Елисеевич, вас тоже приглашают... сказать про своего воина... — повернулся Бардаков к Цымбалисту.

Тот оторвался от своей тетради:

— Что ж, я готов. Давно пора рассмотреть...

Они вышли из землянки. Вася держался сзади, осматриваясь вокруг. Где-то гремели орудия, строчили пулеметы, а здесь спокойно падали снежинки и тихо покачивался лес.

«Как-то все удивительно складывается, — думал Вася, — один клочок земли горит и стонет, а другой, совсем недалеко, дремлет себе, будто ничего не случилось...»

Снег присыпал тропинки, превратив поляну в сплошной однотонный ковер.

Первое, на что обратил внимание Вася при входе в штабную землянку, был длинный стол, покрытый красной материей. Члены бюро, и среди них секретарь комсомольской организации соединения Мария Скрипка, о чем-то переговаривались между собой. Увидев Коробко, Мария поздоровалась и кивнула ему:

— Садись поближе.

Вася пристроился на краешке табуретки и стал внимательно прислушиваться к беседе. Члены бюро договаривались о порядке сегодняшнего заседания, о каких-то неотложных персональных делах, кто-то что-то предлагал, возражал... Вася никак не мог поймать нить их разговора. На душе у него было как-то тревожно.

Мысленно перебирая всю свою жизнь в партизанском отряде, Вася цеплялся за каждую сомнительную деталь, чтобы быть готовым ко всему, если его вдруг спросят о чем-нибудь неожиданном... Не припомнят ли ему сейчас нечто, о чем он забыл, чему, может быть, не придавал значения?..

Но вот Мария Скрипка придвинулась к столу и заговорила громче:

— Товарищи, сегодня у нас на повестке дня два основных вопроса. Прием в комсомол и подготовка лагеря к зиме. Какие будут предложения?

Никаких предложений не последовало...

— Тогда голосуем. Кто за такую повестку?

Дружно поднялись руки. Стало тихо.

— Переходим к первому вопросу. Поступило заявление от Коробко Василия Ивановича...

Мария читала заявление, а Вася не узнавал его. Неужели это он сам так смело написал, что хочет быть в передовых рядах борцов за освобождение родной земли, не мыслит своей жизни вне комсомольской организации?.. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди... Вспомнился прием в пионеры. Много ли он тогда понимал? Просто захотелось носить красный галстук, доказать всем, что он уже вырос из октябрят. Да и происходило все это в школе, совсем в другой обстановке. А тут лес, война... Время, когда иначе относятся к каждому делу и слову, не бросают клятвы на ветер.

Мария Скрипка, дочитав заявление, спросила:

— Будем обсуждать кандидатуру?

— Я думаю, — поднялся партизан Купдзич, — говорить что-либо о Коробко — лишнее. Он сам себе такую характеристику боевыми делами дал, что всем завидно. На его счету уже столько взорванных эшелонов, фашистских автомашин...

— А разведка! — подхватил кто-то у стены. — Сколько раз он приносил ценные сведения! Нечего зря канитель разводить. Принять...

— Разрешите и мне, товарищи комсомольцы... — поднял руку политрук.

— Пожалуйста, Иван Елисеевич! — сказала Мария Скрипка.

Вася быстро перевел взгляд на Цымбалиста. Что он скажет? Неужели снова будет корить за недисциплинированность? Ведь не так давно политрук крепко распекал его за то, что к немцам под самый нос полез: мину подкладывал, хотя следовало послушаться командира группы и возвращаться в лес. Ну, сейчас начнет...

Однако Иван Елисеевич как-то тепло посмотрел на Васю и заговорил:

— Вот вы, друзья, правильно повели речь о Коробко — как воюет, что делает для того, чтобы приблизить нашу победу. Да, именно в этом высший смысл комсомольской работы в нынешних условиях. И мне очень приятно, что о нашем подрывнике и разведчике Васе Коробко сказано столько хороших слов. Он заслужил их, в этом нет сомнения. Вот и прошлой ночью на его мине подорвался эшелон с воинским снаряжением, остановлено движение по очень важной железной дороге. А это все — задержка вражеских резервов и, значит, помощь нашей армии. Вася вырос в настоящего воина, с которого берут пример не только молодые, но и ветераны. Я думаю, он полностью заслужил право быть комсомольцем.

Политрук медленно опустился на лавку. «Так вот как он говорит обо мне! — радостно подумал Вася. — Зачем же тогда распекал меня прежде? Чтоб остеречь?»

Коробко с благодарностью посмотрел на своего командира. Глаза политрука хитро сузились и подмигнули: держись, мол, не такое до сих пор пережил...

— Ставлю на голосование, — донесся до мальчишки голос Марии Скрипка.

Увидев, как дружно над столом взметнулись руки, Вася едва не заплакал от счастья. Его поздравляли все, а он только молча кивал на приветственные слова и смущенно пятился к двери. Политрук взял его за плечи, и они вместе вышли из землянки. Только теперь у Коробко стало как-то спокойно и легко на душе.

— Ну, Васек, смотри, не подкачай, — произнес политрук, широко шагая рядом.

— Буду начинать новый, комсомольский, счет, — ответил Вася. — Спасибо вам, Иван Елисеевич, вы меня так расхвалили... Даже совестно стало. Думал, вспомните какую-нибудь мою выходку...

— Это наше домашнее дело. Хотя ругать тебя тоже есть за что, — погрозил пальцем политрук.

Где-то не очень далеко гремели взрывы, возникала и угасала стрельба...

Шла война, которой пока еще не видно было конца.

ГЛАВА VIII

Немцы — уже в который раз! — решили покончить с непокорным соединением Федорова. Несколько дивизий, отведенных с фронта на отдых, вместо спокойной жизни в теплых помещениях получили приказ двигаться в Клитнянские леса и выкурить оттуда партизан.

Завязались тяжелые бои. Карателей было в несколько раз больше, и партизан спасало лишь то, что нем-

цам приходилось воевать в необычных для них условиях. Они умели вести позиционную войну, где все ясно и понятно. Здесь же стрелял каждый куст, каждое дерево...

Каратели шли через лес, свинцом пронизывая насквозь заросли, находили остатки партизанских оборонительных укреплений и спокойно возвращались в села, уверенные в своей победе. Но вдруг через два-три дня со всех сторон на них снова обрушивался смертельный огонь, от которого нигде не было спасения.

И все же кольцо вокруг партизан стягивалось: вот-вот партизанское соединение захлестнет тугая петля... И тогда народные мстители снова решили идти на прорыв...

Особая группа сломала оборону врага и вырвалась на простор, ведя за собой довольно длинную колонну. Теперь главное — не дать карателям рассечь ее, раскроить на отдельные куски, отрезать тыловые подразделения и хозяйственные службы.

Колонна двигалась по незнакомой снежной целине, все дальше отрываясь от основных, стянутых к лесу сил врага.

Бойцы возвращались в давно облюбованный ими Елинский лес, из которого когда-то вынуждены были с боем пробиваться на свободу. Уже не прячась ни днем, ни ночью, преодолевали они трудные километры пути. Колонна не старалась даже придерживаться многочисленных перелесков — ведь и там наскакивали на нее карательные отряды фашистов. Если в вечерних сумерках партизаны умудрялись оторваться от настырного преследования карателей, то утром те наседали вновь. Отчаянно сражались группы охраны. Неся большие потери, они отбрасывали наседающего врага, после чего опять присоединялись к своим.

Вечером вторая рота под командованием Федора Ивановича Короткова перешла двухпутку на полу-

станке Закопытье, неподалеку от местечка Добруш. Авангард тут же выделил группы прикрытия и расставил их по обе стороны переезда.

Колонна начала спешно преодолевать преграду. Синий полумрак настороженно молчал. Попудренко почувствовал вдруг что-то недоброе в этом молчании, вскочил на коня и понесся к Добрушу. Если сейчас удастся перейти железнодорожное полотно, фашисты останутся с носом... Однако Попудренко знал, что именно в таких местах, куда можно быстро подтянуть подкрепления, обычно устраиваются засады...

И он не ошибся. Внезапно из вечернего тумана вынырнул немецкий бронепоезд и сразу же стал поливать все вокруг пулеметным огнем. Падали кони... Люди искали укрытия... Но где его найдешь на ровной дороге? Железная громадина, утыканная пулеметами, ходила по переезду туда-сюда и сеяла смерть...

Конь командира встал на дыбы, тревожно заржал и, мгновенно угадав желание всадника, повернул назад.

— В лес! Всем отступать в лес! — закричал Попудренко.

Он понимал, что пройти сквозь такой огненный заслон им не удастся, а посылать людей на бессмысленную гибель ему никто не давал права. Голос командира потонул в шуме стрельбы, но все увидели мечущегося в лучах света всадника и ринулись вслед за ним.

Остановились уже в зарослях. Пули сюда не долетали, хотя бронепоезд продолжал изрыгать огонь.

Попудренко гневно ударил шапкой о землю и сплюнул:

— Проклятие! Надо же было на этот железный гроб нарваться! Попробуй теперь скинь его. А переходить полотно не миновать. И немедленно, иначе они возьмут за глотку. У кого какие соображения?

— Можно попробовать подорвать... — нерешительно произнес кто-то из темноты.

— Ничего не выйдет, — категорически запротестовал Иван Иванович Водопьян. — Идти людям в такой огонь все равно что на верную смерть. Придется искать другую дорогу...

— Подождите, — отозвался начальник штаба соединения Дмитрий Иванович Рванов. — А что, если мы обойдем полустанок? Под Добрушем есть другой переезд. Снять часовых помогут тамошние подпольщики, которые хорошо знают местность...

— Действительно, — обрадованно улыбнулся Попудренко. — Голова же у тебя, Дмитрий Иванович! К утру успеем?

— Если никакая сатана не помешает, успеем, — ответил Рванов.

— Тогда командуй! — И окликнул: — Костюков!

— Я! — отозвался Костюков.

— Снаряжай разведку! Рванов, проинструктируй, с кем связаться в Добруше и что там делать!..

Колонна начала перестраиваться. От нее отделились три всадника и, круто развернув коней, полетели к местечку. Костюков решил сам возглавить группу, в которую вошли также Павел Медяный и Вася Коробко.

Кони стремительно неслись просторными полянами, малость сбавляя ход среди редких осин и берез. Разведчики старались не отходить далеко от железнодорожного полотна, которое разрезало лесной массив пополам: боялись сбиться с дороги. Позади заливисто строчили пулеметы, служа хорошим звуковым ориентиром.

Но вот лес кончился, и впереди засветился Добруш. Взяв еще немного вбок, партизаны обогнули переезд со сторожевыми строениями и двинулись к городской окраине. Наконец они остановились в жиденьком дубняке, спешились...

— Павел, бери коней, жди нас тут! — приказал Костюков Медяному. — Что б ни случилось, в бой не

вступай! Будешь встречать соединение, если мы не вернемся...

— Есть! — коротко ответил тот и принялся связывать поводья.

Две фигуры — большая и маленькая — растаяли во мраке. Медяный остался один. Он крепко держал в руке связанные воедино ремни, потом привязал их к сосне, а сам прислонился к теплому конскому крупу. Мороз пробирался к нему под кожух, выжимал тепло из валенок, и от этого еще медленнее тянулось время... Кони, будто чувствуя опасность, вели себя смирно, терлись головами друг о друга и тихо переступали с ноги на ногу.

Прошло уже больше часа, с тех пор как ушла разведка. Пройдет еще час — и должны подойти передовые отряды партизан. В местечке — мертвая тишина... У переезда тоже ничего не слыхать. Успеют ли ребята подготовить переход?.. А вдруг всполошится гарнизон? Конечно, если он немногочислен, беда невелика... Эх, кабы удался ночной маневр и железнодорожное полотно осталось позади! Только почему же Костюков с Васей не подают голоса?..

Павел утомленно прислушивался к окружающей тишине. Все отчетливее всплывали воспоминания... Словно из чистой воды вышли вдруг иные кони — довоенные пугливые землеробы, которых ребята водили в ночное...

Тогда было тепло, возле шалаша горел огонь, потрескивал хворост, щедро распространяя вокруг свой жар. А над густой травой шевелились лошадиные тени, доносилось спокойное пофыркивание... Тогда было столько тепла, что, если бы сейчас хотя бы каплю его, можно было бы простоять всю длинную зимнюю ночь...

Короткий свист прочь отогнал воспоминания. Встрепенулись кони. Павел прислушался... Еще два коротких посвиста пронеслись над рощицей. Значит, свои...

Павел ловко отвязал коней и двинулся на звук. Ему навстречу вышел Вася.

— Ну что там?

— Как по писаному. Местные подпольщики — мировые парни. Без них мы бы и не подступились к переезду — там такая сигнализация! Но теперь уже все. Часовых сняли. Переезд наш!.. — сообщил Коробко.

— Живем! — обрадовался Медяный. — Наши вот-вот будут здесь.

Партизанскую колонну разведчики ждали возле поднятого шлагбаума. Уже когда начало светать, из леса показался авангард. Сдерживаемые всадниками кони горячились на опушке. У них под ногами пылью клубился снег, трещал обледеневший наст.

— Ого-го!.. — весело закричали разведчики, призывно взмахивая руками: путь свободен, можно двигаться дальше.

Колонна в видимой близости от города быстро и спокойно вытягивалась из-за деревьев в сторону переезда. Вот уже и штаб преодолевает железнодорожные пути. Вася замечает Попудренко и останавливается. Тот тоже придерживает коня — заметил разведчиков.

— Ну как, обошлось без шума? — спрашивает он улыбчиво.

— Так точно, товарищ командир! — вытягивается перед ним Костюков.

— Вот и молодцы! А теперь давайте вместе со всеми!

— Есть! — отзываются разведчики. Простившись с подпольщиками, которым приходится оставаться в местечке, они обгоняют колонну, настигают свою разведывательно-диверсионную группу...

Ослепительно белый снег, вспыхивая искрами в лучах рассветного солнца, вихрится под копытами коней.

ГЛАВА IX

Семь месяцев беспрерывного движения в лесах, жизни и борьбы уже далеко от тех мест, где возникло партизанское соединение Федорова, уходят в прошлое. Они принесли и радость удач, и горечь утрат. На трудных дорогах партизанской войны полегло немало отважных. Но еще больше влилось в соединение новых борцов за освобождение родного края. Особенно много людей пришло в лес, когда по всей земле пронесся слух о небывалом разгроме фашистских армий под Сталинградом. Это событие окрылило черниговских партизан, гордых тем, что они тоже внесли свою лепту в победу над врагом, не давая ему покоя в тылу.

Наконец-то завершился тяжелый рейд по России и Белоруссии. Вот и речка Сож. Неподалеку виднеется хмурый заброшенный монастырь, стены которого равнодушно отражают утренние лучи солнца, а оно, словно предвещая добро и счастье, припекает совсем не по-зимнему. Перед глазами расстилается милая черниговская земля, к которой мысленно тянулся в долгих походах каждый, но чуть ли не сильнее всех — Вася Коробко. Лишь только отряд разведчиков разместился в Каменном Хуторе, как он уже шагал куда-то по людной и шумной улице. Говорят, из Рогозного леса прибывает подпольный партизанский госпиталь, в котором находился все эти месяцы его односельчанин Сергей Помаз. Тяжело раненный в одной из стычек, боец не мог идти с ними в рейд. Васе хотелось сразу же разыскать товарища. Обогнув приземистую хатку, он увидел впереди несколько подвод, издали заметил политрука госпиталя Немченко и бросился к нему:

— Тимофей Савельевич, с праздником вас!

Тот схватил мальчишку обеими руками, прижал к себе и часто заморгал повлажневшими глазами. Потом отвел Васину голову, поправил ему сбившуюся шапку и улыбнулся:

— Ну вот и встретились! Долго же вы не возвращались...

— Мы хотели бы раньше, так попробуй еще пробиться! Там такое творилось, что и не расскажешь...

— Слышали, как же, слышали. — Улыбка не сходила с лица Немченко. — Да ты не меня ли бежал встречать?

— И вас, и всех, — ответил Вася. И только потом тревожно спросил: — А Помаз Сергей с вами?

— Так бы и говорил, а то — всех... — сверкая зубами, пошутил Немченко. — Вон сидит на санях, разве не видишь?

Вася бросил взгляд вдоль вереницы подвод и сразу же заметил радостную улыбку на бледном лице молодого партизана. Помаз сидел на ворохе сена и махал ему рукой. Кони слишком уж медленно двигались по сельской улице, и Коробко что есть духу кинулся навстречу товарищу. После первых объятий, суетливых слов приветствий, веселых возгласов Вася заметил, что нога Сергея лежит как-то неестественно.

И все же радость встречи пересилила все боли.

Подпрыгнув, Вася уселся рядом с Помазом на повозке, и они, продолжая оживленно беседовать, поехали дальше, к центру хутора. Коробко осторожно задал односельчанину вопрос о своих родителях, но тот толком ничего не знал.

А вокруг шумел, клокотал, бушевал праздник. Будто уже, вопреки календарю, пришла и завладела всей округой весна. Партизаны, и те, кто только что вырвался из настоящего ада, и хозяева хутора, долгое время бывшие в клещах оккупантов, искренне радовались друг другу. Где-то уже заливалась гармошка, где-то в небо, на волю рвалась протяжная песня. И удивительно было черниговским селянам, что никто ее, эту песню, не прерывает, никто не наступает ей на горло...

Незаметно вечерние сумерки упали на землю, густой синевой окутали белые хаты.

Уже в полночь вспыхнули посадочные огни на лугу за хутором. В темном небе загудели басовитые моторы, и, выбрасывая из-под себя снег, по мерзлой земле покатился тяжелый «дуглас». Конечно, Вася Коробко не мог спать в эту ночь, хотя так болели натруженные его ноги, так слипались от усталости веки... Он рядом с госпитальными санями шел к самолету. На сене сидел Сергей и, бодрясь, больше для товарища, чем для себя, говорил:

— Не хмурься, Васек!.. Теперь заживет на мне как на собаке. В Москве не то что в лесу — быстро поставят на ноги. Вот вы-то как здесь?..

— А что мы? — откликнулся Коробко. — Сейчас не так будет, как раньше, когда начинали. Помнишь день, когда мы уходили из Погорельцев?..

— Лучше б и не помнить этого никогда, — горестно вздохнул Сергей. — Били нас тогда крепко...

— Теперь не побьют, — успокоил Вася. — Теперь у нас связь с Москвой. Нам подбрасывают все, что надо, с Большой земли. А ты лети, мы уж без тебя как-нибудь...

— Без меня вам не обойтись. Как только оклемаюсь, буду проситься обратно в отряд. Понимаешь, Вася, лежал я, как полено, времени до черта, и, знаешь, столько обо всем передумалось. Я только здесь, в отряде, понял, как надо любить жизнь, бороться за нее. Многое понял, потому и не могу теперь жить спокойно, пока родные места фашистская погань топчет. — Сергей оперся на локоть, попробовал приподняться — так душу его переполнял гнев, — но Вася легонько прижал раненого товарища к сену.

— Лежи тихо, успеешь еще повоевать. Вон уже и сигнальные огни опять загорелись... Сядешь в само-

лет — и через какой-то час в Москве. Вернешься, так хоть расскажешь, какая она...

— Все расскажу, Васек. Только ты смотри дождись меня. Не лезь, куда не следует...

— Хорошо, хорошо, — торопливо успокоил его Вася.

Они обнялись напоследок, и вот уже сильные руки санитаров подняли носилки... Коробко еще какую-то минуту видел улыбчивое лицо Сергея, его длинные руки, что взмахивали прощально, но слов уже не было слышно — их поглотил размеренный гул моторов.

Лопасти самолета завертелись быстрее, еще миг — и летчик сомкнет металлические створки двери. Вот он уже посылает партизанам прощальный привет, а потом почему-то вдруг замирает в недоумении...

— Стой! Да задержите же его, кому говорю!.. — Сквозь толпу, отчаянно крича, пробивается невзрачный мужичок.

Никто ничего не понимает, однако те, кого он так немилосердно расталкивает своими проворными локтями, весело кричат:

— Раздайся, море!..

— Дорогу отважным лесовикам! Дорогу!

Мимо Васи стремглав промчался Евсей Григорьевич Баскин, неизменный политинформатор, которого в отряде все хорошо знали. Руки Баскина обхватили огромнейший мешок и держали его, словно спасательный круг среди бушующего моря.

Вырвавшись из плотной людской массы, он направился к кабине самолета, где все еще стоял пилот, высвеченный огнями сигнальных костров. Баскин быстро подал ему мешок, что-то сказал и энергично замахал руками. Пилот поклонился и поцеловал его в щеку, а потом ловким движением захлопнул дверцу.

Во всю мощь взревели моторы, закружились снежные вихри. Поток воздуха вырвался из-под крыльев и

отшвырнул от самолета одинокую человеческую фигуру. Баскин точно вонзился в толпу, оказавшись где-то позади Васи. «Дуглас» плавно взмыл над хутором и растаял в ночном небе.

— Вы что же, Евсей Григорьевич, крыло оторвать на память хотели? — нашелся в толпе какой-то юморист.

Смех окончательно заглушил далекий гул самолета.

— Ну да, если б только крыло, — ответил ему другой. — А то еще и пропеллер...

Баскин степенно повернулся к шутникам и серьезно ответил:

— Глупые вы, хлопцы, поскольку над стариком смеетесь. Да это ж я деньги на танковую колонну «Партизан Черниговщины» отдал. Чуть было не опоздал. А вы... — Он в сердцах плюнул и под дружный хохот направился к саням, путаясь ногами в полах своего великанского кожуха.

На следующее утро в штабной мазанке, что стояла рядом с пожарной каланчой, собралось командование соединения. Попудренко устроился за столом в красном углу, разложив перед собой карту и бумаги. Густо заклубился под потолком дым от цигарок, повеяло домашним уютом.

— Ну, Тимофей Савельевич, рассказывай, что нового в наших краях? Про госпитальные дела мы уже знаем. Расскажи, как здесь ведут себя оккупанты со своим «новым порядком»? Очень терзают народ?

Немченко встал и медленно, будто нехотя, начал:

— Немецкие гарнизоны, как и раньше, расположены в райцентрах. Все подряд гребут, все, что только можно, выкачивают из населения. Дыхнуть не дают. Привыкли к мысли, что соединение Федорова ушло в другие края. Но чтоб они чувствовали себя совсем спокойно, сказать нельзя. Появились новые партизанские

отряды. В Костобобровских лесах действует один. В Елинских тоже отряд объявился, и знаете, кто командир?

— Может, сам скажешь? — в свою очередь спросил Попудренко.

— Так вот, там воюют около трехсот человек. А возглавляет их Лысенко, тот, из нашей роты. Припоминаете?

— Вот тебе и Лысенко! — даже присвистнул Рванов. — А я уже грешным делом думал, что он где-то в теплом местечке отсиживается...

— Выходит, нет, — уже веселее вел дальше Немченко. — Но это не только в наших краях такое. Буквально на днях встречался я со старостой Грищенко, на нас работает. Он рассказал, что за чаркой семеновский бургомистр Орловский плакался: мол, партизаны растут, как грибы после дождя. Говорил, между Десной и Днепром будто бы целый партизанский край существует.

— Это уже совсем интересно! — оживился Попудренко и заерзал на лавке.

— Вряд ли чтоб такое было, — скептически пожал плечами Лошаков. — По крайней мере, моя разведка ничего подобного не слышала. Да и откуда бы партизанам взяться, если тамошние леса просвечиваются насквозь?

— Не знаю, что твоя разведка докладывает, но такое вполне может быть, — ответил командиру разведки Попудренко. — А вдруг они и раньше действовали, только мы не пробовали связаться с ними?..

— Как знаете, Николай Никитович, — обиделся Лошаков. — Только, как мне известно, обком партии никого из руководства не оставил в тех краях. Откуда же партизанам взяться?..

— Извини меня, товарищ Лошаков, но мелешь ты черт знает что, — подхватил Курочка. — Не знаю, ка-

кая там у вас в разведке стратегия и тактика, но в партийной работе, я вижу, ты не кумекаешь. Разве тебе не известно, что бюро — это далеко не весь обком или, скажем, секретарь райкома — это совсем не райком. Коммунисты везде остались и не ждут, пока кто-то придет и прикажет им или в кусты прятаться, или за автоматы браться. А я верю, что там тоже хлопцы неплохие, не сидят сложа руки. Если уж Орловский об этом распространяется, кто-то там наверняка есть.

— Ну, хорошо, хорошо, — успокоил обоих Попудренко. — Что там еще рассказывал тебе Грищенко?

— Я именно о конкретных фактах и хотел говорить, — обиженно продолжал Немченко. — Грищенко передал, что в плавнях Остерского района объявился большой отряд под командованием Юрия Збанацкого, говорил, тот будто бы из черниговской тюрьмы сбежал...

— Подожди, Тимофей Савельевич, — перебил Попудренко. — Это не тот ли, случайно, Збанацкий, что до войны работал в райкоме партии? Что-то фамилия больно знакомая... Да разве всех упомнишь, с кем встречался...

— Чего не знаю, того не знаю, товарищ командир. В общем-то, Орловский это сквозь пьяные слезы выбалтывал, будто там партизан тьма-тьмущая, может тысяч двадцать, и будто бы пошел слух — они собираются нагрянуть в наши края. Вот такие продажные шкуры, как Орловский, и наложили в штаны, боятся, что остерские партизаны с нами объединятся.

— О таком только мечтать можно, — закурил новую цигарку Попудренко. — Но как бы там ни было, а ты, Дмитрий Иванович, подготовь группу хороших ребят, пошлем на связь. Обо всем этом я доложу обкому партии.

Попудренко спиной прислонился к стене и замолчал... Со двора доносились веселые переборы гармош-

ки, мужские голоса старательно выводили песню, им вторили звонкие девичьи контральто, и было так радостно и спокойно, как уже давно не случалось в эту тревожную военную пору. Родная земля встречала защитников искренне, восторженно, как дорогих и долгожданных гостей.

Под вечер в просторном, огороженном плетнем дворе собрались десятки людей. Партизанский киномеханик, повозившись возле аппаратуры, включил движок и припал к проектору. Все притихли, боясь даже пошевельнуться, точно этим можно было испортить ожидаемое чудо. Наконец над зрителями пролег слепящий сноп света, вырисовав на белой стене четкий квадрат. Глаза людей жадно припали к экрану, на котором замигала четкая надпись: «Разгром немцев под Москвой».

Перед взорами ошеломленных селян один за другим проходили документальные кинокадры великой битвы: распотрошенные вражеские части, потоки пленных гитлеровцев, радость освобожденных от оккупации людей... Более близкого сердцу нечего было и желать — ведь столько дней они жили надеждой на такой вот миг, когда снова становишься человеком, радостно улыбаешься всему живому и не гнешь спину ни перед кем.

На протяжении всего фильма никто не сдвинулся с места. Механик запустил сразу же, без перерыва, художественную ленту о славном башкире Салавате Юлаеве.

И когда где-то у горизонта загудели вражеские самолеты, зачарованные зрители не обратили на это никакого внимания. Прервалась пульсирующая полоска волшебного света из проектора, а люди некоторое время стояли все так же неподвижно, надеясь на продолжение...

«Юнкерсы» уже заходили прямо на хутор. Как на-

зло, почти в каждом окне ярко светились веселые огоньки, служа ориентиром вражеским пилотам...

Торопливо они стали гаснуть один за другим, но было уже поздно — бомбы завизжали, засвистели протяжно, неся в себе неотвратимую гибель... Сначала всколыхнулась околица, потом горячо рвануло землю ближе к подворью, оборудованному под кинозал. Вася пластом свалился на снег, прижимаясь к завалинке хаты. Внезапно, как никогда до сих пор, его существо пронизал панический страх: что, если вот сейчас, в это самое мгновение, для него кончится все на свете? Неужели ему не придется увидеть счастья освобождения родной земли? Вспомнилась заплаканная мать. Родная речка заблестела перед глазами, будто звала его к себе...

Вася даже зажмурился, а когда открыл глаза, увидел — неподалеку пылает чья-то хата и языки пламени взвиваются в черное как деготь небо. Самолеты снова пронеслись над самыми крышами, на мгновение широкая тень мелькнула в огне пожарища, еще несколько раз рвануло, и все затихло так же внезапно, как и началось...

Вася вскочил на ноги и побежал к пылающей хате, вокруг которой уже суетились люди. Сгоряча он натыкался на снующие вокруг фигуры, проскальзывал мимо них и что было духу мчался дальше.

— Воду несите, воду! — кричал кто-то.

Вася нагнулся, схватил пригоршню колючего наста и кинул в бушующее пламя. Снег промелькнул тусклым пятном и растворился в багряном сполохе. Раз за разом Вася нагибался, распрямлялся и бросал до тех пор, пока не онемела спина. Люди наступали на огонь, заливали его водой из ведер, растаскивая искрящиеся головни, и пожар постепенно начал стихать.

Тут Васю кто-то дернул за плечо. Он обернулся.

— Слушай, Васек, есть работа, — сквозь окружающий гам, запыхавшись, прокричал ему прямо в ухо Павел Медяный.

— Какая? — спросил Вася, размазывая по лицу копоть.

— Две бомбы попали в пожарную каланчу. Не сработали. Там паника — народ думает, что они с механизмом, вот-вот взорвутся. Приказано разрядить.

— Так чего ж ты сразу не сказал?

— Кому? — рассердился Павел. — Все куда-то разбежались. Тебя вот едва узнал: черный, как негр... Пошли!

Еще не придя в себя после недавней горячки и испуга, Коробко быстро, чуть ли не бегом, двинулся вслед за Павлом Медяным и Панасом Хрыпко, который тоже присоединился к ним.

Пожарная каланча была расколота надвое. Между деревянных опор чернели две здоровенные бомбы... Отблески пожара еще поигрывали на их толстых боках и хвостовом оперении. Подрывники нерешительно остановились... Что делать? Как подойти к коварным болванкам, плотно начиненным взрывчаткой?

Одно неосторожное движение — и думать будет уже поздно... А делать что-то надо немедленно. Вот уже группа партизан отогнала любопытствующих зевак подальше: может, и вправду эти бандуры замедленного действия... У искалеченной башни остались только трое: Вася Коробко, Павел Медяный и Панас Хрыпко. Трое против двух не разорвавшихся по каким-то причинам бомб...

Вася почти физически ощущал в темноте позади себя сотни глаз, которые словно пронизывали его насквозь и ждали решения. А он ничего не мог предпринять: какая-то непонятная вялость вдруг овладела всем его телом. Он понимал, что так или иначе придется браться за дело, но не мог превозмочь оцепене-

ния... Как раз в эту самую минуту послышался голос Медяного:

— Панас, отойди-ка в сторонку и посматривай, чтобы, часом, кто-либо носа своего сюда не сунул. А мы с Васей глянем, что там такое...

Коробко будто встряхнуло — спокойный голос Павла вернул ему равновесие. Припомнились многочисленные операции со взрывчаткой, слова многих учителей о том, что умного подрывника смерть всегда обходит, главное тут — спокойствие и расчет.

Вася с Павлом двинулись к каланче. Сначала они принялись за ту бомбу, которая застряла ниже. Массивная штуковина насквозь пробила дощатый переплет и зарылась носом в снег — к счастью, не настолько, чтоб ее надо было откапывать.

Вася стал разгребать сугроб, всем телом ощущая холодную неприязнь чужого металла... Нутром он старался уловить малейший стук часового механизма, однако ничего не услышал, бомба молчала. Он немного успокоился — не может быть, чтоб механизм оказался таким потаенным. Видимо, напрасно люди шумели, что бомбы «с секретом». Теперь, если не подведет интуиция, все совсем легко и привычно.

Снег был мягкий, податливый... Вскоре пальцы Васи нащупали боеголовку. Он насухо протер ее рукавицей. На него вдруг напала трясучка. Красные от мороза ладони, в которые входил металлический холод бомбы, словно одеревенели...

Вася отсутствующим взглядом смотрел, как Павел Медяный встал на колени рядом с ним, снял шапку и тоже прислонил ухо к выпуклой головке, даже рот открыл от напряжения. Ничего не услышав, он облегченно вздохнул:

— Ну ничего, Васек, теперь мы их распеленаем. Как миленькие сдадутся. Ты как думаешь?

— А никак, — ответил Коробко. — Вывинтим, ес-

ли немцы не подстроили какой-нибудь секрет. Инструмент при тебе?

— А как же, все тут, на месте. На, держи! — Он протянул товарищу большие щипцы.

Однако как ни старался Коробко приладить острые зубчики в пазы на боеголовке, ничего не получалось — бомба была огромной, иметь дело с подобными образцами никому из них еще не приходилось. Вася осторожно положил щипцы рядом с собой и осмотрелся вокруг.

— Надо бы два прута достать, заложим в пазы и потихоньку выкрутим, а то с этим инструментом ничего не сделаешь.

Из-за стены выглянул Хрыпко:

— Ну что там, хлопцы, долго возитесь? Черт бы их взял, эти бомбы, — у меня уже все поджилки трясутся...

— Панас, мотнись к хате, поищи пару хороших железок! — крикнул Павел, наконец разогнув спину и с наслаждением прикуривая цигарку. Было что-то совсем домашнее в его фигуре, в том, как он спокойно потягивал самокрутку. А ведь действительно, то первое волнение, с которым поначалу имеешь дело от незнания, уже позади. Опасность, конечно, велика, но все зависит от них самих, от их привычки обращаться со взрывчаткой, от умения прибирать к рукам страшный механизм убийства.

Панас быстро принес два железных прута, подал их Коробко и остановился рядом. Вася сердито глянул на него:

— Ну чего торчишь? Тебе сказано быть на страже — вот и будь!

— Да я что, я сейчас пойду. Только, может, чем помогу. Ведь всегда же вместе...

— Здесь и двоим нечего делать. Как-нибудь управимся, — недовольно ответил Вася.

Панас послушно поковылял прочь от каланчи. Снова рядом со смертью остались двое. Выбирать им не приходилось — так или иначе надо вступать в опасный поединок, призвав на помощь спокойствие и уверенность. Любое неосторожное движение может разбудить спавшую до сих пор боевую начинку и разнести на куски обоих смельчаков...

Думали ли они сейчас о такой возможности? Вероятно, да. Но тем упрямее взялись ребята за дело, припав к пузатому корпусу, забыв обо всем на свете, кроме этой бомбы, которую надо обезвредить.

Павел осторожно вставил толстые прутья в пазы бомбы и прижал их пальцами. Затем легонько попробовал повернуть боеголовку — вдруг поддастся сразу... Однако с первого раза она не поддалась. Павел крутнул сильнее. Резьба, хоть и была щедро смазана маслом, держала крепко. Видимо, сказывался сильный мороз.

Но вот боеголовка едва заметно сдвинулась с места и пошла, пошла по резьбе. Вася прикипел к ней глазами, будто просил, умолял так же плавно идти и дальше... Стало жарко. Кожушок прилипал к спине. Хотелось передохнуть, разогнуться, но Вася сопротивлялся этому желанию, гнал его от себя.

А Павел ладонями придерживал уже послушную боеголовку, ему так хотелось побыстрее вынуть ее из корпуса, разъединить запал с зарядом... Наконец железное кольцо пошло совсем легко. Медяный вытащил из пазов прутья и тихо крутнул дальше пальцами — раз, еще раз, пока головка совсем не выскочила из гнезда. Тогда Павел распрямился и, не говоря ни слова, что было сил швырнул ее подальше, будто хотел вместе с ней отбросить страшное напряжение последних минут.

Вася смотрел на товарища и молча улыбался, но улыбка была какой-то неестественной, словно прикле-

енной. Павел тоже слегка улыбнулся, будто еще не веря, что так просто покорилось это стальное чудище, которое совсем безопасным лежит у их ног.

— Ну что, за вторую возьмемся? — спросил Медяный, разминая онемевшую от напряжения кисть руки.

— Что ж, давай, — с готовностью согласился Вася и перешел ко второй бомбе.

Снова ужасно долго тянулось время, но теперь уже подрывники чувствовали себя увереннее, и работа спорилась. Лишь когда второй запал полетел вслед за первым, Вася почувствовал, как пот липкими струйками бежит у него по лбу из-под туго надвинутой шапки.

Панас обнимал сразу обоих. Вася смущенно выворачивался и все не мог унять противное дрожапие рук и ног.

Только-только соединение Федорова разместилось в густом «Лесограде», налаживая свое разнообразное хозяйство, как разведка принесла недобрую весть: фашисты решили утром двадцать седьмого февраля уничтожить большую группу советских активистов и просто честных людей, которые пришлись не по вкусу местному начальству в Корюковце.

Народные мстители решили предотвратить расправу. Начальник штаба Рванов получил приказ разработать план операции и самому руководить ею. Вместе с Рвановым за операцию отвечал и Федор Иванович Водопьян.

Дождавшись темноты, около шестисот партизан двинулись в поход. План был простой — окружить райцентр, выбить из него оккупантов и освободить людей, а небольшой группе под командованием Костюкова занять в это время железнодорожную станцию, на которой скопилось несколько вражеских составов.

Позади у партизан осталось уже немало километров. Поскрипывал снежок под санями, колючие звезды мерцали вверху. Вскоре отряд перестроился и стал брать в кольцо сонный, молчаливый городок. Высоко в небе торчала труба местного завода, служа хорошим ориентиром: неподалеку стояла тюрьма, в которой дожидались смерти сотни заключенных.

Костюков, пожав на прощание руку Рванову и другим командирам, отделился со своей небольшой группой. Быстрым маршем подрывники двинулись в сторону станции. Впереди показались вокзальные постройки. Через некоторое время над городком вспыхнули языки пламени, поднялась отчаянная стрельба.

Началось! И тогда Костюков, уже не прячась, встал на санях и что есть силы закричал:

— Вперед!

Зашумел встречный ветер, закипела в сполохах даль, что-то испуганно замигало на станции и тут же погасло; только стайка пуль просвистела высоко над головами партизан, не зацепив никого. Но вот кони резко остановились, и бойцы посыпались из саней на снег, на бегу разворачиваясь в цепь.

Группа имела задание — захватить охрану, перебить ее, а составы, станционные здания, железнодорожные колеи и путепроводы со стрелками уничтожить. Большая часть группы кинулась к четырехосным платформам, которые ясно виднелись рядом, груженные какой-то военной техникой.

Костюков, выставив впереди себя неразлучный «дегтярь», широченными шагами направился к одноэтажному зданию вокзала. За ним помчались двое подрывников — высокий Володя Павлов и совсем низенький рядом с командиром Вася Коробко.

Костюков ударил из пулемета по окнам, по дверям и метнулся вовнутрь. Партизаны, ожидая сопротивления, приготовили оружие, но в большом зале было пу-

сто. Чувствовалось — здесь кто-то был совсем недавно: на столе лежали разбросанные бумаги, чья-то второпях брошенная сумка валялась у стены, но ни одной живой души не нашли они и в остальных комнатах. Костюков в сердцах ударил прикладом об пол:

— Проклятие! Успели удрать!

— Товарищ командир, наверно, они яром ушли,— сказал Вася Коробко. — Гляньте, он прямо за окном. Видно, как услышали наше приближение, сразу драпанули кто куда.

— Нам от этого не легче. В руках держали гадов— и на́ тебе! Попался мне хотя бы один!

Костюков подошел к окну и выглянул наружу. Рядом покачивались высокие сосны, а внизу темнел глубокий яр, и на дне его, на нетронутом снегу, видны были многочисленные следы. Он махнул рукой:

— Ну, далеко не убегут. Пусть поищут пристанища в Корюковце, их там как раз и ждут. Что на путях?— спросил Костюков партизана, вбежавшего в зал.

— Хлопцы взялись за дело, — ответил тот. — На платформах машины, совсем новенькие. Сейчас в небо полетят.

— Ну давайте, орудуйте там. Беги и ты, Володя! А мы с Васей здесь еще пошарим...

Хлопцы выскочили в распахнутые двери. Вася еще раз заглянул в соседнюю комнату и неожиданно наткнулся на большой зеленый сейф. Как они его сразу не заметили — просто удивительно!

— Товарищ командир, сейф! — кинулся через весь зал Вася. Костюков тоже впился взглядом в квадратный железный ящик. Подошел ближе. Не иначе как в нем сберегаются станционные документы. Как только к ним добраться? Пальцем ведь не отомкнешь...

Костюков вспомнил про толовые шашки. Он склонился над сумкой, достал две четырехсотграммовки,

приладил у замка, вставил запал, бикфордов шнур протянул по полу и чиркнул спичкой...

Огонек пополз к взрывчатке, но Костюков с Васей уже не видели, что там творится, своевременно выскочив во двор. Внутри здания громко рвануло, со свистом полетели обломки окон, теплый воздух вырвался из пролома в стене.

Еще не успела развеяться густая туча пыли, как Вася вскочил на ноги и кинулся вперед. Костюков, отплевываясь и отряхиваясь, двинулся за ним, и тут услышал впереди почти отчаянное:

— Руки вверх!

Костюков стремительно влетел в разгромленное помещение и остолбенел... Посреди зала стоял взъерошенный Вася, а напротив него тянул вверх растопыренные пальцы высокий немец — офицер. На него жалко было смотреть: перекосившиеся плечи, френч разорван, один погон висит на ниточке, а остатки очков болтаются на шнурке. Сверху сыпалась известковая пыль, в воздухе витали клочья сажи.

Костюков даже присвистнул от удивления:

— Ты смотри, манна небесная! Где же это он мог спрятаться?

— На чердаке, товарищ командир, — весело ответил Коробко. — Шашки сделали свое — стряхнули, как грушу.

Офицер-железнодорожник отмалчивался недолго. Пока Вася, опустив автомат, рылся в бумагах, Костюков тут же все выведал. Подполковник Герберт Диккопф, родом из Дрездена, довольно хорошо говорил по-русски и охотно рассказывал о себе. Поскольку он был в годах, то на фронт не попал, а, переезжая с места на место, инспектировал железнодорожную службу. Немногочисленная станционная охрана действительно удрала, учуяв партизан, а он решил отсидеться

на чердаке. И отсиделся бы, если б что-то страшное не рвануло внизу и не выбросило его из укрытия.

Закончив короткий допрос, Костюков повернулся к Коробко:

— Ты вот что, Васек, собирай все бумаги и веди к саням этого вояку, разберемся дома. А я посмотрю, что там на путях делается.

— Есть, товарищ командир! — козырнул Коробко, сложил разбросанные бумаги, туго перевязал их шпагатом, валявшимся неподалеку, и подхватил сверток под мышку. Потом он поднял автомат и навел его на офицера: — Ну, давай, дядя, топай на мороз. Не только ж нам мерзнуть в лесах. Так, что ли?

— Я, я! — согласно закивал немец.

На станции был полный порядок: все, что можно было взорвать, сжечь, разрушить, летело на воздух, пылало, трещало. От станции остались руины. Над недалеким городком тоже огнем занималось небо: там кипел, не утихая, горячий бой. А зимняя ночь поблескивала холодными, равнодушными звездами...

Вася подвел своего пленного к саням и приказал садиться. Тот послушно взобрался на сено и оторопело водил глазами, ошеломленный молниеносностью партизанского нападения. Коробко солидно похаживал рядом, то и дело посматривал в сторону станции, сожалея, что не может оставить долговязого офицера и броситься в водоворот событий. Снег весело поскрипывал под сапогами, словно радуясь тем необычным событиям, которые происходили этой ночью, изорванной в клочья взрывами мин и частой стрельбой.

ГЛАВА X

В начале марта в Елинский лес вернулись из Москвы Федоров, Дружинин и Балицкий. С их приездом началось большое перераспределение сил: по приказу

Украинского штаба партизанского движения Федоров должен был с частью черниговского соединения идти на Волынь, остальные оставались на месте под командованием Попудренко.

Несколько дней лагерь бурлил—бойцы снаряжались в далекий рейд, все были озабочены, взволнованы.

Как ни рвался Коробко вслед за друзьями — Медяным, Павловым, Клоковым, — ничего не вышло. Его не брали. Мария Скрипка так и сказала ему: сиди и не рыпайся, все равно ничего не получится, тебя оставляют здесь, потому что скоро Черниговщина будет полностью освобождена, дел много появится, и комсомолу ты здесь нужен.

— Ну ничего, Вася, не горюй, — обнял его на прощание Павлов. — Главное, дождись того дня, когда снова вместе сойдемся. Лично я не собираюсь умирать, обещал ведь тебе после войны Москву показать, значит, покажу. Как ты, а?

— Еще спрашиваешь! Только горько расставаться — столько прошли вместе...

— Да кому же сладко? Война...

В тот мартовский день основные силы соединения двинулись в новый поход. Вася, провожая группу минеров, едва на людях не заплакал, но через силу сдержался и только вяло улыбнулся вслед друзьям да прижал к груди пистолет Медяного, полученный в обмен на свой.

Немного погодя соединение Попудренко снова разделилось. Для диверсий на железных дорогах, которые сейчас прямо-таки гудели от эшелонов, решено было создать специальный отряд. Командовать им было поручено Костюкову, и он сгруппировал вокруг себя лучших подрывников. Среди них оказался и Вася Короб-

ко. Напрасно он еще недавно горевал, что его рукам не найдется работа: по магистрали Новозыбков — Новгород-Северский проходило ежесуточно не менее десяти воинских составов.

Недавно созданный молодежный отряд имени Чапаева перешел речку Ревну, уже начинавшую разбухать от первых паводков, и двинулся к железной дороге, которая узкой лентой вилась через поля и перелески. Подойти к полотну вплотную было не так-то просто — немцы вырубили густые леса вдоль всей колеи.

Первые же пущенные под откос эшелоны наделали много шума. Немцы переполошились. Срочные телефонограммы полетели во все концы оккупированного края: вызывалась дополнительная охрана и карательные части. Чаще стали курсировать по рельсам вездесущие дрезины, ежедневно в небе появлялись патрульные самолеты. Невозможно было высунуться из спасительной пущи средь бела дня, а ночью поезда перестали ходить... Тогда партизанам пришлось изменить тактику. С наступлением темноты из лагеря отправлялись пешие или конные группы и взрывали сотни метров железнодорожного полотна. Немцы со всех концов сгоняли рабочих, лихорадочно латали полотно, так как по обе стороны от места диверсии собирались тяжелые эшелоны. Но попробуй-ка так быстро отремонтировать пути!..

И тогда фашистское командование решило переправлять войска к фронту по грунтовым дорогам. Загудели танки, бронетранспортеры, грузовики, самоходные орудия. Однако недолго врагу удавалось беспрепятственно преодолевать зону, которая находилась под контролем чапаевцев: полетели в воздух мосты, ровные, накатанные тракты превратились в сплошные ухабы. Партизаны не давали оккупантам передышки.

* * *

Утро наливалось светом, сначала молочным, с легкой дымкой тумана по горизонту, потом все выше и выше поднимался золотой диск, все светлее становилось в лесу. Подрывники, уставшие за ночь, отдыхали в землянке, и только Васе не спалось.

Он вышел и зажмурился от слепящего сияния снега на поляне. Звенели весенние капли, насквозь прошивая серые сугробы, то тут, то там слышалось таинственное шуршание. Звонко чирикали проворные воробьи, перелетая с ветки на ветку. Им было радостно, как и людям, — пережили еще одну тяжелую зиму, скоро все оживет, зазеленеет, от земли повеет теплом и лаской.

Вася остановился у порога землянки. Лагерь почти пуст — его обитатели трудятся все больше ночами. Лишь возле кухни виднелись несколько человек, слегка прикрытые серебристым прозрачным маревом.

Вася, ладонью прикрыв от солнца глаза, узнал среди них Лиду и весь залился румянцем...

Вот уже несколько месяцев в соединении находилась семья Сахариенко. Отец стал партизанским ездовым. Вместе с ним ушли в лес сын Виктор, который был чуть старше Васи, и стеснительная, тихая дочь Лида...

Вася не пропускал ни одного случая оказаться где-нибудь поблизости от их семьи, перемолвиться словом с отцом или чаще — с Виктором, при этом украдкой поглядывая на девушку.

И Лида тоже с интересом смотрела на Коробко, о котором среди партизан ходило столько легенд. Ей явно нравилось, что прославленный подрывник, державшийся независимо и гордо со всеми, скисал, превращался в стыдливого мальчугана в ее присутствии. Вот если бы он заговорил с ней... Все с Виктором да с Вик-

тором — то о пущенных под откос поездах, то о новых минах или комсомольских делах ведут они свои речи.

А ей хотелось, чтоб он спросил у нее что-нибудь, или предложил погулять с ним по лесу, или рассказал о чем-либо, но только ей одной, и никому больше. Однако Вася, едва выдавив из себя слово, густо краснел и внезапно исчезал, объявив, что куда-то торопится.

Лида, вся освещенная солнцем, подняла вдруг голову и бросила взгляд в его сторону. Большие глаза ее блеснули радостно и сразу же погасли. Девушка с еще большим усердием принялась чистить картошку. Вася издалека заметил, как стыдливо вспыхнули ее щеки.

Он сначала было двинулся к Лиде, но какая-то сила остановила его через несколько шагов. О чем он будет говорить с ней? О сегодняшней ночной вылазке? Да интересно ли ей, если об этом каждый день вокруг талдычат? Может, подарить что-нибудь? Полез в карман и нащупал туго свернутый платок. У фрица убитого нашел в портфеле — думал, документы какие, а там — барахло.

Только как же подаришь, если там и баба Дарина, и еще несколько женщин? А если Лида откажется от платка да еще высмеет при всех? Вот если бы сама подошла... А может, Виктору отдать? Пускай ей передаст. Да нет, не стоит этого делать, он еще подтрунивать станет...

Взгляд его задержался на радиоантенне перед землянкой. Тонкий провод с белыми кремешками изоляторов выползал из-под низкого замаскированного чердака и, цепляясь за ветки сосен, терялся в вышине. В двери стояла радистка Валя Щербакова и озабоченно осматривала свое хозяйство.

Она увидела Васю, улыбнулась:

— Что, не спится?

Вася, немного помолчав, ответил:

— Уже выспался. Работа была не тяжелая, вернулись ночью. И солнце, видишь, какое...

— Да, солнце... — повторила радистка. — Похоже, весна очень ранняя. Если так и дальше припекать будет, то от снега скоро только дымок останется...

Она дернула за антенну, распрямила ее и скрылась в землянке. Вася еще разок искоса посмотрел на Лиду и двинулся следом за радисткой. В землянке тепло и чисто, но как-то необжито. Сюда не каждому разрешалось входить — радисты были на особом положении, их оберегали везде: и в походах, и на стоянках.

Коробко сел на табуретку и стал молча наблюдать за хозяйкой. А она присела возле рации, щелкнула тумблером. Что-то запищало внутри черного ящика, отозвалось на ее пальцы и снова потонуло в шуме эфира.

— Время передачи? — спросил Вася, лишь бы что-то сказать, напомнить о своем присутствии.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответила Щербакова.

— Не хочешь — не говори, — обиделся Вася и отвернулся к оконцу.

— Ну вот уже и, губы надул, — улыбнулась радистка. — Разве тебе не все равно, когда мне работать? А может, ты пришел позвать меня прогуляться? А?

— Да нет, — смутился Вася. — А если так, то что?

И зачем она так разговаривает с ним? Думает, если немного старше его, так уж можно и насмехаться.

— А ничего, — повернулась к нему Щербакова. — Кому не хочется пройтись с таким героем, как ты! Да еще чтобы все видели. У меня только и работы, что докладывать в центр: Коробко взорвал эшелон,

мост, а самого его днем с огнем не сыщешь — спит или мины готовит, а по ночам где-то бродит, секреты свои расставляет. Правда ведь?

— Разве я виноват?

Красивый цветастый платок в кармане не давал Васе покоя. Когда он коснулся материи кончиками пальцев, то вынужден был даже выдернуть руку — так горячо ему стало.

А что, если у радистки спросить, может, посоветует, как лучше сделать? Ей, наверно, не один трофей принес Гришка Чубатый, они уже давно любят друг друга, говорят, что поженятся скоро. Ей-право, спросить бы...

— Валя, слышишь?

— Чего тебе? — повернулась на миг радистка и снова захлопотала у передатчика.

— Я вот этой ночью автобус подорвал. Ну и нашел кое-что...

Вася бережно достал платок и разгладил его на ладони. Щербакова, продолжая крутить какие-то ручки, насмешливо спросила:

— Ну и что, мне хочешь подарить?

— Не зарься. Тебе есть кому дарить, — ответил парнишка и быстро спрятал платок обратно в карман. — Тут, понимаешь, какое дело... Есть одна дивчина тихая... на кухне все... А ее Витька такой, что никогда о сестре не подумает... Так это я ей...

— Лида, что ли? Сахариенко? Правильно, а чего! — только теперь поняла радистка волнение Васи. — Возьми да и отдай, видел же, картошку чистит она. Поддобрись — лучше кормить будет.

— Все бы тебе шутки! — вспыхнул Коробко. — Попробовала бы сама каждый день с казанками морочиться. Это тебе не колесико крутить или ключом постукивать. Я тебя спрашиваю по-человечески: как отдать этот платок?

— Чудной ты! — Валя повернулась к нему и окинула озорным взглядом всю его нахохлившуюся фигуру. — Выйдешь от меня, станешь перед Лидой, достанешь платок и отдашь ей. Только не забудь сказать: носи на здоровье. Не бойся, земля не провалится под тобой. Ты что, в жизни никому ничего не дарил?

— Нет, — признался парнишка.

— Даже матери?

— Так то матери, а это... — запнулся он на полуслове и, не говоря больше ничего, вышел из землянки. И замер. Подперев плечом сосну, Лида сидела на том же самом месте, шустро двигала руками, и широкое лезвие ножа, поблескивая на солнце, пускало зайчики.

Казалось бы, ну что тут такого — сделать десяток шагов и положить платок девушке на руку, а самому пойти прочь? Но Вася никак не мог решиться на это. Двинувшись было к Лиде, он наткнулся на ее быстрый взгляд из-под бровей и в последний момент свернул в сторону. Он слышал только плеск падающих в казан очищенных картофелин да тихий гомон женских голосов. Нет, так нельзя, она еще не возьмет платок, наговорит всякого при людях, потом стыда не оберешься, скажет, что он женихается...

Вася прошел чуть ли не в конец просеки и повернул назад. Какая-то невидимая сила тащила его к кухонным землянкам, и бороться с нею не было никакой возможности. Он решил пойти на хитрость — нащупал платок и вытащил кончик его так, чтоб он был заметен постороннему глазу. Снова прошел мимо Лиды, насвистывая что-то веселенькое, все ждал, что она окликнет его или хотя бы глаза поднимет...

Булькнула в воду очередная картофелина, а девушка как молчала потупленно, так и молчит. Вася даже рассердился, крутнулся на носках, выдернул платок почти наполовину и подошел еще ближе.

Баба Дарина с помощниками хлопотала у огня, а девушка одна склонилась над казаном, прислушиваясь не то к плеску воды в пузатых чугунках, не то к легким шагам, которые нерешительно приближались... Отложив нож, Лида разогнулась и потерла рукой занемевшую поясницу. Тут-то и был замечен ею свисавший из кармана подрывника длинный конец платка, а на нем яркие красные маки, что будто плавились на солнце...

— Вася, потеряешь, — улыбнувшись, сказала она.

Коробко, будто споткнулся обо что-то, остановился, окинул себя взглядом, делая вид, что предупреждение и впрямь для него неожиданно. Порывисто нащупав платок, он попробовал было засунуть его обратно в карман.

— Ты смотри, — произнес он, краснея. — Хорошо, что сказала. Где-нибудь зацепился бы за сучок...

— А что это у тебя? — поинтересовалась Лида. Она уже не могла оторвать взгляд от платка с красными маками.

— Платок. — Вася полностью вынул из кармана шелковый лоскут и расправил его в руках.

— Ой, какой красивый! — вскрикнула радостно Лида и подбежала к смутившемуся Васе. — Где ты такой взял?

— Сегодня ночью автобус свалили, ну я и нашел в портфеле убитого фрица.

— Ой! — Девушка испуганно отшатнулась. — Разве так можно?

У Васи от этих слов враз исчезло все его смущение. Он выпрямился и закричал сердито:

— Что ты руки прячешь, чего испугалась? Или думаешь, я его украл и тебе принес? Это же фашист у нашей дивчины забрал! Так я что, не могу отобрать у него обратно?

— Хорошо, успокойся, слышишь! — испугалась

Лида. — Я не об этом... Мне просто страшно... А ты и правда его мне принес, скажи, правда?

— А кому же еще, не видишь? — как можно суровее старался заверить ее Коробко. Он молча протянул ей платок, и маки загорелись меж двумя парами рук, словно это живые цветы распустились по волшебной воле весны так буйно и радостно.

— Спасибо тебе, Василек, — прошептала Лида. — Я тебе за это кисет шелком вышью!

— Так я ж не курю, — растерялся Вася.

— А я все равно вышью. Будешь просто так носить. Или, может, что-нибудь другое... Что хочешь вышью за такой подарок, за эти цветы! Только ты не сердись на меня, ладно?

— Да я... — начал было Вася, но в этот самый миг Лида вся подалась вперед, и он почувствовал вдруг, как его щеки что-то легкое коснулось, словно золотая пчелка махнула крылом. Не успел он опомниться, как Лида, прижав платок к груди, стремглав бросилась к женщинам, которые хлопотали возле печки.

Вася медленно шел по лесной тропинке. Куда он направился? А куда глаза глядят! Весь огромный мир наполнился вдруг для него музыкой, это звучали струны — оранжевые лучи, по-соловьиному чирикали воробьи, вокруг все было светлым и радостным. Где-то звонко стучали топоры. Им вторили короткие очереди дятлов и трели скворцов. Вверху плыли тонкие седые облака, по спирали закручиваясь над лесом, не застя, однако, веселого диска солнца.

И только одно, одно было реальным на этой чудесной земле — то самое легкое касание девичьих губ — словно золотая пчелка махнула по щеке крылом да и нарушила недавний покой души.

Наступала весна...

ГЛАВА XI

Группа подрывников во главе с командиром Алексеем Шаховым возвращалась домой. В ту ночь они разрушили больше двадцати километров железнодорожного полотна. Взмыленные кони едва несли смертельно усталых всадников. Уже высоко поднялось солнце, его тепло еще сильнее разморило людей, всех стало клонить ко сну.

Мокрая земля чавкала под копытами коней, и казалось, этому изматывающему маршу не будет конца. Кони уже не огибали чагарники — дикие, почти непроходимые заросли мелколесья, — ломясь прямо, они прорывались широкой грудью сквозь густые переплетения ветвей, торопясь к лагерю, где их ждал корм и отдых.

Вася сидел на своей приземистой мадьярской лошадке и покачивал головой в такт ее тяжелым шагам. Прошедшая бессонная ночь и для него обернулась страшной усталостью — голова едва не касалась конской гривы.

Никто уже ничего не говорил. Да и что нового скажешь? О ночных событиях уже все переговорено еще в самом начале обратного пути. Каждому хотелось побыстрее оказаться в теплой, уютной землянке, упасть на топчан и забыться.

Вдруг Вася услышал призывное конское ржание. Его гнедая тут же вскинула голову, повела ушами.

— Слышали? — повернулся Вася к командиру группы Шахову.

Тот согнал дремоту и лениво спросил:

— Что?

— Чей-то конь подает голос...

Партизаны остановились, прислушались. Сквозь лесные шорохи отчетливо доносилось лошадиное фырканье. Шахов соскочил с седла, за ним остальные. Ко-

мандир взмахом руки приказал ждать, а сам шепотом подозвал Васю, и они осторожно двинулись вперед.

Через сотню метров партизаны увидели любопытную картину. На полянке стояла подвода. Привязанная к ней корова спокойно подергивала солому из-под жерди и деловито жевала. На самом верху сидели двое ребят. Женщина у оглобли что-то поправляла в конской упряжи.

Шахов подождал, пока она повернется к ним лицом, пригляделся и вдруг даже свистнул от удивления:

— Да это же Скляриха!

— Какая? — не понял Вася.

— Нашего связного жена. И дети не ее ли?..

Женщина, увидев незнакомца, испуганно прижалась к лошади, не в силах что-либо произнести. Ребята мигом попрятались, только их костлявые зады торчали из соломы...

— Не бойтесь, свои! — крикнул Шахов и приветливо помахал рукой.

Женщина еще мгновение оторопело смотрела на них, а потом, узнав, как-то вдруг обмякла и опустилась прямо на землю. Глаза ее наполнились слезами.

— Горе нам, горе, Алексей Евдокимович! — через силу выдавила она и не смогла больше произнести ни слова.

Над подводой приподнялись две головы — мальцы испуганно всматривались в партизан, которые появились так внезапно.

— Ну, хватит, хватит!.. — старался успокоить женщину Шахов. — Перестаньте плакать и расскажите, что вас аж сюда занесло.

— Смерть, смерть нас погнала из дому! — зарыдала женщина. Потом, немного придя в себя, едва слышно прошептала: — Повесили моего Миколу...

Шахов замер. Так вот почему Скляриха блуждает по лесу с детьми! Кто-то донес на их верного помощника, который столько сделал для разведчиков...

— Приехали на машине, — слышалось сквозь всхлипывания, — думала, как всегда, охрана какая-нибудь или еще кто. Думала, вызовут его на станцию, как и раньше было. А они посспрыгивали на землю, хату окружили, его схватили и к машине поволокли. И кричат: «Партизанен, партизанен!» Ну, я и поняла все. Еще двоих схватили, к сельсовету повезли, а там и повесили. Ой, несчастная моя доля! — снова зарыдала женщина и закачалась из стороны в сторону от отчаяния.

Подошли остальные партизаны, растерянно встали рядом. Но вот Скляриха вытерла слезы и посмотрела на них уже сухими глазами.

— И похоронить не дали. Говорят, пускай висят на страх другим.

— Ничего, мама, мы теперь им дадим! — подал голос светловолосый мальчик. — Мне бы только автомат, я им покажу!..

— Сиди уж, горе ты мое, — вздохнула мать. — Хорошо, хоть вас не забрали.

Шахов стянул с головы шапку, посуровел и произнес тихо:

— Вечная память герою, нашему незабвенному Миколе Скляру. А мы отомстим за него, еще как отомстим!

Вместе с партизанской семьей подрывники направились к лагерю.

Весть о гибели Скляра взволновала всех, и не было таких, кто бы не посочувствовал женщине и детям, не попробовал помочь чем-нибудь или хотя бы не сказал слово утешения. Вася тоже частенько заглядывал в ту землянку, в которую Костюков поселил мать с ребятами, и каждый раз натыкался на пыт-

ливые глаза Саши, почти своего ровесника. С него постепенно сходил недавний испуг, сменяясь заинтересованностью новой жизнью, которая была так непохожа на их недавнее существование в оккупированном селе. Но держался мальчишка молчаливо и как-то отчужденно. Младший, Ваня, освоился быстрее, сразу со всеми перезнакомился.

Однажды Коробко решил поговорить с Сашей. Ему хотелось как-то повлиять на него, ведь сколько же можно было печалиться и при встрече с людьми опускать глаза?..

— Долго ты будешь таким бирюком?

— А что? — спросил тот.

— Да ничего. Только тебе, Саша, пора уже вливаться в коллектив. Комсомолец?

— Не успел. До войны мал был, а теперь...

— Что — теперь? У нас есть комсомольская организация. Так что, если надумаешь, сразу же и рассмотрим твое заявление. Но я о другом хочу спросить. Долго ты собираешься сидеть сложа руки?

— Не знаю, — смутился Саша. От природы смирный, он действительно не знал, за что взяться в отряде, где каждый что-то делал, за что-то отвечал.

— Стрелять умеешь?

— Нет.

— Ничего, научим, — заверил Коробко. — Каждый партизан должен уметь стрелять. У нас, знаешь, этому делу даже малышня научилась. Так что, пойдем постреляем? Пистолет у меня есть, — показал он на кобуру.

— Не знаю, — растерялся Саша. — Что-то не хочется...

— Ну мало ли чего нам не хочется! На войне надо уметь защищаться. Пошли! — приказал ему Вася и первым двинулся с места.

— Дядя, слышите? — вдруг раздался позади него тоненький голосок.

Вася обернулся — меньшой Скляр стоит, прищуренными глазами на него смотрит. Одно ухо шапки вверх задралось, другое вниз висит, завязкой покачивает. Фуфаечка распахнута: жарковато стало. Васе смешно, что так его называют: дядя, — но в то же время и приятно. Значит, похож на взрослого.

— Какой же я тебе дядя? — весело спросил он мальчика.

— Ну все равно. Вы же при оружии, значит, дядя, — ответил Ваня и шагнул к нему. — А мне можно с вами? Я все слышал... Вы не слушайте Сашку, он у нас всегда такой: ни рыба ни мясо, — еще отец говорил...

— Тебя не спрашивают! — замахнулся на него старший. — Заткни рот, а то как дам!

— Попробуй! — напыжился Ваня и прижал кулачки к груди.

— Хватит, хлопцы, завелись, — разнял их Коробко. — Пойдемте оба.

Младший брат посеменил впереди, то и дело выкидывая на ходу какие-нибудь коленца. Почему-то его особенно тянуло в лужи, и тогда из-под кирзовых сапожек на старших летели густые грязные брызги. Парни уклонялись от них. Саша покрикивал на брата, но тот, видать, не привык слушаться старшего. Вася же не имел намерения прекращать это гарцевание по лужам.

На широкой поляне ребята остановились. Вася достал бумагу, разгладил ее на свежем пне, из которого уже начал струиться желтоватый сок. Быстрым взмахом карандаша он начертил контуры головы и плеч, а когда под носом нарисовал топорщащиеся колючие усики, Ваня крикнул:

— Гитлер! Сашка, посмотри, он Гитлера нарисовал!

Коробко степенно перешел поляну и приишпилил свой рисунок к стволу сосны. Потом размашисто отмерил двадцать пять шагов, подумал, прибавил еще десять и лег на землю.

— Идите сюда! — призывно махнул он рукой Склярам.

Оба брата пристроились рядом. Ваня просто в глаза лез, так хотелось ему самому поскорее взять в руки пистолет. Зато Саша лежал молча и не проявлял особенного интереса к оружию. Коробко зарядил пистолет, поставил на боевой взвод и прилег поудобней.

— Показываю. Вот этот спусковой. Нажимать надо на него... Вот мушка, а это прорезь. Если хочешь попасть, надо мушку держать прямо посередине прорези. И не дергать крючок в момент выстрела, потому что рука дрогнет и собьет прицел. Понятно? Показываю...

Вася выставил руку вперед, уперся локтем в землю и спокойно повел дулом. Саша закрыл глаза и замер. Звонко прозвучал выстрел, мальчик всем телом вздрогнул...

— Есть, попал! — закричал Ваня и вскочил на ноги.

— Лежи, и так видно, — довольный успехом, сказал Коробко. — Все ясно? — спросил он Сашу.

— Ясно.

— Теперь давай ты! — протянул Вася ему пистолет.

— Я? — растерялся тот. — Я же не умею. И... не хочу стрелять.

— Почему? — удивился Вася. Впервые в жизни ему пришлось встретить мальчишку, который не хотел выстрелить из настоящего оружия.

— Так. Не хочу, и все. Не хочу никого убивать... — прошептал Саша подавленно.

Теперь уже растерялся Коробко. Действительно, странный этот Саша, не такой, как все.

— А если бы живой враг стоял там? — кивнул он на мишень.

— И тогда бы не стрелял. Не могу я в живое...

Вот оно что! Оказывается, не обычный страх был здесь причиной — что-то более глубокое удерживало мальчишку, порождало в нем отвращение ко всему, что создано для убийства.

— Твое смирение сейчас ни к чему! — рассердился Вася не то на сникшего мальчишку, не то на самого себя, поскольку сразу не понял его поведения. — А если бы там стоял тот, который отца твоего повесил, ты бы что делал?

Саша окаменел. В глазах его закипали и никак не могли прорваться сквозь густые ресницы горячие слезы. Лицо менялось, по нему волнами пробегали судороги. Дрожа, он внезапно схватил руку Васи с пистолетом и закричал:

— Дай сюда, дай!..

Коробко разомкнул пальцы, ткнул оружие в растопыренную пятерню Саши и во все глаза стал смотреть на дрожащего парнишку. А тот распластался на земле, выбросил правую руку далеко вперед и, не целясь, нажал на спусковой крючок.

Однако выстрел не прозвучал. Коробко забыл сказать Саше, что курок надо поставить на боевой взвод, дослать патрон в патронник. Теперь он пытался отобрать оружие, чтобы исправить свою ошибку. Но Саша Скляр, всхлипывая, исступленно нажимал и нажимал на крючок, видимо совсем не слыша, звучат выстрелы или нет.

Наконец он бессильно опустил голову рядом с протянутой рукой и затих. Дрожь унялась, а немно-

го погодя на Васю глянули глубокие, полные слез глаза.

Коробко молча взял у Саши пистолет, поставил на боевой взвод и вернул ему.

— Ну вот, теперь попадешь. Только смотри не рви руку. Плавно спускай!

Саша успокоился и уже увереннее посмотрел вперед, на белую мишень с овалом посередине. Сквозь легкий туманец, который невесть откуда взялся, он различал даже черные щеточки усов и именно в них старался целить. Задержал дыхание, поставил мушку на нужный уровень и с силой нажал пальцем крючок. От выстрела дернуло руку, даже заболел локоть. Потянуло сладковатым чадом... И в это мгновение над ним прозвенело:

— Не попал, не попал! Ни одна щепочка не отлетела от сосны! Вот уж косоглазый трус! — с досадой завопил Ваня, не сводя широко раскрытых глаз с мишени. Сам-то он уж наверняка бы не промахнулся.

Однако Саше было абсолютно безразлично, попал он или нет. Только теперь до него медленно доходило то, что он превозмог себя, пересилил. Он больше не боится того наваждения, которое наваливалось на него, как только он видел оружие в чьих-либо руках.

— Может, еще попробуешь? — спросил Вася.

Мальчик согласно кивнул. Коробко снова помог ему перезарядить пистолет и, уже сидя, наблюдал за результатами.

Пуля снова не попала в ствол дерева, но стрелок уже не водил так беспомощно рукой, как вначале. Третий выстрел был еще увереннее.

— Дайте мне, а? — дернул за рукав Васю младший Скляр, который никак не мог усидеть на месте. — Я попаду. Вот дайте...

— Нет, Ванюша, сегодня тебе не дам.

— Почему? — сразу же насупился мальчишка. — Я что, хуже него?

— Нет, не хуже, но ведь патроны надо беречь, — решил схитрить Коробко. — Сейчас все расстреляем, а мне ведь ночью на задание идти. А если фашисты прорвутся сквозь группу прикрытия, чем отбиваться будем?..

Ваня задумался на миг, даже голову склонил набок от напряжения: обманывает его минер или нет? Потом все-таки решил, что тот говорит правду, и печально кивнул:

— Ну, если вам сегодня на задание, я могу, конечно, и потерпеть. Только смотрите, чтобы в следующий раз и мне дали пострелять. Хорошо?

— Честное комсомольское! — весело произнес Коробко, и Ване это так понравилось, что он тут же успокоился и побежал вприпрыжку к мишени...

Только пуля Васи продырявила бумагу.

ГЛАВА XII

Уже в начале мая движение по всем дорогам настолько усилилось, что минерам не было покоя ни днем ни ночью. Немецкий вермахт готовил операцию «Цитадель» под Орлом и Курском, рассчитывая изменить ход войны в свою пользу. Кому-кому, а подрывникам работы было по горло. И поскольку почти ни одна сложная диверсия не обходилась без участия в ней Коробко — парня или брали на задание, потому что требовалось именно его умение, или он сам напрашивался, — ему не удавалось поспать по-человечески, не удавалось вовремя поесть в лагере.

В ответ на концентрацию вражеских сил партизаны еще больше участили диверсионные выходы. Параллельно с этим начала активнее и глубже работать разведка — надо было внимательно следить за

всеми передвижениями карателей. Разведывательные группы иногда на десятки километров удалялись от лагеря чапаевцев. По пути, где только удавалось, они поднимали переполох в маленьких гарнизонах или местах сосредоточения вражеских сил.

С одной из таких групп, в составе семи человек, под командованием Николая Жадовца, направились в разведку Вася Коробко, Виктор Сахариенко и Саша Денисов.

К селу Жадово подошли поздно ночью. В окнах хат темно и тихо, а на краю села, неподалеку от редкого перелеска, огни мигали так самоуверенно, так нагло, что сомнений быть не могло — немцы. Разведчики подползли к ним совсем близко.

— Танки! — прошептал Вася на ухо Николаю.

Танков насчитали шесть. Они выделялись среди другого снаряжения своей массивностью, контурами, длинными стволами пушек. Дальше угадывалась целая колонна автомашин — видимо, спецобслуживание. Совсем рядом, в кустах, виднелся округлый приземистый бензовоз.

Жадовец взмахом руки подозвал Коробко и Денисова:

— Проберитесь вперед, подсчитайте, сколько там машин. Мы вас подождем в посадке. Только не вздумайте трогать их, слышите?

— Слышим, — ответил Денисов.

Возле танков медленно похаживал часовой. Неподалеку что-то тускло светилось, и когда немец загораживал собой мерцающие огоньки, четко был виден автомат у него через плечо и что-то длинное, увесистое в руках. Этим предметом немец постукивал по бортам танков, будто сигнализировал своим, что у него все в порядке.

Разведчики так близко подползли к танковой колонне, что немец чуть было не наступил на Васю,

когда проходил мимо них со стороны прерывистого свечения. Коробко инстинктивно припал к холодной броне.

Выждав, пока часовой, позвякивая железкой, проковыляет дальше, Коробко и Денисов направились к машинам, стараясь запомнить все до мелочей. Ребята сознавали, что, чем ближе они к неизвестным огонькам, тем больше становилась опасность, и все-таки двигались вдоль танков все дальше и дальше. Свечение исходило от авторадиостанции.

Вася сразу понял это, заметив пучки антенн, выдвинутых из распахнутой дверцы кузова и направленных вверх, в небо. В какой-то миг сквозь неразборчивый гомон обслуги послышался тонкий писк морзянки, спутать который с чем-либо другим было невозможно.

«Шесть танков и тринадцать автомашин — неплохо было бы их пустить куда следует...» Вася, подумав об этом, взглянул на Денисова, словно проверяя: не догадался ли он о том, что ему захотелось нарушить приказ командира группы. Но тот сам прошептал:

— Может, фейерверк засветим, а?

Вася с сожалением ответил:

— Взрывать нельзя. Нас сразу же схватят...

— Надо что-нибудь придумать, — подмигнул Денисов Васе и прижался к земле, осторожно поводя вокруг глазами.

Взгляд Васи остановился на бензовозе: «А что, если?..»

— Слушай, Денисов, — порывисто толкнул он локтем товарища. — Сейчас устроим так, что немцы ничего не раскумекают...

Напарник с интересом посмотрел на Васю, еще не понимая его до конца, потом вдруг догадался, заметив, что Вася не отрывает глаз от бензовоза.

— Ты гений! Одна искра, и все готово!

Разведчики подождали, пока часовой отошел подальше от них, в самый конец колонны, и принялись за дело. В четыре руки крутнули вентиль крана под днищем — он оказался хорошо завинченным. И все же после нескольких сильных рывков поддался и легко пошел по свежей резьбе.

Когда они уже вот-вот должны были открыть широкую горловину, Вася опомнился и придержал руки Денисова:

— Подожди. Надо с умом направить струю. А то потечет в низину, в кусты — и все. Подожди, я сейчас...

Достав из-за пояса финку, он пополз к крайнему танку, прогребая к нему неглубокую канаву. Выполнив задуманное, свернул за гусеницу танка и на какое-то время исчез. Но через несколько минут снова показался возле бензовоза. В руках Васи был довольно длинный кусок толстого шланга — где он его отыскал, Денисову расспрашивать было некогда. Вдвоем они приладили конец шланга к горловине крана — теперь бензин не будет шуметь — и сделали еще несколько последних оборотов вентиля.

Шланг под пальцами у ребят заклокотал, забился, будто его трясла лихорадка, и сразу же под ногами зашипел песок, резко запахло бензином. Разведчики торопливо поползли назад, к своим.

Жадовец по хитроватым глазам мальчишек понял, почему они так долго не возвращались.

— Что-то уже натворили?

— Ничего особенного, — ответил Денисов, — но давайте отсюда драпать побыстрее. Потом расскажем.

Партизаны отползли метров на сто и залегли в кустах. В немецком лагере было спокойно, слышалось лишь ритмичное постукивание железки часового. Но вот зазвучали встревоженные голоса, что-то затопало, задребезжало.

— Что вы там нахимичили? — снова нетерпеливо спросил Жадовец.

В это мгновение осветилась дверца автомашины, выбежал на дорогу взъерошенный немец, потом еще один, еще... Над селом взвилась красная ракета, и в тот же миг рядом с колонной поднялся в небо столб пламени.

— А-а-а! — дико закричал кто-то и бросился бежать, волоча за собой длинный огненный шлейф.

— Вот теперь все видно! — подскочил Вася и вновь упал, прижатый к земле чьими-то руками.

Во все стороны, отчаянно махая руками, разбегались охваченные пламенем фигуры, падали в траву, пытаясь сбить пламя. Прогремел взрыв — это взлетел на воздух бензовоз. Языки огня лизали бока танков, вот-вот начнут взрываться их боезапасы.

Небо побагровело, перелесок осветился так ярко, что находиться в нем стало опасно, и разведчики поскорее ушли прочь от пожара. А за спиной у них гремели взрывы, рычали моторы уцелевших танков...

Уже отойдя на полкилометра, Вася рассказал командиру разведотряда обо всем. Жадовец сперва хотел выругать обоих за непослушание, а потом только махнул рукой: победителей не судят...

Скоро должен был заняться рассвет, и Коробко предложил разведчикам передневать где-нибудь около Тополевки, втайне надеясь хоть издали посмотреть на родные Погорельцы, а если удастся, то и заглянуть к родителям. Ведь он уже несколько месяцев никого из своих не видел. Живы ли они?..

Жадовец будто понял его желание и сразу согласился.

На рассвете подошли к Тополевке. Но села они не увидели — только пожарище чернело под хмурым небом. Нигде ни одной живой души — хоть бы собака залаяла или петух подал голос. Лишь пепел ше-

велился под тяжелыми шагами да аспидные печные трубы тянулись вверх, словно чьи-то обгоревшие руки молили небо о пощаде.

Молча шли разведчики по бывшей улице; слова будто окаменели глубоко в сердце... Да и какие слова могли передать страшное человеческое горе? Смертью веяло над пустырем, еще недавно бывшим уютным селом, где у партизан было много верных помощников, где часто находили они себе пристанище и кусок хлеба.

Уже когда разведчики направлялись обратно к лесу, они вдруг заметили среди пожарища, под обгоревшими деревьями, какую-то белую фигуру.

Сахариенко толкнул Жадовца:

— Кто-то там, видишь?..

Вася посмотрел в направлении Витиной руки и внезапно вскрикнул:

— Да это же дед Семен, тот, что у Ворошилова пулеметчиком был!

Высокий, совсем седой дед в белой сорочке обернулся к партизанам, очевидно услышав голос Коробко. Его длинное сухое лицо осветилось радостью, но она была такой короткой, точно вспышка метеорита.

— Был, сынок, был, да теперь вот руки и ложку неважно держат...

Здороваясь с разведчиками, он тихо и спокойно говорил:

— Ну, в хату вас не приглашаю, сами видите, не стало наших хат. И хлебом не накормлю — все сгорело. Народу, значит, тоже горстка осталась, и те — старые да малые.

Из землянок у самого леса, неумело выкопанных, но хорошо замаскированных, действительно начали выбираться тополевцы. Будто с того света выкарабкивались из темных жилищ согнутые горем люди. Они поглядывали на партизан, словно не верили, что еще

где-то на земле есть люди, которые могут прийти с добрым сердцем, а не с огнем и смертью. Тишину надорвал чей-то приглушенный плач, послышались стоны — тополевцы узнавали своих, страх постепенно отпускал окаменевшие от горя сердца измученных селян.

— Что здесь случилось, дед Семен? — спросил Вася, которому было невмоготу вслушиваться в горестные всхлипывания обездоленных тополевцев.

— А ты, мальчик, чей? Откуда меня знаешь? — присмотрелся дед внимательнее к Васе.

— Вася Коробко. Я к Грицьку вашему часто приходил до войны. Не узнали?..

— Ох, тяжело мне, совсем никого и ничего не вижу, — вздохнул дед Семен. — Глаза дымом выело. — Он помолчал немного. — Ну так вот и случилось. Повадился в Тополевку Тищенко, полицай погорельский. Налетел раз, кричал, чтоб партизанам не помогали, приказал не собираться по вечерам, в своих хатах сидеть, дальше перестрелял со своими прихлебателями всех собак, сел и уехал. Мы думали, что на этом все и кончится. Но дней через шесть опять загудели вокруг машины, фашисты загалдели и двинулись со всех сторон на Тополевку. Я бабе велел в яму лезть — выкопал в огороде, будто знал, что такое может быть. Сам бегаю по хате, по двору, ищу внука, а он будто сквозь землю провалился... Ну, я и подался в тайник. И тут началось страшное. Сидим мы с бабой в яме, а вокруг стрельба, крик, плач, а потом и дымом запахло. Баба моя все по внуку убивается, криком кричит, я ей уже и рот ладонью закрывал, и грозил. Все равно не помогает. Как только стрельба стихла, глянул сквозь снопы. Да лучше б ничего и не видел! — горестно склонил голову дед Семен.

Все стояли, тревожно замерев, боясь нарушить это тяжелое молчание, причинить деду Семену еще большую боль своим неуместным сочувствием. Но дед бы-

стро взял себя в руки и, глядя уже на одного лишь Васю, сказал:

— Вон там, сынок, где холмик виднеется, их и пожгли, всех мужиков и детей, которые постарше. Там и Гриша, внучок мой, а твой друг, лежит. Сожгли его ироды, только комочек черный остался...

У Васи потемнело в глазах. Медленно, не помня себя, побрел прочь от людских глаз. Ноги переступали, а сам он будто оставался на месте и все глубже входил в землю, все дальше уплывал от глухого голоса деда Семена: «только комочек черный остался»...

Опомнился Вася, лишь когда наткнулся на аккуратный зеленый холмик меж двух берез. Вот здесь, под ним, лежат останки его друга — Грицька.

Коробко вспомнилось: они с Грицьком купаются в Ревне, кто-то с берега бросил в речку камень и попал Васе прямо в голову. Он потерял сознание и пришел в себя уже на берегу. Болела пробитая голова, заботой и тревогой светились глаза Грицька, который, как потом выяснилось, вытащил его из воды.

Словно сейчас Вася снова ощутил встревоженный взгляд друга и вздрогнул.

Попрощавшись с обездоленными, партизаны углубились в лес. Чем они могли помочь этим людям в их горе? Разве что сочувствием? Но словами такое горе не залечишь.

Партизаны решили день перебыть в зарослях над Ревной. После тревожной ночи они сразу же уснули в кустах ивняка. Не спал лишь Коробко. Как ни пристраивался он на траве, как ни крутился — все виделись ему глаза Грицька. И только в полдень забылся в тяжкой дремоте...

К вечеру похолодало. Всем хотелось как можно скорее вернуться в лагерь. Но Коробко несмело попросил товарищей зайти в Погорельцы. Хотя бы краешком глаза взглянуть на свою хату, а может, посчастливится

и кого-нибудь из своих увидеть! После всего услышанного и пережитого тревога за родителей неотступно сжимала ему сердце.

Николай Жадовец понял: придется завернуть в село — видно, очень волнуется мальчишка, если так просит. Ведь под боком дом, родные Васи, а то, что это небезопасно, не беда! Начиналась ночь — партизанское время. Потихоньку разведчики двинулись огородами к селу.

Вася, крадучись, шел впереди, за ним по пятам неотступно следовал Сахариенко. Мальчишка внимательно присматривался ко всему, что попадалось на глаза, — будто заново открывал для себя давнее, полузабытое, но такое единственное в целом свете, такое дорогое сердцу. Вот виднеются постройки машинно-тракторной станции. Именно там открыл свой боевой счет минер Балабай с Перелюбским отрядом. А дальше — школа. Сколько о ней передумано за долгие месяцы в лесу! Кажется, вскочил бы с земли, разогнул спину и кинулся бегом на крыльцо, припал бы к окнам, за которыми столько светлого и радостного было когда-то...

Вот и сад колхозный, шумит в кронах деревьев легкий ветерок. Партизаны присели под яблоней. Кто-то осторожно нагнул ветку и сорвал несколько зеленых кислых яблок. Вася тоже взял одно, совсем маленькое. Укусил — ощутил терпкость плода на зубах, оскомина даже челюсти свела.

За невысокой изгородью послышались чьи-то шаги, и разведчики притаились. Переждав немного, Сахариенко спросил Васю:

— Твоя хата далеко?

— Да нет, дворов через десять.

— Тогда пошли, — шепнул Жадовец.

Денисов, который перелез через забор вслед за Васей, вдруг испуганно замер, распластавшись на земле.

Впереди выстроилась шеренга солдат. Они стояли молча и как будто ждали, пока разведчики подойдут поближе.

Вася оглянулся на товарища и глухо засмеялся — перед ними тянулись вверх ряды подсолнухов. Денисову стало стыдно, он даже тихо ругнулся и подался следом за мальчишкой.

— А что мы подарим твоим? — спросил на ходу Жадовец. — Ты хоть приготовил им чего-нибудь?

— Нет, — смутился Вася. — Я же не думал, что зайдем...

— Вот еще мне гость, — пожурил его командир. — Ну ничего. Хлопцы, у кого есть трофеи?

Сахариенко достал из кармана небольшой кусок мыла, еще кто-то — зажигалку. Николай передал их Коробко...

Вот и его родная хата. Васе стало жарко. Как же он соскучился по ней, по родным стенам, не видя их все эти месяцы, с тех пор как переступил порог в последний раз и побежал догонять партизан! Надо сделать только несколько шагов, и снова повторится, возникнет волнующий с детства праздник: вот я и дома...

Однако ребят встретили забитые крест-накрест досками окна, в которых не было света. Вася растерялся. Этого он не ожидал. Никто ведь до сих пор не передавал в лес ничего плохого о родителях. Может, случилось что-нибудь в самые последние дни?

Товарищи тоже стояли в недоумении и не знали, как утешить мальчишку.

Неизвестно, долго ли стояли бы они так, молча обводя глазами темную хату, если бы на улице не послышалась звонкая дробь, медленно приближающаяся к ним. Разведчики метнулись за угол и припали к стене. Это двигался патруль. Несколько человек в гражданской одежде в такт шагам размахивали колотушками. Деревянное било резко ударялось о сухую доску

и поднимало такой шум, что и от одной колотушки можно было оглохнуть, а тут их сразу три или четыре. Замыкал шествие полицай с автоматом на изготовку.

Только было прошли эти, как снова послышались шаги и к двери приблизились еще два полицая. Они постояли, прислушиваясь, поговорили о чем-то и пошли дальше.

Партизаны бесшумно отползли в конец огорода.

— Ничего, Вася, не волнуйся, — обнял его Жадовец. — Раз полицаи наведываются, значит, старики живы. Так просто патрули не будут шататься по ночам. Надеются подловить кого-то...

У Васи отлегло от сердца. И действительно, не напрасно вертятся полицаи возле их дома. А доски... может, у стариков в окнах стекла выбиты, поэтому они как-то прикрылись. И все же заходить рискованно.

— Товарищ командир, разрешите, я заскочу вон в ту хату, где когда-то жил Иценко? Хозяйка меня хорошо знает, передаст родителям привет.

На осторожный Васин стук дверь открыла пожилая женщина. Не говоря ни слова, она отступила от порога и пропустила гостей в хату. Окна были плотно завешены рядном, потому-то и не виден был в них свет со двора. Керосиновая лампа мигала на припечке и едва освещала зыбку, подвешенную к матице. Молодая женщина испуганно прижимала к груди ребенка. Сначала она смотрела на пришельцев настороженно, словно приготовившись защищаться, а потом успокоилась и расцвела улыбкой:

— Ой, Вася, а говорили, что тебя уже расстреляли вместе с Орленком, каким-то генералом вашим.

Коробко узнал в ней Надю, дочь Иценко, которая была всего на несколько лет старше его.

— Ну и брехуны, — с улыбкой ответил ей Вася. Это известие наполнило его гордостью: знают люди, говорят о нем!.. — Пусть попробуют! Я их не боюсь — ни

в лесу, ни здесь. А у генерала Орленка войска столько, что... — и, оборвав себя на полуслове, тревожно спросил: — Как там мои?

— И не спрашивай! — горестно покачала головой Надя, положила ребенка в зыбку и подошла поближе. — Отец болеет, едва ходит, его недавно освободили от ежедневных хождений к полицаям на регистрацию — и то хорошо. Мать ничего, но Тищенко жизни не дает, издевается, чтоб ему на том свете так хорошо жилось. Кричит, залетает в хату, грозится сжить со свету. Мне все слышно, когда начинается такое. Вы бы хоть попугали его, чтоб не был таким зверюгой...

— Ничего, Надя, не только попугаем, придет и для него время, — заверил Коробко.

— Правильно, землячок, — подтвердил Жадовец. — Он от нас не убежит. Однако, Васек, не забывай, что нам предстоит еще далекий путь.

— Ой, чего же это я стою как прибитая! — всплеснула руками пожилая женщина. — Вы же с дороги да в дорогу. Хоть перекусить присядьте к столу. Грех хорошего человека выпускать из дома, не угостив его.

— Не надо нам ничего, нас ждут во дворе. Я только вот о чем попрошу — это уже тебя, Надя, — зайди незаметно к моим и передай привет от меня. Скажи, что я хотел проведать их, но полицаи ходили под окнами. Ну и скажи, что у меня все хорошо, что скоро немцев совсем прогоним. А вот еще гостинец партизанский мои друзья передают...

Обрадованный и утешенный, Вася достал из кармана трофеи, взвесил их на ладони и положил на стол.

— Не волнуйся, передам все как есть, — сказала Надя и склонилась над зыбкой, из которой вдруг раздался громкий плач.

Наскоро попрощавшись с приветливыми хозяевами, разведчики вышли из хаты. Уже миновав крайние дворы, Вася не удержался и оглянулся. Вокруг стояла

густая тьма, а у него перед глазами маячили забитые крест-накрест досками родные окна да еще пустая железная кровать в соседской хате. Там когда-то спал его учитель...

ГЛАВА XIII

Три хороших дождя выпали в мае сорок третьего года. Теплая земля радостно принимала благодатную влагу, взрываясь в ответ зелеными всходами. Но буйно расти удавалось все больше диким бурьянам да самосейным травам — оккупанты запретили людям работу в поле и на огородах, предчувствуя скорое отступление из Полесья. За непослушание карали сурово и беспощадно.

А нивы ждали пахарей, смотрели сухими, зачерствелыми комками на села, которые затаились в скорбной безысходности.

Зато на дорогах часто можно было видеть такую страшную картину: бредет лошадь, тянет за собой железную борону, а сзади человек, натягивающий поводья, идет так, будто каждый следующий шаг станет для него последним в жизни. Не вспахивая, боронили невольники укатанную землю, как приказывали им гитлеровцы, — обезвреживали партизанские мины.

Однако люди знали, где именно народные мстители установили прошлой ночью свои сюрпризы, и обходили их. Только кое-где кто-нибудь из селян не рассчитает или прозевает метку — тогда от лошади не останется ничего, а человеку уж как повезет при этом...

Васе Коробко такие волочильщики привычны. Частенько, переодевшись в лохмотья, блуждал он по ближним и дальним селам. Он делался совершенно не похож на того Коробко, которого знали в партизанском лагере. И ни разу не вызвал ни у кого из полицаев даже самого малейшего подозрения. Разве что подвыпив-

ший немецкий прихвостень хлестнет, бывало, плеткой да облает: мол, шляется тут всякая голытьба...

Как-то партизанам стало известно, что в Машево прибыли два отряда полиции — из Семеновки и Новгород-Северского. За ними перебазировался карательный батальон под командованием гауптштурмфюрера Шриккеля. Не иначе как что-то затевалось оккупантами...

Вася отправлялся в Машево уже третий раз. В рваной фуфайке, которую давно было пора сменить на легкий пиджачок, в парусиновых ботинках, просивших каши, и в полинявшей кепочке, он брел, прижимаясь к изгородям и стенам домов, стараясь лишний раз не попадаться на глаза встречным. Курс держал к знакомой хате в густом саду, хозяина которой считали своим и лесовики, и полицаи с немцами.

Когда-то, до войны, на эту усадьбу было немало жалоб от соседей — жили там двое буйных парней. Им было море по колено, когда они где-нибудь опрокидывали лишнюю чарку, — в любой момент могли затеять драку. Никто не хотел связываться с хмельными братьями Киваями. А проспавшись, они ходили как шелковые, стыдясь смотреть людям в глаза. Не однажды вызывали парней в сельский Совет, совестили. Они клялись, обещали больше не буянить. Были те братья незаурядными мастерами, и поэтому односельчане относились к ним благожелательно и сочувственно. Но потом начиналась старая песня. Так до тех пор, пока Федор с Антоном не на шутку избили по пьянке нескольких парней. На этот раз их отдали под суд. В округе стало сразу тише.

Возможно, и забыло бы село навсегда о буйных братьях — война принесла людям столько горя, что не до воспоминаний об их давних выходках, — если бы внезапно не появился в оккупированном Машеве Федор Кивай. Поселился он в старой хате и носу не показывал дальше своей усадьбы. Странным каким-то

вернулся он в родные места. Звали его в полицаи — не пошел, сказал, что не хочется ему воевать, и так, мол, намучился. От него почему-то на время отстали, может, надеялись, что прижмут хорошенько, так и сам попросится...

Но Кивай не просился. Завел он у себя целую мастерскую, поскольку был на все руки мастер: электрик, слесарь, портной, столяр, печник — короче, нет на свете такого дела, которое ему не под силу. Люди часто наведывались к нему — тому одно сделай, тому другое. И все постепенно привыкли, что в хате Кивая вечно кто-нибудь отирается.

Когда же несколько раз Федор отремонтировал немцам шмайссеры, а однажды даже автомашину, оккупационные власти записали его в свой актив, не подозревая, что этот спокойный, неразговорчивый человек живет двойной жизнью.

В сумерки или когда не было лишних глаз Федор Егорович работал на партизан. Его привлекли к работе разведчики, зная, что бывшему заключенному немцы доверяют. Часто ночью в окошко стучались лесовики, принося очередной безотлагательный заказ. Немало ожило трофейного оружия благодаря умелым рукам мастера. Сделанные им поперечные пилы помогли свалить не один телеграфный и телефонный столб. Когда диверсионной группе Шахова было приказано уничтожить линию связи между Унечей, Стародубом, Глуховом и Новгород-Северским, Кивай смастерил прекрасные кусачки, которые резали проволоку, как солому.

Вот к этому-то человеку и направлялся неприметный мальчишка в нищенских лохмотьях.

Кивай сидел на пороге своей мастерской и покуривал цигарку. Летнее тепло волнами перекатывалось через старый сад, который уже начал гнуться под тяжестью плодов. Куча разнообразного лома возвышалась во дворе. Пахло свежей стружкой, клеем и сладкова-

тым угольным дымком — небольшой горн погас, покрывшись черной коркой.

— Добрый вечер, дядя, — поздоровался Вася и снял кепку. — Не могли бы вы взять меня в помощники?

— Можно и взять, — спокойно ответил Кивай.

Он осмотрелся вокруг, даже за ограду заглянул, нет ли кого, потом встал и подал огромную, отшлифованную работой ладонь:

— Ну здравствуй, помощник. Садись ближе.

Вася примостился на колоде и радостно поглядывал на хмурого дядьку. А Кивай стоял перед ним, словно огромная глыба, заслоняя простор между хатой и стволом яблони, и спокойно поглядывал из-под густых, кустистых бровей. Столько уверенности было во всей его фигуре, столько силы, что Васе подумалось: такого бы в диверсионную группу, тогда хоть с голыми руками на эшелон иди!..

— Ну как наш заказ, Федор Егорович?

— Готов. Можно забирать. Только как? Немцев наехало — курице негде клюнуть.

— Это уже наша забота, — успокоил его Коробко и сам удивился, откуда у него такая самоуверенность. — Наши передавали вам привет, заранее благодарили за работу.

— Мне вашей благодарности не надо, — сказал Кивай. — Для себя же стараюсь, для людей...

Федору иногда казалось, что сейчас не доверяют ему — не могут простить содеянное им перед войной, а тут еще и фашистам помогает, военную технику налаживает. Даже в словах, которыми соседи благодарили его за помощь, улавливал он часто какую-то едва заметную неискренность.

Да пусть думают, что хотят, только бы хлопцы в лесу верили ему, — когда-то все откроется. Не такое теперь время, чтоб старые грехи вспоминать. Вон какие кривды на земле творятся.

— А где он у вас? — спросил Вася. Ему никак не терпелось узнать все до мелочей про пулемет, который ремонтировал Кивай.

— Все будешь знать, скоро состаришься, — усмехнулся Федор. — Уж так запрятан, что чужой глаз не зацепится.

Они посидели, поговорили еще немного. Кивай предложил поесть, и гость жадно накинулся на хлеб с салом.

После обеда Федор Егорович велел Васе никуда не выходить со двора, а сам пошел в комендатуру — сказать, что заказ «панов начальников» готов.

Вася бродил по саду, валялся в мягкой траве, усыпанной яркими пятнышками солнца, что пробивалось сквозь густую крону деревьев. Сорвал несколько кисточек, пожевал до оскомины. Если бы это был белый налив, то можно бы полакомиться и сейчас, а ранет и антоновка еще пока тверды и суховаты.

Хозяин все не возвращался, и Вася направился в мастерскую. В куче металлолома вдруг что-то сверкнуло. Мальчишка нагнулся к покрученным железкам и достал какой-то блестящий предмет.

Он оказался самоваром. Когда-то до блеска начищенное медное тело подернулось тусклым налетом — не было заботливых рук, которые походили бы возле него с песком и золой, — но все же видно, что это не простой самовар. Круглое широкое брюхо украшено тремя рельефными медалями, увенчанными царской короной, которую держал орел с широко распростертыми крыльями. Когти хищной птицы вцепились в венок из дубовых листьев, концы которого почти сходились. Когда вернулся хозяин, Вася спросил:

— Федор Егорович, откуда это у вас?

— А-а, самовар? Полицай один принес, велел отрихтовать и начистить. Владелицу этого самовара и ее двоих детей он арестовал, потом приказал бежать, а

сам в спину им стрелял. Гад! — скрипнул Федор зубами, даже лицо у него перекосилось от ненависти. — Но и самого недавно подстрелили. Не успел и самовар какому-то большому начальнику вручить. Мечтал сделать сюрприз...

Коробко задумался. Сюрприз... Интересно. А что, если и в самом деле подготовить кое-кому «сюрприз»?..

— Дядя Федор, знаете что? Вы его все-таки отрихтуйте.

— Уже спешу, как же! — развел Кивай руками и сплюнул. — Больше мне заботы нет, как с ним возиться.

— Да вы не сердитесь, я же не просто так... Понимаете, мне подумалось: вы его выровняете, почистите, а я тем временем смотаюсь в лес, «начинку» принесу. Замаскируем так, что никто и не подкопается. Ну, а там кому-нибудь этот подарочек подсунем...

Мастер усмехнулся. Ловок на выдумки этот Коробко, да и не из тех он, кто пускает слова на ветер. Раз предлагает повозиться с самоваром, значит, дело того стоит.

— Ну что ж, пусть будет по-твоему.

Кивай взял одной рукой тяжелый самовар и понес его в темный сарайчик. Вася попрощался и осторожно вышел на улицу, посмотрел по сторонам и вмиг преобразился, снова стал бездомным нищим, который бредет, сам не зная куда.

План Васи в отряде поддержали. Он тщательно приготовил заряд и через несколько дней вновь направился в село, спрятав взрывчатку в разном тряпье на дне сумы.

Когда Кивай занес самовар в хату, медные бока его сияли, точно солнце. От вмятин не осталось и следа, русалки на ручках танцевали, как живые...

— Ну вот, теперь все в порядке, — кивнул Вася. — Можно начинять горячим...

На самое дно легли заряд тола и взрыватель, рассчитанный на срабатывание при нагревании. Сверху Кивай осторожно стал пристраивать второе дно. Коробко видел, с каким страхом посматривает здоровенный мужчина на взрывчатку, и не удержался от смеха:

— Да не бойтесь, Федор Егорович, хоть танцуйте на мине — не взорвется. Ей надо градусов сто, чтоб очнуться...

— Кто знает, чего ей захочется, — буркнул Кивай.

Когда все было готово, он устало присел на табурет и вытер пот со лба:

— Ох и работенка, будто полдня молотком отбухал.

— А вы что думали? — удовлетворенно произнес Коробко. — Наше дело такое — не руками махать, а головой шурупить. Чуть что не так — ни руки, ни головы...

План был довольно простой. Самое главное — подбросить самовар старшему полицаю Ицевичу. А дальше, если получится все, как задумали, за сюрприз этот иудины головы полетят!

Кивай аккуратно завернул «гостинец» в старую мешковину и ночью спрятал его в хлеву Ицевича.

Семеновский гауптштурмфюрер Шриккель проводил очередное совещание, на котором присутствовали все руководители полицейских участков и гарнизонов. Прошлой ночью ему спалось совсем плохо. Будто предчувствовал, что на его территории опять что-то случится, а утром принял доклад: партизаны снова взорвали три эшелона.

Черт знает, что творится в этой дикой стране — сколько ни вешай, ни стреляй, ни жги, все как шло,

так и идет. Надо уже отправляться на совещание, а он просто видеть не может эти полицайские морды! На словах они герои, борцы, а на деле — трусы или даже партизанские пособники. Эшелоны один за другим летят под откос, а поймать никого не удается. Ну, сегодня он скажет им все, что о них думает!

Шриккель был настроен воинственно. «Сегодня или никогда», — решительно подумал он.

Машина круто развернулась на песчаной дороге, щедро смоченной недавними дождями, и остановилась перед резным крыльцом. Шриккель раздраженно посмотрел на двух часовых у входа — даже то, как они тянулись, бесило его сегодня — и стремительно зашагал по коридору.

Но у самых дверей своего кабинета он вынужден был остановиться — перед ним, как из-под земли, вырос здоровенный детина, местный житель, который часто приносил в его дом всяческую живность. Широкое лицо полицая светилось искренним обожанием начальства.

— Пан гауптштурмфюрер, разрешите доложить! — вытянулся он под самую притолоку.

— Что там у тебя? Сейчас совещание, мне некогда...

— Герр Шриккель, айн момент, я к вам по личному делу... чтобы никто не услышал... — подобострастно изогнулся полицай. — Можно, я за вами пройду? Есть один сюрприз для вас...

Шриккелю было не до сюрпризов, но, поскольку до начала совещания еще было время, он все-таки заинтересовался: что там такое? Махнув полицаю рукой — иди за мной! — немец бодро двинулся вверх по ступенькам.

В просторном кабинете Шриккель чувствовал себя хозяином, который умеет где бы то ни было устроить свое личное благополучие и дорожит им. Сев в широ-

кое, явно не по его щуплому телу, кресло, он взглянул на полицая.

— Герр комендант, — вьюном вился тот перед начальством, — мой долг верного вам человека требует сказать всю правду. Вчера вечером мне стало известно, что в Машеве есть историческая реликвия, и я, зная вашу склонность к таким вещам, не могу молчать...

Шриккель заинтересовался. Он действительно коллекционировал необычные старинные вещи. За годы войны уже не одна тяжелая посылка отправилась в рейх, в его уютный особнячок под Берлином.

— Ну и что там такое нашлось? — спросил он угодливого служаку.

— Са-мо-вар! — радостно прошептал полицай. — С царскими медалями, хотя говорят, что швейцарский, лет ему чуть ли не все сто...

— О-о! — Гауптштурмфюрер порывисто повернулся всем корпусом, и глаза его загорелись нескрываемым восторгом. — Это интересно! И где же он, этот самовар?

— Мне передавали, что его спрятал у себя в хлеве машевский полицай Ицевич. Ну я и подумал, пан Шриккель: такую историческую ценность грех припрятывать от немецких властей, и вот прибежал вам сказать...

— Спасибо, — поощрительно улыбнулся Шриккель и удовлетворенно окинул взглядом кабинет. — Где сейчас этот... Ицевич?

— В Семеновке, пан Шриккель, приехал на совещание, — с готовностью доложил полицай. — Только зачем он вам? Лучше я сам проскочу в Машево и привезу вам эту ценность, а вы уж потом поговорите с ним как следует. Я знаю, где он живет...

— Ну что ж, действуйте, — согласился Шриккель. Его настроение резко пошло вверх. Не зря же говорят: в жизни всегда рядом хорошее и плохое, научись только выбирать одно из двух. — Я умею ценить верность.

— Рад стараться, пан комендант! — рявкнул полицай и выскочил за дверь.

Комендант проводил его ласковым взглядом и подошел к окну. Зеленое половодье заливало все вокруг. Посредине двора росла огромная верба. Ветер раскачивал ее гибкие ветви с мелкой листвой, что словно приклеивалась к тонким прутикам. Шриккель нажал ладонью на раму и распахнул створки окна. В кабинет ворвались веселые голоса солдат, которые обступили походную кухню и перекидывались словечками в ожидании позднего завтрака.

Если бы не они, можно было бы представить, что это совсем иной уголок земли — тихая загородная вилла, где душа его испытала столько прекрасного, где прошли лучшие годы жизни. Скоро ли доведется ему опять побродить по чистеньким уютным аллеям в тени деревьев? Шриккель даже вздохнул невольно от воспоминаний и вернулся к столу. Если так будет продолжаться, вряд ли он вообще когда-либо увидит родные места. Вся надежда на операцию «Цитадель», которую готовит высшее командование. Дальше терпеть такие поражения, как под Сталинградом, нельзя.

«Нет, нельзя!» — повторил про себя Шриккель и сел за бумаги: через несколько минут совещание...

А в Машеве в результате тщательного обыска на подворье Ицевичей был найден блестящий, совершенно удивительный самовар и в тот же день торжественно вручен коменданту. Ицевича наказали, сняв с должности старшего полицая. Он так и не смог догадаться, кто сыграл с ним эту злую шутку...

Гауптштурмфюрер отослать добытую реликвию в Германию не успел — через два дня не удовлетворенное работой Шриккеля начальство решило перевести его в часть, которая направлялась на фронт. Совсем загрустивший, с дурными предчувствиями, ехал он к месту назначения.

Еще в Шостке, сделав короткую остановку, Шрик-кель имел неосторожность крепенько выпить с горя и, чтоб хоть как-то облегчить свою будущую судьбу, с сожалением расстался с самоваром, сделав подарок своему полковнику.

Вскоре партизанской разведке стало известно, что самовар все-таки взорвался, хотя сам полковник, увы, не пострадал.

Узнав об этом, Вася долго горевал и решил непременно рассказать своему новому другу Киваю, чем обернулась их затея. А тут и случай подвернулся — Костюков посылал в Машево группу разведчиков: дошел слух, что там готовится очередная облава на партизан, и надо было обо всем разведать более подробно. Кроме того, Вася знал, что командование представило партизанского помощника к награде, и ему очень хотелось порадовать мастера.

Ночь была теплая, душная. Дождевые воды не могли глубоко проникнуть во влажную землю. Кругом стояли лужи. Комары звенели над головами, с разгона впиваясь в лицо. Жадовец проклинал все на свете, размахивая руками, но назойливые кровопийцы жалили от этого еще злее, еще многочисленнее становилась их беспощадная орда.

Кончился густой сосновый лес. Пока партизаны двигались лугом, комарья было меньше. А над узенькой речкой Одрой, поросшей камышом, они снова нагрянули тучей. Уже надоело проклинать их — разведчики шли молча, втянув головы в воротники, мечтая как можно скорее добраться до села и там передохнуть.

Один лишь Коробко был в приподнятом настроении. Ему не терпелось обрадовать Кивая, которого он уже давненько не видел.

А вот наконец и его усадьба. Окна хаты не светились. Вася первым полез через плетень и нырнул в

густой сад. Пахло яблоками, сливами, а с того конца, где стояла крошечная пасека, еще и медом.

Он чуть слышно постучал в окно. Кто-то невидимый проковылял босыми ногами по полу, припал к стеклу. Вася узнал широкое лицо хозяина и приветливо махнул рукой:

— Свои, Федор Егорович!

Щелкнула задвижка. На лунный свет вышел Кивай. Видно, он уже спал, потому что был в белой сорочке, только накинул на плечи какую-то куцую одежку.

— Не ждали? — спросил Вася.

— Откуда! — пожал плечами Федор. — У вас же нет ни дня, ни ночи. Когда захотите, тогда и будите старого...

— Ну, вам рано еще старым называться. Только и жить начнем скоро по-настоящему. Знаете, какую я весточку принес?

— Скажешь, если не передумаешь...

Вася поднялся на цыпочки, едва доставая головой до груди Кивая, и радостно, щекоча ему ухо, зашептал:

— Командование отряда представило вас к награде!

Тот недоверчиво улыбнулся... Но Вася смотрел на него снизу такими счастливыми глазами, будто его самого только что поздравили с наградой. Значит, правду говорит! И Федору Киваю вдруг показалось, что он сбросил с себя какую-то страшную ношу, которая уже натерла ему до крови не только спину, но и, кажется, саму душу...

Еще бы! Ведь никто не освобождал его из заключения — просто охрана разбежалась под вражескими бомбами. А вскоре и немцы прорвались, город оказался в тылу врага. Куда было податься, как не домой?

Однако же, когда наши вернутся, поверят ли они его рассказу? И верят ли ему сейчас до конца там, в

лесу? Сомнения точили его, как шашель, хотя никто даже не догадывался об этом. А теперь... Значит, верят, если наградить хотят.

— Спасибо, Вася, спасибо. Ты даже не знаешь, какую радость принес...

— Я не один, Федор Егорович, там наши. — Вася махнул рукой в сторону сада.

— Почему же ты сразу не сказал? — с укором покачал головой Кивай.

— Сначала об одном, потом о другом, — рассудительно ответил Вася. — А я должен вам еще кое-что сказать: наш сюрприз все-таки сработал. Чуть полковника не убил. Вот только самовара жаль — такой красивый был, хоть на выставку.

— Ничего, — обнял его Федор. — Придет время, наделаем еще лучше!..

Разведчики узнали от Кивая, что в соседнюю Поповку днем приехали до двухсот карателей. Остались на ночевку в селе, там же стоят семь автомашин, три орудия, бронетранспортер, два миномета. Свои люди сообщили: завтра немцы готовятся прочесывать лес.

— Именно завтра? — переспросил Жадовец.

— Я б вам сказал, да сам не знаю. Однако зачем же им так долго стоять? Они не любят спать вблизи от леса.

— Э нет, дорогой Федор, — возразил Николай. — Нам нужно точно знать... Ну ничего, что-нибудь придумаем. Дежков и Виктор, собирайтесь и прямо отсюда топайте в Буку. Дорогу помните?

— Чего б это мы ее забыли? — отозвался Сахариенко.

— Передайте привет связному Ракуте. Сами постарайтесь к двум часам ночи вернуться. Сбор тут же, в саду.

— Айда! — подхватил Дежков, и через минуту два партизана растворились в ночном полумраке.

Васю же командир направил к партизанскому связному в другой хуторок, расположенный неподалеку от Машева...

Выполнив поручение, Коробко возвращался к дому Федора Кивая. Он шел спокойно, держась кустиков, заборов, вообще любой тени, чтобы неожиданно не напороться на дозор или засаду. Все могло быть в эту тихую лунную ночь в логове карателей и их приспешников, обложивших партизанский лес.

Когда Вася входил в редколесье, становилось немного темнее, высокие звезды мелькали меж ветвями, словно водили хоровод. А на равнине луна лила спокойный чистый свет, купала маленькую настороженную фигурку в своем холодном сиянии, поблескивала в первых крупных росинках, и было такое ощущение, будто ступаешь по драгоценным камешкам, только не колючим, а почему-то мягким и податливым...

Васе вспомнилось, как он когда-то ходил за село, намеренно поздно ночью и в одиночку, чтоб перебороть страх. Тогда точно так же светила луна, роса студила босые ноги, а каждый шорох настораживал, пугал так, что даже сердце замирало. Пересилив все ночные страхи, он, уже когда возвращался домой, старался идти не спеша, чтоб превозмочь неприятную дрожь...

Теперь Васе смешным казалось давнишнее состязание с самим собой, и если какие-то шорохи и привлекали его внимание, то совсем по другой причине — не вражеская ли засада притаилась неподалеку? Ночная природа стала ему близкой и понятной, ведь ночи, как говорили у них в отряде, — это партизанские дни.

Разведка из Буки уже вернулась. Каратели на завтра ничего не планировали — сосредоточивали силы и должны были пойти на прочесывание только через два дня. То же самое сообщил и Вася.

Разведчики поднялись и стали собираться в дорогу. Именно в это время из хаты вышла хозяйка. Ей тоже

не спалось. Узнав, что гости опять уходят в лес, она засуетилась:

— Э нет, вы как знаете, а просто так я вас не отпущу. Посидите немного, пока приготовлю что-нибудь поесть...

— Спасибо, Ксения Сергеевна, мы не голодные, — отказался Жадовец. — Наши кашевары заботятся о нас.

— Так то ваши, а у меня другое угощение, — не сдавалась хозяйка. — Федор, что ты стоишь?..

Вдруг из-за поворота в стену хаты ударил яркий свет, волной окатил подворье. Женщина вздрогнула:

— Ой, будто бы что горит!..

Прислушавшись, они различили тихое урчание машины, которое все приближалось...

Разведчики спрятались в саду. Жадовец припал к плетню, чтобы видеть, что происходит на улице. Федор поковылял в хлев, наказав жене сидеть в хате и никому не открывать дверь, а если будут настаивать, пусть потормошит ребенка, чтоб поднял плач.

Две автомашины остановились у колодца, почти рядом с домом Кивая. Жадовец услышал немецкую речь и крепче сжал автомат. Кто-то говорил, что надо бы в радиатор залить воды, потому что мотор перегревается, а дорога неблизкая. Другой голос приказал сделать это. Послышалась возня, стукнула откидная крышка колодца, и первый голос неожиданно ругнулся:

— Доннер веттер! Господин майор, тут нет ведра. Нечем воды набрать.

Майор недовольно заворчал, но тут кто-то услужливо заговорил на украинском языке:

— Пан майор, айн момент. Тут живет мой знакомый — Федор Кивай. Я сейчас попрошу у него ведро.

Жадовец неслышно, как тень, проскользнул в сад.

— Они идут сюда, — прошептал он. — Ну, теперь держись. Все может быть...

Приезжие громко постучали в ворота, и тут же в хате послышался плач ребенка. Стук повторился, затем незнакомец закричал с улицы:

— Федор, открой! Это я, шофер из Новгород-Северского, Максим Рогулько! Слышишь, Федор?

Никто не отозвался. Немного погодя окно приоткрылось, и раздался недовольный голос хозяйки:

— Нет Федора. Куда-то полиция вызвала. А что вам надо?

— Да найти какое-нибудь ведро старое, воды зачерпнуть. Машины перегрелись...

— Так я сейчас, — ответила хозяйка.

Она погремела чем-то в хате и подала ведро в окно.

Возле колодца забряцало, приглушенно гудели машины, булькала вода. Немцы—их было с десяток—сонно переговаривались, дожидаясь, когда наполнятся радиаторы. Шофер снова спросил хозяйку, возвращая ведро:

— Так, говоришь, нет Федора?

— Нету. Обещал быстро возвратиться, но кто его знает. Теперь такое время, что нет людям ни дня, ни ночи.

— Что верно, то верно, — поддакнул шофер, — а не найдется ли у тебя чего-нибудь поесть? Паны немцы давно в дороге, хотят подкрепиться.

Женщина заколебалась, но потом сказала:

— Да куда же вас денешь, найду что-нибудь.

— Тогда мы сейчас, — обрадовался шофер, он что-то сказал немцам, и те галдящей толпой двинулись к хате.

На столе появились пузатая фляга и три бутылки со шнапсом. Немцы уселись за стол, переговаривались, ожидая, когда хозяйка приготовит закуску. А она, привыкшая к таким гостям, быстренько ставила на стол нарезанное сало, тарелку с сырыми яйцами. Нем-

цы наполнили стаканы и выпили. Потом повторили. И пошел по хате веселый гомон...

А в это время появился хозяин. Он сидел в хлеву и все слышал. Почувствовав, что ему ничто не угрожает, Федор решил вернуться в хату, чтоб не мучиться тревогой за жену—кто знает, что этим гадам взбредет в голову...

Шофер радостно поднялся ему навстречу и пояснил немцам:

— А вот и хозяин, Федор Кивай. Он панам немцам оружие ремонтирует. И вообще — это свой человек.

— О, карошо, карошо,—помахал ему рукой майор, жестом приглашая к столу. — Давай кушай немецкий шнапс.

Кивай молча сел на край лавки и придвинул к себе стакан с жидкостью.

«Ну что ж, — подумал он, — эта выпивка мне не повредит, а хлопцам теперь все ясно, они могут незаметно выскользнуть из сада».

— Пан офицер, — повернулся Федор к майору, — извините, что не сам встретил вас: вызывали к начальнику полиции, готовится поход на лесных бандитов...

— О, карошо, — усмехнулся майор и помахал рукой. — Вы смелый человек, я буду с вами пить...

Кивай поднял стакан:

— Я хочу сказать, что с удовольствием выпью за здоровье пана офицера, за доблестную немецкую армию, которая помогает нам установить новый порядок. Всегда рад вас видеть в своей хате. Как у нас говорят, будем живы! — Кивай залпом глотнул шнапс и, широко улыбнувшись, начал расколупывать сырое яйцо.

После очередной чарки гомон за столом стал еще веселее...

И тут на улице взревели моторы, засветились фары, лучи их резко хлестнули по окнам... От неожиданности все замерли за столом, потом кто-то из наиболее проворных, схватив автомат, выскочил за дверь.

Кивай тоже побежал за немцами, стараясь держаться рядом с офицером. Два огонька светились уже довольно далеко. Майор выхватил пистолет и стрельнул вдогонку, потом еще и еще раз...

Огни скрылись за поворотом. А у ворот, в пыли, раскинув руки, лежал мертвый немец, и луна равнодушно освещала его лицо.

Ругаясь на чем свет стоит, офицер выстроил ошарашенных случившимся солдат, приказал Киваю проводить их туда, где есть телефон. Федор, который поначалу было растерялся от всего происшедшего и только хлопал глазами, теперь уверенно шел впереди, с притворным огорчением опустив голову долу.

ГЛАВА XIV

Ничто так не радовало сердца партизан, как приход настоящего тепла, которое щедро согревало людей, точно вознаграждая их за долгие холодные месяцы блужданий по угрюмым, дремучим чащам, за ночлег на сосновых ветках, покрытых снегом, в наспех отрытых землянках, а то и прямо в сугробах, где обычно устраивались партизанские секреты.

Буйное разнотравье одарило зеленью каждую, даже самую крохотную, полянку, подрост крепко подпирал снизу высокие сосны и осины. Продолжительные выходы на операции стали казаться теперь не такими изнурительными, как раньше.

Разительные перемены происходили везде. Чапаевцы действовали в дремучих лесах Семеновского, Новгород-Северского, Гремяцкого, Климовского и Старо-

дебечанского районов, и карателям нелегко было захватить врасплох подвижной отряд. К тому же победы советских войск на фронтах ошарашили гитлеровцев, отбили у них охоту гоняться за лесовиками, как это было еще совсем недавно.

А в отряд неудержимым потоком вливалась молодежь из окрестных сел, избегая мобилизации в войска сторожевого охранения, отправки в фашистский рейх. Лишь с апреля по июнь отряд принял сто семьдесят девять добровольцев, которые с нетерпением ждали случая показать себя в бою.

За короткое время в отряде выросла большая комсомольская ячейка, и руководителю ее, Васе Коробко, хлопот доставалось сверх всякой меры. Мало того, что организационная работа требовала огромных усилий, так еще не было покоя от самого юного пополнения. «Не хотим сидеть без дела, — все решительнее заявляли ребята, — добивайся у командования боевых заданий, и не каких-нибудь пустячных, пусть посылает в разведку или на диверсии...»

Наслушавшись упреков, Вася решил посоветоваться с Костюковым. На озабоченном лице командира засветилась веселая улыбка: хоть и тяжко было на сердце от того, что каратели затевали очередное окружение, воинственный вид мальчишки потешил его. Как и все в отряде, он любил отважного разведчика и очень тревожился за него: не ровен час, случится с юным сорвиголовой беда... Разве удержишь паренька, если какая-то сила так и тянет его в самое пекло!.. А так хочется, чтобы юные обязательно дожили до освобождения...

— Что нового? — спросил он у Васи.

— Ничего особенного, — поправил автомат Коробко. — Только не могу я один справиться с пополнением, напирают со всех сторон, требуют, чтобы переговорил с вами.

— Не терпится? — понимающе улыбнулся Костюков.

— Еще бы, все мечтают о подвигах, всем хочется показать себя...

— А стрелять или мины снаряжать они умеют? — сурово сдвинул брови командир. — Ты говорил об этом?

— Сколько раз!.. — махнул рукой Вася. — Только вы им скажите сами.

— Придется напомнить, с чего начинается дисциплина! — нарочито грозно пробасил Костюков. — А сам ты что предлагаешь?

— Прежде всего надо организовать курсы минеров, я их могу обучать. Хлопцы ведь нудятся...

— Вот и приступай. Команда будет...

Посоветовавшись еще немного, они разошлись

В тот же день в отряде началось обучение подрывному делу. Вася вместе с другими опытными специалистами каждую свободную минуту отдавал этой нелегкой работе. А вскоре представился случай испытать новобранцев в бою...

В селе Машеве располагался большой вражеский гарнизон. Пятнадцать передвижных постов ежедневно выходили патрулировать дороги. Им в помощь оккупанты мобилизовали и мирных жителей. Как только темнота опускалась на землю, над селом взлетал дробный звон колотушек, время от времени освещали небо ракеты, бросая бледный свет на замершие в испуге хаты.

Немцы были спокойны за судьбу гарнизона еще и потому, что в соседнем селе стоял отряд карателей, готовый в любой момент прийти на помощь.

Командование партизан решило совершить смелое нападение на Машево, тем более что Максим Шкурат, тамошний староста, работавший на партизан, давно

уже докладывал о желании сельских подпольщиков ударить по врагу с тыла.

За разработку операции засели начальник штаба Степан Тимошенко и командир разведывательного взвода Иван Плечистый. Прекрасно зная ландшафт, расположение села и места расквартирования главных сил врага, они легко справились со своей задачей.

И вот уже в отряде воцарилась привычная атмосфера подготовки к серьезному испытанию. Большая группа новичков тревожно поглядывала на бывалых партизан, которые деловито осматривали оружие, подгоняли одежду, обувь...

Когда вокруг уже как следует стемнело, из лагеря неслышно выскользнула группа разведчиков во главе с Николаем Жадовцом. Им предстояло проникнуть в село, связаться с подпольщиками и дать сигнал для атаки. Коробко деловито укладывал свое минерское снаряжение, успевая при этом кое-что подсказать новичкам, которые не сводили с него влюбленных глаз. Он был немного обижен из-за того, что его не послали в разведку, но, подчиняясь приказу, с еще большей тщательностью готовился к предстоящему бою.

Пробил условный час, и полторы сотни партизан осторожно вышли из дремучего бора. Майская ночь окутывала колонну синим сумраком, шелестела трава под ногами, время от времени по сторонам вздрагивали потревоженные кусты. Где-то в зарослях щелкали соловьи, далекие от человеческих тревог и забот.

— Быстрее, хлопцы, быстрее! — громким шепотом приказал невидимый в темноте взводный. — Отдохнем на месте!

Но бойцы и без приказа шли споро. Их подгоняло желание разом отсечь тревожную неуверенность, сойдясь в поединке с врагом. Вася поигрывал мускулами, с удовольствием ощущая на плече тугой ремень авто-

мата. А вот мина в руках была тяжеловата. Он беспрестанно перекладывал ее с одной руки в другую.

— Давай понесу, — прошептал чуть ли не в ухо ему Николай Дятлов, которого Коробко взял под свою опеку, почему-то выделив из всех новобранцев.

— Не надо,—отмахнулся Вася.—Не такие носил...

Дятлов отстал, убедившись, что его инструктор не изменит своего решения. Он старался ступать с Васей Коробко нога в ногу, даже в походке подсознательно подражая ему. Слава о подвигах юного разведчика и минера сделала свое дело — ребята так и льнули к нему. Со взрослыми ведь по душам не поговоришь — чего доброго, высмеют за неуемное любопытство, а одногодку можно открыться во всем.

Но вот наконец долгий переход закончен. Колонна рассыпалась, обтекая околицу села и занимая исходную позицию для атаки. Угрюмые хаты тревожно молчали, и гнетущая тревога закрадывалась в сердца бойцов.

Когда громкий стрекот колотушек или свет ракеты достигали цепи залегших партизан, Вася плотнее прижимался к земле, словно хотел совсем слиться с ней. Он уже привык к таким волнующим минутам перед боем, однако, представив, как чувствуют себя молодые новобранцы в этот миг, не сдержал улыбки: наверно, от волос до пяток пробирает их дрожь...

В темное небо взлетели, ярко вспыхнув и постепенно рассыпавшись в прах, три ракеты. Казалось, они ничем не отличались от ленивых «светлячков», которые выпускала немецкая охрана, но Коробко подсознательно понял: наши! Его стремительный бросок почти совпал с раскатистым басом командира, подавшего приказ в атаку...

Где-то в центре села прогремел взрыв, застрочили автоматы, замигали движущиеся огоньки. Уже у ог-

рады крайней хаты Вася услышал свист пуль: враг опомнился и начал давать отпор наступающим.

Но атака партизан была такой неудержимой, что гитлеровцы в темноте не успели сориентироваться, куда бежать, в кого стрелять, где прятаться...

Николай Дятлов, не отставая ни на шаг от Васи, орал во всю глотку, наверное, чтобы отогнать испуг, стрелял не целясь, напропалую.

Коробко заметил, как из темного проема двери выскочили несколько фигур в нижнем белье. Он толкнул Дятлова локтем и шлепнулся в траву, одновременно направляя ствол туда, где темнела одна из фигур. И не ошибся, упредив вражескую очередь. Тут же пули веером просвистели над ними, расщепляя сухие доски в заборе.

Вася еще раз ответил короткой очередью. Чья-то тень покачнулась и упала на землю, другие растворились в окружающей темноте.

Все это малость умерило пыл Николая Дятлова. Прижимаясь к стенам домов, он теперь уже с осторожностью продвигался вслед за Коробко. А бой катился все дальше и дальше, хотя накал его постепенно стихал. Возбужденные партизаны бегали меж плетней, выискивая затаившихся врагов, но никого больше не обнаружили. В некоторых хатах замигали осторожные огоньки, наиболее отчаянные селяне отодвигали засовы и сторожко прислушивались к происходящему...

Наступало утро. Машевцы впервые за время оккупации ощутили свободу и по старой, полузабытой привычке стали стекаться к центру села. Где-то у околицы раздавались заливистый голос гармошки, задорный смех девчат, душевная украинская песня.

Начальник штаба Тимошенко, весело улыбаясь, спросил комиссара Чернуху:

— Харитон Максимович, где прикажете штаб раз-

местить? Места вон сколько, да и каждый сейчас на радостях в хату пригласить не побоится!..

— Ну, пустить-то пустят, а когда мы уйдем и сюда нагрянут каратели, то первыми схватят наших гостеприимных хозяев... Давай уж лучше возле школы...

Вася степенно прохаживался среди молодежи, прислушиваясь к веселым разговорам о недавнем бое, а в памяти стояла тяжелая история, рассказанная об учениках этой школы.

...Еще в августе 1941 года школьники братья Сенчеки и Лантух решили самостоятельно бороться с немецко-фашистскими захватчиками. Время было тревожное, наши войска отходили, а оккупанты еще не учредили свои органы власти. Отчаянные ребята успели сжечь две вражеские автомашины, тайно разобрали тягач пушки, на глазах односельчан убили связиста, который въехал в село на мотоцикле. Однако нашелся предатель и выдал немцам отважных мальчишек. Их долго пытали, а потом сожгли вместе с другими патриотами.

И вот в полдень в здании школы собрался комсомольский комитет на очередное заседание. Можно было сделать это в лесу, но комиссар решил: пусть люди видят, что Советская власть действует, что молодежь не испугалась фашистов.

В просторном классе, пустом, без парт и стола, устроились кто где, на чем попало, а то и прямо на полу, комсомольцы отряда имени Чапаева. Возбуждение от ночного стремительного боя мешало им настроиться на деловой лад. Еще не остыли после горячей работы стволы автоматов.

Доносившийся с улицы шум вливался в разноголосый говор. Вася никак не мог сосредоточиться, чтобы найти слова, которые сразу бы привлекли внимание

товарищей. Наконец он расправил складки гимнастерки и начал:

— Товарищи комсомольцы, прошу внимания.

Разговоры стихли, кто-то поудобнее устраивался у стены, у кого-то глухо звякнуло оружие...

— Я не буду рассказывать о том, что мы успели сделать за последние месяцы. Сами знаете, куда бы нас ни посылало руководство отряда, комсомольцы никогда не подводили. Наши разведчики, подрывники, стрелки всегда ведут себя бесстрашно в боях с фашистами, и это не раз отмечалось в приказах командования. Новички должны это знать. А теперь давайте примем обязательство...

Вася немного помолчал, взял лист бумаги и стал торжественно читать:

— «Мы, комсомольцы и несоюзная молодежь легендарного Чапаевского отряда, вдохновленные героическими подвигами Красной Армии на фронтах войны и в честь двадцать пятой годовщины нашей организации, обязуемся: до 29 октября 1943 года комсомольско-молодежными группами подорвать пятнадцать поездов, десять железнодорожных мостов, двадцать автомашин врага, вывести из строя сто километров железнодорожного полотна и сто километров линии связи, уничтожить скипидарный завод в Стародубском районе, беспощадно громить фашистов. Вызываем на соревнование комсомольские организации Ленинского и Сталинского отрядов Черниговского областного партизанского соединения Николая Никитовича Попудренко».

Коробко отложил текст обязательства и взглянул на юных партизан. Торжественное настроение, казалось, передалось всем. Глаза у ребят горели, словно на них падал отсвет пламени будущих сражений.

— Будут возражения? — спросил он.

— Нет!..

— Какие тут возражения? Бить фашистов, и все!

— Принимаем единогласно!

Вася облегченно вздохнул: выступать он не особо умел. Лучше бы еще один поезд на мине подорвать, чем вот так стоять под взглядами своих ровесников.

— Ну, тогда за дело... — сказал он.

Поздно вечером партизаны оставили село, хотя каждому хотелось побыть еще хоть денек в тепле домашнего уюта, понежиться в мягкой постели, но такую роскошь никто себе не мог позволить. Пока враг топчет родную землю, их долг — не давать ему ни минуты покоя.

Уже почти дойдя до опушки леса, Коробко оглянулся. Возле крайних хат стояла большая группа детворы, прощаясь с теми, кто так смело разорвал оковы их неволи, разметал фашистов. Вася помахал ребятишкам рукой и трусцой побежал догонять колонну.

Спустя некоторое время почин комсомольцев отряда имени Чапаева был подхвачен всеми частями соединения. Комитет комсомола обратился к юным чапаевцам с письмом, в котором были такие строчки: «Мы верим в ваш героический успех. Дорогие товарищи чапаевцы! Не давайте обнаглевшему врагу ни минуты покоя, срывайте все его планы, уничтожайте введенные в селах органы «нового порядка», пускайте под откос немецкие эшелоны с войсками и грузами, бейте, уничтожайте, душите гитлеровских собак, боритесь за скорейшее освобождение нашей священной земли от поганой немчуры. Смерть немецким оккупантам!»

ГЛАВА XV

Оккупанты в очередной раз обдумывали нелегкий вопрос: как навести порядок у себя в тылу? На фронтах они терпели поражение за поражением, и гитле-

ровское командование старалось сделать все возможное, чтобы остановить стремительное наступление советских войск. Ясное дело, не забывались при этом и тыловые коммуникации, которые обслуживали фронт. А черниговские партизаны наносили чувствительные удары, особенно по железным дорогам, путали все планы врага.

И тогда командование группы «Центр» выделило для борьбы с ними полностью укомплектованную дивизию, которую и начало спешно перебрасывать в черниговские леса из Глухова. Немецкие воинские подразделения двигались к Щорсу, Мены, Новгород-Северскому, постепенно окружая места базирования партизанских отрядов. Казалось, теперь не было путей к выходу из плотного кольца...

В те тревожные дни перед руководством партизан встала дилемма: или прорываться в другие лесные массивы, или создать заслон, через который не могли бы пробиться в дремучие чащи большие вражеские силы. Решили остановиться на втором варианте.

Коробко пригласили в землянку, где находился штаб Чапаевского отряда. Он не знал, зачем его зовут, но уже привык к таким срочным вызовам и был готов ко всяким неожиданностям. Одернув гимнастерку, Вася шагнул через порог и четко отрапортовал:

— Партизан Коробко по вашему приказанию прибыл.

В землянке было двое — Костюков и Чернуха. Комиссар махнул ему рукой:

— Садись, Васек!..

Коробко присел на лавку и спокойно ждал, что прикажут ему на этот раз. Комиссар Чернуха поднялся, прошелся по землянке и остановился рядом с ним.

— Знаешь, тебя представили к ордену Ленина.

— За что? Разве других нельзя было награ-

дить?.. — засмущался Вася, он хотел встать, но ладонь комиссара ласково легла ему на плечо.

— Другие тоже свое получат. А вот мы с командиром решили, что и ты за свои подвиги такую высокую награду заслужил. Ну да не об этом сейчас речь, — снова принялся ходить по землянке комиссар. — Немцы хотят зажать наш отряд в кольцо возле Семеновки...

— Знаю. Но этому не бывать! — приподнялся с лавки Коробко.

— Мы тоже надеемся, что у них ничего не выйдет. Но для того чтоб поломать им все планы, следует проучить оккупантов, отбить у них охоту соваться в лес. Ваша группа должна хорошенько потрудиться, чтобы отрезать все дороги сюда. По нашим данным, немцы будут лезть через переправы на Убеди и Слоте, другого пути нет. Так вот, сделайте так, чтоб от мостов остались одни воспоминания. Задание нелегкое, каратели уже рыщут в тех местах, вот мы и решили дать вам в подкрепление лучший стрелковый взвод Михаила Скидкова.

— Да разве мы сами не пролезем?

— Сейчас не время рассуждать, — вмешался Костюков. — Другого выхода нет, взорвать переправы надо немедленно.

— Ясно, — ответил Коробко. — Когда выступать?

— Как можно скорее. Берегите людей. Действовать будете самостоятельно и решать все неотложные вопросы тоже. Думаем, что и в этот раз вы наломаете немцам спиц в колесах!

— Да уж постараемся...

В тот же день группа подрывников вместе со стрелковым взводом должна была отправиться на боевое задание. Скидков и Коробко расписались в журна-

ле и подали команду к выступлению. Высокий лейтенант шагал широко, и Вася, чтобы идти с ним в ногу, прилагал немалые усилия.

Провожавший группу Костюков заметил, как Черннуха вдруг резко отвернулся и поднес руку к лицу. По его щеке сбежали вниз две большие слезинки, и Харитон Максимович торопливо, украдкой от соседа, смахнул их широкой ладонью.

— Что с тобой? — удивился Костюков.

— Ах, не спрашивай, — с горечью ответил комиссар. — Честно говоря, жаль мне Василька. В огонь идет. А посмотри, он вдвое меньше Скидкова.

— Да, нелегко им будет, но ты же знаешь, на карту поставлена судьба отряда. Не печалься, — локтем подтолкнул комиссара Костюков. — Васе рано умирать, он еще Звезду Героя поносит...

Партизанская группа стремительно продвигалась по знакомым местам. Где-то далеко позади остался родной лагерь, миновали тихие хутора, наконец остановились у села Козыливка, выслав вперед разведку. Вася, лежа на опушке, видел, как двое парней скрылись за крайними хатами, и с тревогой ждал. Если возникнет стрельба, придется поспешить на выручку.

Но проходили долгие минуты, а над селом царила тишина. У околицы показалась фигура одного из разведчиков. Он махнул рукой, подзывая основную группу. Значит, все спокойно, можно двигаться дальше.

Михаил Скидков еще загодя подсчитал, что пешком, как бы они ни старались, засветло переправы им не достичь, выручить их могло только какое-либо средство передвижения. Поэтому, отмахав уже немало верст, партизаны решили одолжить у селян коней, проскакать на них большую часть пути, а потом вернуть хозяевам.

В серых рассветных сумерках они едва разыскали

нужных людей, уговорили их осуществить задуманное, и через некоторое время вся группа в сопровождении проводника, который должен был возвратиться с лошадьми обратно, заторопилась дальше.

В Жуклю прибыли утром. Каким-то чутьем угадав, что в селе нет карателей, всадники промчались по главной улице, рассыпались между хатами. Кучка полицаев, сразу почуяв неладное, мигом исчезла, скорее всего, бросилась искать спасения в Рейментаривцах, где стоял венгерский батальон.

Жуклянцы встретили отряд настороженно. Уже одно то, что в округе было чересчур много карателей, тревожило местных жителей. Они боялись повторения трагедии Корюкивки, которую фашисты сожгли дотла. С опаской поглядывая друг на друга, селяне все-таки накормили своих ранних гостей, собрали им кое-какой харч в дорогу.

Скидков, решив не подвергать лишней опасности гостеприимных хозяев, сразу же приказал собираться в путь. Маскируясь, группа незаметно вышла из села. Уже когда оно скрылось за редколесьем, Скидков передал по цепи, что надо поглубже забираться в чащу, где можно будет передневать и отдохнуть. Кто-то из партизан вспомнил, что бывал в этих местах раньше, и решительно повел измученных переходом людей по извилистому лесному оврагу.

Впереди блеснуло сквозь лесную зелень довольно большое озеро. Густой камыш выбросил высоко вверх пепельно-коричневые метелки и покачивал ими при малейшем дуновении ветерка. Многочисленные кувшинки разбросали свои широкие листья-ладони, на которых лежали желтые и белые цветки. Низкий бережок так и манил к себе первозданной прелестью, хотелось упасть лицом в траву и забыться в этом мирном, тихом уголке, где, вдали от войны, так хорошо жилось деревьям и кустам, цветам и травам...

Васю тянуло сорвать с себя тесную одежду, автомат, тяжелые мины, которые кособочили его мальчишеское тело, и прыгнуть с разгона в озерную воду, поплыть туда, к противоположному берегу, очертания которого скрывались в таинственных зарослях. Однако он лишь устало опустился под соснами, сомкнул глаза и все никак не мог отдышаться... Бессонная ночь давала о себе знать, и по выработанной годами привычке Вася старался как можно быстрее восстановить силы — кто знает, что ждет их через час. Может, снова придется брести лесными чащами, а то и отбиваться от карателей.

Сам не заметив как, он крепко уснул.

Проснулся примерно в полдень, будто кто толкнул его в бок. И эта привычка тоже выработалась в нем во время трудных переходов — он мог забыться, сидя в сугробе или топком болоте, временами даже ловил себя на мысли, что дремлет на ходу и не падает, не забывает, куда и зачем идет. Чувство опасности в миг прогоняло вялость, равнодушие, мысль работала четко, с предельной ясностью. И в этот раз среди привычных звуков леса сразу же различил он чей-то незнакомый голос и рывком поднялся на ноги.

Возле Скидкова стояла девочка лет двенадцати. Дозорный, который привел ее к временному лагерю, с наслаждением потягивал самокрутку — в секрете ведь не подымишь. А командир взвода расспрашивал:

— Так, говоришь, в село немцы прибыли?

— Да, целых девять машин с пушками.

— А откуда же тебе известно, что именно девять?

— Мама сказала. Она и послала меня сюда, предупредить вас. В Жукле сейчас такое творится... Полицаи людей допрашивают, а староста приказал двоим в лес идти, вас разыскивать, а потом немцев на след навести.

Вася не спеша подошел к ним. Девчонка прервала разговор, удивленно окинула его взглядом и неожиданно спросила:

— А ты чей? И ты тоже партизан?

— Как видишь, — покраснев, ответил Коробко.

— Разве в партизаны и мальчишек берут?

— Был бы мальчишкой, не взяли бы, — как можно солиднее ответил Вася. — А так—я уже старый, только еще не вырос...

— А в партизанах не страшно? — наивно спросила маленькая гостья.

— Всякое бывает. Разве тебе отец никогда не рассказывал, как в бою приходится?

— Нет сейчас с нами отца, — вздохнула девочка.— На фронте фашистов бьет. Мама говорит: кто знает, живой ли?..

— Живой, девочка, живой, — успокоил ее Скидков, ласково глядя на отважную вестницу. — Ты вот что, беги обратно в село. А то, если заметят, что тебя нет, не миновать беды...

— Да я и сама собираюсь, — засуетилась девчушка. — Я уже иду, а вы здесь будьте поосторожнее.

— Постараемся. А тебе спасибо, деточка. И маме передай нашу благодарность.

Скидков пожал маленькую ручонку и кивнул дозорному, чтобы проводил гостью из лагеря, а сам стал поднимать разморенных сном партизан.

Проходя мимо, девчонка бросила быстрый взгляд на Васю, будто все еще не верила, что перед ней настоящий партизан. Коробко вынужден был для вящей убедительности взять в руки автомат... Девочка прощально помахала ему рукой и, одернув старенькое платьице, засеменила впереди дозорного; через минуту оба они скрылись из виду.

Однако не успели партизаны выслушать сообщение взводного, как снова затрещали сучья и на берег

озера выбежала побледневшая, с растрепанными волосами девчонка. Она сразу же бросилась к Скидкову.

— Товарищ командир, я узнала их, я узнала их! Они идут к вам!

— Кого узнала? Кто идет? — переспросил взводный.

— Два наших полицая. Только они переоделись, а я их все равно узнала.

— Ну что ж, гостям мы всегда рады... — многозначительно сказал Скидков. Оглянувшись вокруг, он крикнул: — Жадовец, Писаный, Дежков, Бондаренко, прошу встретить! Только без шума!

— Есть! — И партизаны направились туда, откуда только что вернулась запыхавшаяся девчонка.

Вася хотел тоже пойти вслед за друзьями, но властный взгляд взводного остановил его.

А тем временем четверо партизан продрались сквозь кусты орешника и затаились возле густо поросшей травой тропинки. Солнце пригревало сильней и сильней, пронизывая лучами густые кроны. Одурманивающе пахло растопленной живицей и болотной сыростью. Не слышно было ни птичьих песен, ни шума ветвей.

И вдруг где-то неподалеку треснул сушняк... В просвете, заплетенном сверкающей паутиной, показались две молчаливые фигуры. Партизаны переглянулись. они!

Незнакомцы, озираясь по сторонам, шли к озеру. Ни автоматов, ни ружей у них не было, но у первого, как только солнечные лучи упали на него, что-то блеснуло в руке...

«Похоже на финку», — подумал Жадовец и сразу же вспомнил, как учил их Шахов обезоруживать врага.

Одними лишь взглядами ребята договорились, кто кого берет, и, как только «гости» поравнялись с за-

садой, из кустов на них молниеносно бросились партизаны. Первый из полицаев отчаянно попытался вырвать руку, но финка со звоном отлетела далеко в траву, а разведчик Писаный так заломил руку второму, что тот не сдержался и заорал:

— Ой, больно! Да отпусти же, отпусти!

— Ничего, потерпишь до смертной годины,—деловито ворчал Марко Иванович, крепко связывая руки своему пленнику. — Еще не так придавим, погоди...

— Да чего ты своим кости ломаешь! — увидев красные ленты на фуражках, начал играть роль полицай.

— Знаем мы таких «своих», — наподдал ему Писаный. — Давай шевелись, собака, пойдешь туда, куда лез вынюхивать!

Скидков исподлобья глянул на связанных полицаев. Ему хотелось сразу же пустить каждому из них пулю в лоб, такая ненависть к предателям обожгла душу. Это же из-за таких подлецов горят села, умирают в огне дети, старики и старухи, из-за них частенько захлопываются двери хат перед партизанами, потому что народ опасается: увидят и выдадут, и сами же замучают...

Скидков пересилил себя, внимательным взглядом обвел полицаев и равнодушно спросил:

— Нашли, что искали?

— Да что вы, товарищ командир!—с деланной радостью чуть ли не заплясал на месте один из них. — Мы как раз и шли к вам. Надоело прятаться, му́ки терпеть.

— Оно и видно, — криво улыбнулся взводный, имея в виду их гладкие, откормленные физиономии.— А почему же вы вчера, когда мы были в Жукле, с нами не пошли?

— Потому что мы... мы..., — не нашелся что ответить полицай.

— Потому что вы ночью удрали, а днем карателей привели! — сорвался Скидков. — Хватит голову морочить! Вася, давай сюда девочку!

Коробко, который скрывался до этого за густым кустом, вывел на берег озера жукленскую девчонку. Она вдруг испуганно схватила его за рукав, закричала из-за Васиной спины:

— Это они, полицаи, из нашего села они! Ой, что теперь будет! Они маму повесят, хату сожгут! Не отпускайте их, дяди партизаны!..

— Ну, что теперь скажете? — сурово спросил Скидков. — Так, говорите, к нам шли? Воевать захотелось?

— Да мы в полиции только для проформы, — попробовал снова выкрутиться один из полицаев. Однако другой неожиданно дюжим ударом плеча повалил его на землю и захрипел, впиваясь зубами в толстую веревку:

— Да замолчи, подлянка! А ты чего глаза таращишь? — закричал он на Скидкова. — Сегодня ваша взяла, завтра наша! Оба в этом лесу останемся, так что не тешься! Эх, если б руки были не связаны, я показал бы тебе на прощание!

— Расстрелять! — оборвал его злобное рычание взводный и отвернулся к озеру.

— Ясно, товарищ командир! — ответил Жадовец, ударом приклада подталкивая предателей: — Шагайте туда, откуда пришли!

Через несколько минут группа возвратилась, выполнив приказ. Опустившись на траву, Марко Иванович все никак не мог успокоиться, трогал Коробко за плечо и приговаривал:

— Вот мерзавцы! И как их земля носит?

— Сколько таких перевидали... — отмахнулся Жадовец. — А ты не сдрейфил, когда кинулся на того, с финкой. Знаешь, что такое «сдрейфил»?

— Знаю. Это когда плавать не умеешь, а плывешь в трухлявой лодке по глубокой и широкой речке, и вдруг дно у лодки выпадает, вода заливает ее и...

— Молодец! Правильно! А ты все плывешь, будто ничего и не случилось.

— А я все плыву и выбираюсь на берег...

— Ну и черт с ним, с дном! Главное — чтоб борта были в руках!

Оба шутливо схватились, принялись бороться, словно хотели снять нервное напряжение. Вася улыбался, глядя на них, а сам все никак не мог забыть удаляющуюся хрупкую фигурку девочки, которую скрыли от него кусты можжевельника. И, вспомнив, как она дрожала, увидев полицаев, как неистово кричала, спрятавшись за его спину, решил: правильно-таки партизаны сделали, укоротив век полицаям. Теперь уже никто не донесет на девочку, когда она возвратится к своей матери...

Каратели так и не решились в тот день прочесывать Жукленский лес.

Дождавшись темноты, партизаны осторожно двинулись к переправе. Вася со своими друзьями шел в конце небольшой колонны. Тяжелая мина снова перекособочила его, однако он знал, что ему нужно дойти, нужно умело заложить тол и взорвать вражеский объект. Судьба родного отряда во многом зависела от него, и эта ответственность придавала ему силы.

Ночь выдалась хмурая. Откуда-то налетели тучи, окутали все небо, только одиночные звезды то поблескивали в синих прогалах, то мигали сквозь тонкую пелену. В сплошной мгле партизаны подошли к речной пойме. Залегли. Скидков приказал двум разведчикам двигаться туда, где светились огоньки фонариков в руках часовых.

Сколько их, тех, с кем придется скрестить оружие этой летней ночью? Мирно им с ними не разойтись...

Впереди во мраке что-то зашевелилось, и трое партизан скатились к ним в балку, на дне которой тихонько похлюпывала вода.

— Что там? — шепотом спросил Скидков возвратившихся разведчиков.

— Четверо фрицев на мосту, в будке. Наверно, еще несколько есть, по голосам слышно.

— Так, — задумался взводный. — Значит, делимся на две группы. Подползем к самому мосту. Ни малейшего шума! По моей команде накрываем всех сразу! Коробко со своими в бой не ввязывается.

— Почему это? — обиделся Вася.

— А потому, что ваше дело совсем другое, в огонь сдуру нечего лезть. Ясно?

— Да ясно, — буркнул Вася и недовольно заерзал по траве.

Партизаны призраками растаяли во мраке. Вася еще и еще раз ощупывал на боку округлую мину и вслушивался в ночь.

Где-то вдалеке прозвучал дикий окрик: «Хальт!» — и в тот же момент потонул в автоматном лае. Вспыхивали и гасли огоньки выстрелов. Гулко разорвалась граната, и, запылав, в воздух взлетела сторожевая будка.

Еще один разрыв партизанской гранаты, еще... И — тишина, которую теперь нарушали только голоса партизан.

Вася первым помчался туда, где еще несколько секунд назад кипел смертельный бой. Языки пламени облизывали расщепленные доски — все, что осталось от будки. Черными бугорками лежали на мосту вражеские трупы.

— Наши все живы? — спросил Коробко, остановившись у настила.

— Все! Теперь вы, хлопцы, давайте пошевеливайтесь, — ответил Скидков.

— За нами не пропадет. — весело отозвался Вася и ловко нырнул под опоры моста.

Привычными движениями он быстро нащупал сваю. Над самой водой, которая приятно холодила ноги, Вася туго приладил смертоносный заряд, вставил в гнездо детонатор и побежал на берег, разматывая бикфордов шнур.

Партизаны, отрывисто переговариваясь, отошли от моста в сторонку.

— Еще дальше уходите, а то кого-нибудь случайно поцарапает! — прокричал в темноту Вася.

Он радовался тому, что все так хорошо сложилось, что сейчас наступил черед и ему сказать свое слово, да такое громкое, что услышано оно будет отсюда во всех окрестных селах. Пусть знают каратели: напрасно надеются они уничтожить народных мстителей, руки у них коротки!..

Огонь от спички переполз на шнур, который сначала затлел, потом зашипел, и вот маленькая розовая струйка медленно потекла в темноту. Вася еще немного подержал его на ладони, опустил в траву и бросился догонять товарищей.

Уже когда он, запыхавшись, вбежал в лес и остановился, глядя назад, на реку, над ней прокатился громовой взрыв. Смерч огня поднял мост, который через мгновение разлетелся в щепки, и лишь эхо катилось и катилось во все концы.

— Все, накрылся, — весело подвел итог Скидков.— А теперь вперед, потому что любоваться некогда, еще не в одном месте нас ждут...

Маленькая колонна партизан тотчас скрылась в глубине леса. А за ними в ночном мраке до неба разрастался пожар, и потревоженные птицы носились над полыхающей землей...

За несколько дней диверсионная группа Васи Коробко выполнила еще одно задание: уничтожила семь

мостов, пустила под откос вражеский эшелон и в придачу записала на свой боевой счет грузовую автомашину с торфом.

ГЛАВА XVI

Летние дни дышали зноем. В своем буйном цветении природа словно совсем не ощущала всех тех суровых испытаний, которые выпали на долю человека, а он, казалось, равнодушно внимал ее зеленому празднику. Немцы пытались удержаться на чужой богатой земле, ценой смерти и крови утвердить на ней звериный порядок, а советские люди боролись против них со всевозрастающей силой и упорством.

Две страшные зимы остались позади, настало третье военное лето. Все больше и больше было уверенности у партизан в окончательной победе над врагом. Фашистская армада истекала кровью. Иллюзии гитлеровцев на реванш под Курском и Орлом так и остались иллюзиями.

Наши войска постепенно приближались к древним черниговским равнинам. В небе все чаще появлялись советские самолеты. Полыхали станции Унеча, Новозыбков, Гомель, Почип. Ночи кровавились от бесчисленных всполохов. Сориентированная ракетами партизанских разведчиков, авиация уверенно сбрасывала бомбы прямиком на вражеские объекты.

Вася Коробко, как и все другие в отряде, не имел ни минуты покоя. После ночных рейдов, коротким сном уняв усталость, он принимался готовить новые мины, обучение начинающих подрывников минному делу тоже было его заботой.

Вот и сегодня Васе было не до сна. Он сидел под раскидистой ольхой у брезентовой палатки и печально смотрел на лагерь, совершенно пустой, тихий. Не-

подалеку клокотал в закопченных ведрах борщ. Дым от костра тянулся вверх, смешивался с пахучим паром.

Васе хотелось забыться, чтобы развеять душевную тоску. Уже никогда больше не подсядет с котелком к ребятам его товарищ Виктор Бочаров. Подобрались как-то к лагерю каратели, принялись нещадно крошить лес свинцом. Кто-то из партизан тревожно крикнул: «Со стороны Клевиного движутся автоматчики и бронетранспортеры!»

Вася вместе с другими метнулся туда.

Когда он, задыхаясь от духоты, добежал до опушки, бронетранспортеры уже ползли по лесу. Вася залег за огромным дубом и стал поливать карателей из автомата. Вдруг он увидел, как, вздрогнув, затих его сосед по цепи Виктор Бочаров. Вася подполз к нему, взвалил себе на спину неподвижное тело и потащил к лагерю.

В зарослях он остановился, припал ухом к груди товарища, окликнул его по имени. Но тот не отзывался, только приглушенно стонал. Затем попытался приподнять голову, словно хотел что-то сказать, и не успел — умолк навеки, вбирая застывшими глазами синеву небес.

И вот сейчас, как только из-за туч показывалось ясное солнце, Васе вспоминалась та роковая минута.

Нет, все же смерть бессмысленна, особенно когда приходит так преждевременно. Казалось, Коробко должен был уже привыкнуть к ней — столько страданий вынес за эти годы, — но каждый раз, когда ледяным холодом дышала она ему прямо в лицо, становилось невыносимо жутко...

Хлопотливые дрозды посвистывали в ветвях над головой Васи. Они были заняты своими делами — в гнезде, попискивая, просили пищи птенцы, и заботли-

вые родители летали туда-сюда, нося маленьким обжорам корм.

Наблюдая за порханием пернатых, Вася наконец отвлекся от тяжелых воспоминаний. Он пошарил в вещевом мешке, наткнулся пальцами на черствую краюху и покрошил хлеб невдалеке от гнезда. Но дрозды, не обращая внимания на Васино угощение, продолжали свои челночные полеты.

Тогда Вася достал кинжал и воткнул его в суховатый песок. Где-то там, поглубже, должны быть дождевые черви. Надо отыскать их. Может, дрозды на такой харч клюнут? Ему припомнилось, сколько раз ходил он в сырые луговины до войны, чтоб запастись наживкой для рыбной ловли. Как давно это было!.. Есть ли сейчас где-либо хоть один мальчишка, который спокойно собирается на речку? Война, всему помехой война. Придется ли ему еще когда-нибудь вот так безмятежно помечтать о речке, о тихих всплесках рыбы в чистой воде, о первом рассветном лучике на густой и тяжелой, как ртуть, кристально чистой воде?..

Птицы осторожно стали кружить над кучкой червячков, которые, извиваясь на песке, пытались снова зарыться вглубь. Первой неподалеку от Васи опустилась дроздиха. Ворочая головкой, она украдкой поглядывала на мальчишку, соображая, нет ли здесь какой опасности, а потом клюнула червячка и вместе с ним взлетела вверх, к гнезду.

Весело запищали птенцы, и у Васи стало тепло на сердце — все-таки птицы корм взяли, не побоялись его, поверили, что он не сделает им беды!

Дрозд тоже принялся за дело и через минуту от червячков не осталось и следа. Тогда Вася принялся копать землю с другой стороны дерева.

За этим занятием и застал его Чернуха и еще издалека крикнул:

— Кому яму копаешь? Не Гитлеру ли?

Коробко оставил работу и улыбнулся:

— Он побоится сюда нос сунуть. Видишь вон? — показал он на ольху.

Чернуха посмотрел вверх. Густые ветви покачивались от легкого ветерка, раскидистая крона нависала над поляной и отбрасывала тень на свежую после вчерашнего дождя траву. Однако как он ни всматривался, ничего не заметил такого, что привлекло бы его внимание.

— Ничего не вижу.

— Сейчас увидишь, если не слепой, — ответил Вася и еще энергичнее принялся орудовать кинжалом.

Чернуха, присев у палатки, наблюдал за Васей, потягивая самокрутку. Вверху радостно перекликались птицы, шелестела густая листва. Небо, чистое с утра, вдруг начало затягиваться тучами. Стало труднее дышать.

— Что-то парит. Не к грозе ли? — сказал Чернуха.

— Точно, к ней, — ответил Коробко. — Мне учитель когда-то говорил: если тучи идут против ветра, значит, жди грозу.

— Жди не жди, а если захочет, придет в гости. Сейчас нам это не страшно — к вечеру обсохнем. Как бы ночью не полил. Тогда будет похуже... Ну так что же ты здесь все-таки делаешь?

— Сейчас увидишь. — Вася присел на корточки рядом с Чернухой.

Воздух с каждой минутой тяжелел, насыщался влагой, точно не заметные глазу капли дождя зависали вокруг, сжимали грудь, не давали свободно дышать. Разморенный духотой, Чернуха увидел, как над ямкой затрепыхали крыльями два дрозда, скрылись в траве и тут же взлетели на дерево. И еще он заметил в их клювах длинных извивавшихся червяков.

— Ну и что же тут такого? — искренне удивился он, посматривая на Коробко.

— Эх ты! — обиделся Вася и отвернулся. — Неужели не видишь, что птицы ко мне привыкли? Поначалу боялись, кричали. А вот когда я показал, что ничего им не сделаю плохого, щебечут совсем подругому. Значит, поверили мне...

— Это еще посмотрим — поверили или нет,—не согласился Чернуха. — Ты накопал им червячков, подкинул и думаешь, что все так просто. Попробуй к гнезду подойти — глаза выклюют. Не посмотрят, что купил наживкой...

— А нечего и смотреть, — отмахнулся Вася. — Если и к тебе кто-либо в хату полезет, ты не будешь хлеб-соль выносить на порог. Так и птицы... Главное, чтоб привыкли к людям, чтоб нам доверяли.

— Поверят, жди, — не отступался Чернуха.— Да что там болтовню разводить! Пусть себе едят. У меня, хоть я и без крылышек, тоже появилось желание чтонибудь перехватить. А тебе должен сказать: дрозд не та птица, чтоб так легко поддаться на приманку.

— А твои голуби почему к сумке привыкли? Живут же при тебе, не улетают...

— Ну, голуби далеко не улетят — привыкли. Так это же голуби! Они с давних пор живут в дружбе с человеком. Ты ведь и сам до войны имел не один десяток турманов... Да хватит об этом, пойдем поедим, юный натуралист! — шутливо толкнул он Васю плечом.

Ведра быстро пустели, люди, вернувшиеся с заданий, рассаживались прямо на траве и аппетитно хлебали пахучий партизанский борщ. За веселым гомоном и взмахом ложек лесовики даже не заметили, как небо стало совсем черным, и опомнились лишь тогда, когда раскатисто громыхнул гром.

И, словно по его сигналу, хлынул проливной

дождь. В котелках сразу забулькало. Огонь под ведрами с остатками борща зашипел и погас. Весело переговариваясь, намокшие лесовики кинулись кто куда, ища хоть какого-нибудь укрытия. Вася с Чернухой опрометью влетели в брезентовую палатку.

А над Ольшанкой творилось что-то и впрямь необычное. Вася присел у входа в палатку и внимательно смотрел в щель. Молнии, как змеи, извивались вверху и, казалось, с грохотом падали вниз.

Дождь то мелко сеялся, то сплошным потоком обрушивался на поляну. Ведра на треногах качались до тех пор, пока по самые края не налились водой и не потяжелели. Порывы ветра гнули деревья до земли, и как только на минутку затихал гром, слышался жалобный скрип надломленных веток.

Гроза бушевала недолго. Еще сердито ворчали громы, медленно уходя все дальше за горизонт, еще случайные молнии вспыхивали над лесом, но тяжелые тучи уже уступали место белым стремительным облакам.

Наконец выглянуло солнце, одарило влажную землю радостным сиянием, рассыпало мириады блесток по листьям и травам. На поляну выскакивали взбудораженные грозой партизаны, гонялись друг за другом, стряхивая дождинки с веток. Повара принялись выливать воду из ведер и приводить в порядок свое нехитрое хозяйство. Веселые голоса и хохот долго еще звучали в лесу, словно уже не было войны.

ГЛАВА XVII

Наступил вечер, а Вася, склоненный над потертой ученической тетрадью, все никак не мог оторваться от своего занятия. Он ерзал из стороны в сторону по пню, подкладывая под себя старый, порванный во

многих местах ватник. Фуражка лежала в траве рядом, ветер лохматил густой мальчишеский чуб. Вася отбрасывал его со лба взмахом головы, приглаживал пятерней и снова крепко стискивал пальцами карандаш.

Проходила минута за минутой, страницы покрывались кривыми строчками, потом неровные от раздражения линии напрочь перечеркивали все написанное. Дело двигалось плохо. Оказывается, не так легко написать несколько строчек, чтобы они стали песней.

Ему вдруг страстно захотелось рассказать о подвигах отважных партизан. Кажется, все было известно, пережито им самим, так и рвалось из души наружу, но как ни старался, а песня не получалась. Эх, что ни говори, а все-таки нужен талант!

Раздался легкий шелест, и за его спиной остановилась Лида. После того как он подарил ей платок, между ними установились странные отношения. Васю не однажды тянуло подойти к девушке, сказать ей что-нибудь приятное, радостное, но он боялся насмешек. Еще скажут — девчатник и не упустят случая позубоскалить.

Вот и получилось — при встречах с ним девушка смущалась и отводила взгляд, а Вася старался поскорее удрать куда-нибудь подальше. Если он и заговаривал с Лидой, то только о своих делах на железной дороге или о Викторе, с которым сдружился в последнее время еще больше.

— Ну чего тебе? — спросил Вася с нарочитой грубостью, пряча тетрадку. В душе он искренне обрадовался приходу девушки.

— Ничего, — ответила Лида и потупилась. — Я просто так пришла, увидела, что ты один сидишь...

— Ну и что с того, что один?

— Да ничего, — обиженно подняла глаза Лида. — Разве к тебе уже и подойти нельзя, к такой важной птице? Другим же можно...

— Так то другие, они по делам. А тебе... — запнулся он на полуслове и покраснел, чувствуя, что говорит совсем не то, что не должен так разговаривать с Лидой после всего случившегося, после того пугливого поцелуя. И вообще, почему ему надо сторониться ее?

— А я, может, тоже по делу. Только ты не задирай нос, хорошо? Я пришла сказать, чтоб ты берег себя. Ты же сумасшедший. Мне Виктор говорил, что ты опять под пули лез. Вася, слышишь меня?

Коробко готов был сквозь землю провалиться от этого девичьего тревожного шепота. Он оглянулся вокруг — нет ли кого поблизости? — но все были заняты своими делами и не обращали на них никакого внимания.

— Да слышу, — ответил уже мягче и ощутил, как голос его непослушно дрожит, а сердце в груди так и колотится, будто хочет выскочить наружу. — Если надо не зевать, ну, понимаешь, если обстановка так складывается...

— Но для других же она не складывается, — не поверила Лида. — Просто ты сумасшедший, вот и все. А знаешь, мне... мне будет страшно, если с тобой что-нибудь случится, — скороговоркой выпалила девушка и кинулась прочь от него, путаясь в длинной сермяжной юбке.

— Лида! — Парнишка вскочил с пня. Тетрадь соскользнула в траву, ветер тут же набросился на нее и зашелестел страницами. — Лида, спасибо тебе! — крикнул ей вслед.

Спустя некоторое время у штабного шалаша собралась группа партизан: Костюков, Яшин, Шахов и трое разведчиков — Жадовец, Дежков, Коробко. Жда-

ли еще Сахариенко. Командир разведчиков нетерпеливо посматривал на часы и едва сдерживал себя, чтоб не выругаться. Тройка коней, готовых в дорогу, уже стояла наготове.

— Где его черт носит? — спросил Шахов.

— Не беспокойся, Алексей Евдокимович, сейчас будет, — успокоил его Яшин. — Со своими, видать, прощается, не на свадьбу ведь отправляемся.

— Да оно-то так. Только ночи сейчас короткие, а впереди шестьдесят километров. Не только кони — всадники в мыле будут.

В эту минуту послышался быстрый топот, и возле них остановил коня Сахариенко. Он соскочил на землю и стал оправдываться:

— Виноват, задержался. Отец не давал своего любимца, услышал, как тот упирается, ржет...

— Нашли время к лошадям прислушиваться! — сплюнул Костюков. — Что малый, что старый... Ну, хлопцы, теперь слушайте. Повторяю еще раз подробнее. Запоминайте. В Новгород-Северский на днях должен прибыть какой-то важный чин из самой ставки Гитлера. Нам приказано любой ценой уничтожить его. Надо так подготовить операцию, чтобы исключить провал! — И улыбнулся: — Разве что сам взлетит на воздух, без нас, по щучьему велению. В вашем распоряжении будут проводники, которые перепоручат вас верным людям, а сами вернутся обратно. Направляйтесь сначала в обратную сторону — на Стародуб: если в отряде есть вражеский лазутчик, чтоб и он ничего не заподозрил. Потом свернете к городу. Все разузнайте: произошли ли какие-либо изменения в гарнизоне, готовятся ли уже к встрече. Вам помогут наши люди из подполья... И немедленно, сразу же, назад!

Возвратились разведчики на четвертый день. Уже на опушке, словно предчувствуя неладное, усталых

ребят встретил старый Сахариенко. Глянул он на них и сначала обрадовался, увидев сына живым, а потом вдруг нахмурился:

— А где мой буланый? Где мой любимец, я тебя спрашиваю?

Виктор вымученно улыбнулся и заерзал на спине приземистого — ноги врастопырку — коня.

— Понимаете, батя, нет его. Напоролись мы на засаду, еле сами ушли...

— Ой, горечко мне! — заголосил старик, схватившись руками за голову. — Не чуяла ли моя душа, что быть беде? Он ведь так жалобно ржал, так вздыхал, будто сказать что-то хотел. Где же мне еще такого красавца взять? Как же ты, поганец, не уберег коня? Подожди, я еще с тобой поговорю! — кулаком погрозил он сыну.

— Да перестаньте вы при людях кричать! — рассвирепел Виктор. — Может быть, он жизнь мне спас, а вы убиваетесь. Хватит вам на весь лагерь голосить! Лучше уж ударьте чем-нибудь...

— И ударю, думаешь, побоюсь? Я тебе отец, а не кто-нибудь...

Утомленные разведчики неторопливо направлялись к своим шалашам, а старик все не мог успокоиться, вспоминал, каким добрым был его красавец буланый и как не берегут несчастных животных пакостные хлопцы, а если бы кони могли говорить, было бы еще неизвестно, кто умнее — они или люди. Уже в шалаше, куда собрались разведчики поужинать перед тем, как доложить командованию о результатах рейда, Лида наконец помирила брата с отцом.

Партизаны ели молча, донельзя усталые, угрюмые. Девушка хозяйничала и украдкой поглядывала то на брата, то на Васю. Когда разведчики уже выходили из шалаша, она не удержалась и спросила шепотом:

— Ну что там, Вася?

— Э! — махнул рукой мальчишка. — И не спрашивай. Как-нибудь расскажу...

По его тону девушка поняла, что операция прошла не совсем гладко, и больше не приставала с расспросами.

В командирском шалаше Костюков предложил всем сесть и обратился к командиру разведгруппы:

— Ну, рассказывай, Николай, что там...

— Да что рассказывать, товарищ командир, — горестно усмехнулся Жадовец. — Не так-то просто подобраться к тому важному гостю... Вышли мы из леса, взяли проводников и помчались по намеченному маршруту. Кони были ладные, несли быстро. Еще затемно достигли города. Ну, проводники, оба парни бывалые, отыскали укромное местечко для нас. Мы замаскировались на чердаке у Смаги. Он — человек смекалистый, сразу лошадей спрятал, нас не забыл накормить. Уже на рассвете, когда хорошо развиднелось, он помчался куда-то. Где-то к обеду видим — возвращается в хату один, а потом лезет к нам на чердак. Передал он от Репкина привет и приказал всем безвылазно сидеть на чердаке, потому что сунуться на улицу невозможно — город буквально наводнили немцы и полицаи, всех подозрительных хватают и долго не расспрашивают, кто таков и откуда... Сами понимаете... Ну, Смага еще сказал, что все данные о силах гарнизона и о приезде того чина в Новгород-Северский будут со дня на день. Посидев немного с нами, Смага опять побежал на работу — он работает бухгалтером, — а мы с чердака наблюдали, по возможности, за движением немцев. Мало утешительного увидели: машины носятся туда-сюда, танки ползут, аж стропила дрожат, пехота марширует, и все больше гестаповцы и эсэсовцы. Они сразу заметны — одно дело форма, а еще и выправка, манеры...

Точно так же, в бездействии, прошел и второй день. А вечером Смага сообщил нам кое-что свежее. Во время пребывания в городе того высокого начальника вводится новый комендантский распорядок. Гражданским напрочь запрещается ходить по улицам без дела. Работу заканчивать в тринадцать часов. Специальные пропуска выдаются только по распоряжению самого коменданта Пальме... Однако никак не удалось узнать точную дату прибытия генерала. Ну, вы сами понимаете, не сидеть же нам у Смаги до тех пор, пока кто-нибудь не пронюхает да немцы не снимут нас с чердака тепленькими. Но все-таки решили подождать еще одну ночь. На следующий день Смага пришел позднее обычного. Взволнованный. Сказал, что в город прибыл еще и специальный полк «Адольф Гитлер», в котором одни отборные головорезы... Вот и все, что мы пока разведали. Уже когда совсем стемнело, стали выбираться из города... Думали сделать это тихо, но не вышло — на патруль напоролись. Еле проскочили. Жаль — коня Сахариенко немцы застрелили...

— Что ж, хлопцы, спасибо за работу, а теперь — спать! Чует моя душа, еще раз придется вам туда стежку топтать...

Как и предчувствовал Костюков, из соединения пришла радиограмма: в ней был приказ повторить разведку и при малейшей возможности уничтожить высокопоставленного фашистского инспектора.

Для выполнения этого задания разведчикам был придан бывший оперативник, снайпер Савгиря.

Преодолев уже знакомый путь, группа вышла к околице Новгород-Северского. Темная ночь благоприятствовала им. Во мраке то здесь, то там взлетали ракеты, вытягивая длинные хвосты до самой земли. На горе, где стояла тюрьма, охрана время от времени постреливала из автоматов.

Навьючив на одну из лошадей ящики с минами и взрывчаткой, группа двинулась по дну глубокого яра.

Густые кусты цеплялись за одежду, ветви деревьев больно стегали по лицам, точно не хотели выпускать партизан из Цупривской балки. Однако путники упорно преодолевали версту за верстой.

— Теперь надо получше замаскировать груз, — прошептал Савгиря. — Давайте подойдем к дороге еще ближе. Этот яр прямиком к ней выведет. Коня тоже здесь оставим, а сами где-нибудь переднюем у своих.

Партизаны долго не дебатировали, двинулись следом за Савгирей. Небо уже начинало светлеть, приближалось утро. Издалека донеслось пение первых петухов. Когда-то эти звуки были радостными для души человека, но теперь наступление рассвета не предвещало ничего хорошего. Где-то совсем близко заработали танковые моторы, и под этот шум разведчики рванулись вперед.

Рокот моторов приближался, и вот на взгорке блеснул яркий свет фар.

Вася, прячась от рыскающих в темноте лучей, сделал несколько шагов, споткнулся и вдруг где-то в стороне от него, вверху, прогремело подряд два взрыва. Он упал на землю, пропуская над собой воздушную волну. Руки его нащупали что-то тонкое и жесткое. Вася присмотрелся: шпагат! Ага, так вот почему рвануло! Не иначе немцы установили сигнальные мины и по дну яра натянули эти веревочки.

Танки с грохотом и лязгом промчались вдоль яра, набирая скорость. Как только свет фар отклонился влево, Жадовец приказал партизанам выбираться наверх — очевидно полагая, что у дороги полно мин и лучше попытаться обойти их по горе. Партизаны развьючили гнедого, взяли груз на плечи и один за другим стали карабкаться по склону. Однако не

успели они проползти трех метров, как внизу, наверное под конем, рванула мелкая противопехотная мина. С другого конца яра резко отозвались автоматы, пули засвистели совсем низко, секанули по зарослям шиповника.

Отбежав довольно далеко от места тревоги, разведчики решили закопать мины и тол где-нибудь здесь, а самим пробираться к Заречью, где Савгиря знал верных людей.

Мокрые от пота, запыхавшиеся, партизаны остановились на краю какого-то огорода. Савгиря, отдышавшись, сказал:

— Посидите, я сейчас.

Через несколько минут он вернулся уже не один — привел с собой заспанного высокого мужчину. Уразумев, о чем идет речь, тот почесал затылок.

— Да оно можно и у меня перебыть. Я не боюсь. Только лучше, если б вы спрятались у самого Кривца.

— А это кто ж будет? — спросил Жадовец.

— Да полицай. Сосед мой. К нему никто не полезет с обыском, а его самого сейчас нету — ушел с немцами лес прочесывать. Я отведу вас в хлев. Там полно сена — у него корова есть. Замаскируетесь, и никто вас там искать не станет. Если что не так, я дам знать.

План всем понравился. Провожатый повел партизан через свой сад; попросив подождать минутку, он заскочил в хату и вынес две буханки хлеба и порядочный кусок сала. Отдал все это партизанам, повел их дальше. Во дворе полицая он тихо отворил широкие двери и пропустил ночных гостей внутрь хлева.

— Не опасайтесь ничего, здесь, в Заречье, спокойно. Я буду вертеться на подворье, посматривать...

Прорыть глубокие норы в пахучем свежем сене было делом нетрудным и даже, как оказалось, приятным: запахло лугами, солнцем, дохнуло прохладой, что, бывало, во время сенокоса налетает из-за речки, осушает

соленый пот и, остужая все тело, вливает в него новые силы.

Вася тщательно замаскировал следы вокруг себя и окунулся с головой в душистый шелест и мрак. Им теперь придется просидеть здесь весь день, такой длинный в эту летнюю пору. Решили сначала поесть, а потом спать по очереди.

Еще некоторое время тихонько шелестело сено, чьи-то руки аккуратно делили харч.

Кто-то скрипнул дверьми, заквохтали на шестке куры, послышался грудной женский голос... Начинался новый день, начиналось их бесконечное ожидание.

Даже чувство постоянной опасности не могло лишить партизан сна. Пока один из них сторожко прислушивался к шуму во дворе, остальные дремали.

Вася заснул, не дожевав бутерброда. Ему приснилось, будто он с мальчишками бродит по берегу Ревны. Где-то совсем рядом, за камышами, звенят косы, шелестят высокие травы, покорно ложась под острыми стальными лезвиями, и так пьяняще пахнет привялой травой, что даже голова кружится. В недосягаемой высоте звенят жаворонки, немилосердно печет солнце. Скоро обед, и хотя ребятам по малости лет еще не доверили кос, ложками их не обделяют...

Вот уже все расселись вокруг котла. Дымится кулеш, веселый гомон разносится по лугу. Вася вдруг оглянулся и видит — от села к ним шагает босиком учитель Иценко. Он похож на обычного сельского дядьку, идет и улыбается ему. И Вася не в силах усидеть на траве — подхватывается и бежит навстречу... Но сколько он ни бежит к протянутым худым рукам учителя, а они все удаляются и удаляются. Это и не руки уже, а ольховые ветки шевелятся под ветром...

Вася проснулся, прислушался. Рядом кто-то похрапывал так смачно, что шевелится сено. Это Савгиря.

Коробко слегка толкнул его локтем, тот, проснувшись, тихо чертыхнулся.

— Кто-то разговаривает во дворе, — шепнул Вася.

Из-за двери хлева действительно слышались голоса. Один из них был им знаком, другой же гудел басовито, на самых низких нотах. Очевидно, он принадлежал хозяину хлева.

— Начальник побежал докладывать, поскольку время сейчас ответственное...

— Какое там ответственное? — запротестовал его собеседник. — А разве раньше не так было?

— Э-э, не говори, сосед, не было еще так. И знаешь почему? — Полицай перешел на таинственный шепот. — Приезжает какой-то генерал от самого Гитлера...

Сосед удивленно свистнул:

— Так вот почему они улицы вылизывают.

— Что там улицы! — причмокнул языком полицай. — Всюду такой переполох, что даже не хочется соваться в центр. Зато ж и пьянка грандиозная намечается!

— Ну, так это... и пану полицаю чарочка перепадет? — как можно льстивее произнес сосед.

— Черта лысого! — сердито ответил полицай. — На самих немцев не напасешься. Город ими битком набит.

Разговор прекратился. В соседнем дворе раздался звук пилы. Металлические зубья грызли дерево монотонно и неторопливо, словно пильщик был лентяй.

Уже перед самым полднем это вжиканье оборвал рев машины. Она остановилась у самого хлева, и партизаны невольно сжали в руках оружие.

— Степан, где ты там? — деловито прозвучал спокойный российский говорок.

После небольшой паузы из хаты послышалось:

— А что случилось?

— Собирайся и — быстро в машину! В Печенюгах убили коменданта, приказано ехать.

— Вот проклятые, и отдохнуть не дадут! — ругнулся Степан. — Сейчас, только винтовку возьму.

Что-то стукнуло, машина загудела сильнее и помчалась прочь. Пила вновь надоедливо зашаркала, но вскоре умолкла, ее сменил слезливый женский голос:

— Видели, соседи, паразита, видели? Опять куда-то смотался, чтоб из тебя кишки вымотало, чтоб тебя в тех Печенюгах убили, как того коменданта... И откуда ты взялся на мою голову? Он мотается, а вот уже скоро вернутся наши и с меня спросят, зачем приняла этого проклятущего полицая...

Вечером хозяйка затопала возле хлева, отворила настежь двери и, ласково приговаривая, привязала корову к яслям. Потом донесся звон струек молока, ударяющихся о подойник, — сначала громкий, тонкий (пока молоко было на донце), потом, чем дальше, тем гуще и басовитее, а затем стало слышно лишь мягкое шипение струек в пену.

Васе представилась обильная снежная пена. Вот она медленно поднимается, пытаясь перелиться через край, а в белые пузырьки из-под рук матери цвиркают и цвиркают струйки теплого молока, и корова то жует жвачку, то неспокойно вертит головой, а то скосит большие глаза и всматривается в него. А он жмется к тыну, подальше от задних коровьих ног (мать напугала, что корова может ударить ими), и старается не пропустить тот момент, когда подойник наполнится и мать понесет молоко процеживать. И за терпение, за молчаливое послушание или еще за что-то, совсем неизвестное, первая кружка парного здоровья — ему...

Хозяйка подоила корову, немного пошелестела, дергая сено в стороне от тайника, накричала на кур, что никак не могли угнездиться, и закрыла хлев. Разведчикам сразу стало легче — не потому, что боялись женщины, — радовал приход вечера, вслед за которым на землю должна была спуститься спасительная темнота.

Во время своего вынужденного сидения в сене разведчики решили разделиться на две группы и действовать дальше по плану. Основная роль в операции отводилась тройке в составе Жадовца, Савгири, Коробко. Остальные же разведчики при поддержке подпольщиков в случае необходимости будут отвлекать внимание на себя. Жадовец поведет своих прямо на квартиру Репкина, предупрежденного об их приходе.

Поздно вечером, когда землю окутала синяя мгла, партизаны вышли из тайника, отряхнулись.

— Поужинать бы, — мечтательно произнес Дежков. — Только к кому сунешься?

— Давай опять к моему знакомому, — предложил Савгиря.

— Нет, не стоит лишний раз надоедать, — запротестовал Жадовец. — Спасибо ему и за то, что на день устроил.

— А знаешь что? — сказал Коробко. — Попросим у хозяйки. Она ведь так ругала своего примака.

Мысль эта всем понравилась. Вася и Виктор Сахариенко направились к хате. Осторожно постучали. Открыла дверь женщина, сначала испугалась, а когда поняла, что партизаны пришли не по ее душу, тотчас засуетилась, собирая для них ужин.

Разведчики жадно накинулись на еду, а хозяйка стояла рядом и все приговаривала:

— Ешьте, не стесняйтесь. Я давно хотела помочь своим, да как-то случай не представлялся. Да и кто из добрых людей заглянет в мою хату, если проклятый полицай во дворе топчется? Знаете, одинокая я, мужа убили сразу в начале войны. Ну, взяла я этого не то из тюрьмы, не то из лагеря — что там у них в монастыре? Сначала был человек как человек, сапожничал, люди его уважали. А потом будто с ума сошел — принес винтовку, переоделся в полицайскую одежду и сказал, чтоб я называла его не иначе как паном. Жиз-

ни из-за него не стало. Думала прогнать, так где там! Только заикнись — ни хаты не останется, ни души, в тюрьме сгноит. Вот и терплю. — Женщина вытерла влажные глаза и замолчала.

— Вы, Нюра, не принимайте все так близко к сердцу, — успокоил ее Жадовец, который уже узнал, как зовут женщину. — Скоро им всем амба. А меня интересует одно: действительно ли вы согласились бы нам помогать?..

Женщина встрепенулась:

— Говорите, что надо делать...

— Вот и хорошо, вот и договорились. Если в этом будет необходимость, мы дадим знать.

— Спасибо, люди добрые! Что угодно сделаю, разве что сама убить его не смогу...

— Самой не придется, — успокоил ее Николай. — Ну, спасибо за ужин и за то, что приютили нас днем.

— Как? Разве вы у меня прятались? — удивилась Нюра.

— Да, в вашем хлеву, — засмеялся Савгиря.

— Вот так-так! А я все думаю, почему это корова какая-то чудная, будто бы встревоженная...

Партизаны вышли со двора, сразу же разделившись на две группы. Тройка Жадовца двинулась огородами, огибая здание местной тюрьмы. Начал накрапывать мелкий дождик. С вышки сыпанула слепая автоматная очередь. Партизаны припали к земле.

Снова прогремела очередь, за нею в небо взлетели две ракеты. Партизаны переждали еще немного, потом осторожно пробрались на улицу, где жил Репкин.

Уже возле самого дома дорогу заступил патруль — пятеро немцев, спокойно переговариваясь, шли в сторону центра. Тройка тут же слилась с темнотой. Голоса немцев медленно удалялись, и разведчики опять появились из мрака.

Не успели они сделать и десяти шагов, как от куста сирени отделилась фигура и кто-то тихо произнес:

— С прибытием, друзья!

— Рады вас видеть, Николай Павлович! — порывисто кинулся к нему Жадовец. — Давно ждете?

— Нет. Засветло вы же не могли попасть ко мне. Немцев битком набито.

Скрипнула дверь хаты, разведчики насторожились. Туча сползла с луны, и они разглядели на пороге высокую седую старуху, которая словно растерялась, увидев возле своей хаты столько незнакомых вооруженных людей. Руки у нее скрестились у горла, длинные концы платка дрожали.

Репкин шагнул к ней:

— Надежда Ивановна, не пугайтесь. Это ко мне. Я же говорил вам...

— Да, вижу, — робким голосом ответила она, присматриваясь к партизанам.

— Это моя хозяйка, Цепеницкая Надежда Ивановна, — пояснил Репкин.

Разведчики молча поклонились старой женщине. А она шагнула ближе, присматриваясь к каждому.

— Подождите, вы не Савгиря будете, что в милиции служил?

— Он самый, Надежда Ивановна, — улыбнулся тот.

— Заходите. Мой дом для вас всегда открыт.

В хате было тихо. Окна плотно занавешены. Блеснул каганец, осветив стены в старых фотографиях.

Расселись кто где мог, и Репкин стал рассказывать. Инспектора ждут двадцать восьмого июня из Шостки. Или же из Ровно самолетом на следующий день. Уже прибыла так называемая «Мертвая голова» — специальное подразделение охраны, все в черном, с черепами на рукавах. Они привезли с собой двадцать пять служебных собак. Окружили центр города. Совещание

должно проходить в помещении комендатуры. Ночевать генерал будет в особняке коменданта Пальме, подобраться к которому, чтоб взорвать, невозможно. Все горожане предупреждены, что имеют право ходить мимо дома только по противоположной стороне улицы.

Репкин порылся в кармане и достал свернутую вчетверо бумажку.

— Это тебе, Вася. Пропуск на право ходить по городу с шести утра до двадцати вечера. Теперь ты — Василий Иванович Величко, ездовой городской больницы. Как раз на завтрашний день я запланировал посещение больных. Вот и будешь меня возить на бричке, присматривайся ко всему. Только смотри не вздумай мину кому-нибудь подложить, — пошутил врач. — Немцы взлетят ли еще, а мы — точно!

— Нет, Николай Павлович, все будет, как скажете. Нам же генерал нужен, а не какой-то случайный офицерик.

— Значит, у нас тут такой план, хлопцы. Против особняка Пальме живут штатские служащие. Есть среди них мерзавцы, однако есть и хорошие люди, которые помогут нам. У одного из них посадим Савгирю со снайперской винтовкой. Выпадет удобная минута — можно стрелять прямо в окно. Только шансов выйти оттуда живым — никаких...

— Ну, это мы еще посмотрим, — запротестовал Савгиря. — Я в своем городе все ходы-выходы знаю. Попробую выбраться.

Партизаны долго обсуждали операцию в деталях, договаривались о сигнализации. Потом Репкин лег отдохнуть — завтра его ждал напряженный день. Партизаны полезли на чердак, где был устроен тайник.

Вася прилег на сено, однако сон не шел. И не потому, что столько опасностей довелось перенести за короткое время, — перед глазами стоял спокойный, урав-

новешенный Николай Павлович. Им, партизанам, еще ничего сидеть в лесу, а вот попробуй здесь ежедневно играть роль друга оккупантов, лечить их, улыбаться и желать здоровья, а самому делать свое опасное дело. Да еще к тому же и тяжелые взгляды горожан в спину — предатель, мол, немцам продался. Только Репкин не из тех слабовольных, которые впадают в отчаяние,— настоящий подпольщик.

Утром Надежда Ивановна накормила партизан завтраком. Двое вернулись в тайник, а Вася бодро вышел со двора и пошагал к больнице. Там еще никого не было. Он принялся готовить бричку в дорогу. Осмотрел большие колеса с фигурными спицами, потрогал высокую деревянную спинку с вырезанными на ней розами — уму непостижимо, как такое чудо сохранилось до самой войны, кто только на нем катался?..

Вскоре Николай Павлович уселся в бричку и велел трогать к первому больному. Они катили по мощеной улице, такой чистой, какой она еще не была ни разу за все время оккупации. Везде немцы: то проносились машины, то маршировала пехота.

Бричка остановилась возле Замковых ворот. Репкин соскочил на землю, направляясь к башенке у входа. Оттуда выскочил солдат и услужливо отворил перед ним калитку, что-то пробормотав в ответ на вопрос врача. Вася остался на козлах один.

Заметив, что к бричке направляется какой-то парень в комбинезоне, Вася насторожился, но потом чуть не охнул от изумления, даже глазам своим не поверил: перед ним стоял Виктор Сахариенко.

— Тихо, Вася! — прошептал он и громко спросил:— Кого привез?

— Да врача. А вам что, врач нужен?

— Нет, мы и без него хорошо живем. — Виктор понизил голос: — Ну, а как вы там?

— Как видишь, катаемся по городу. Но уже есть

хороший план. Генерал приедет завтра. Будем действовать. Как у вас?

— Да ничего. Наметили объект для взрыва, если надо будет поднять шум. Кое-что разведали интересное.

— Как Смага?

— Он теперь живет в сарае, а мы на его огороде в погребе. Хату заняли два гестаповских офицера. Как видишь, «охрана» у нас надежная,—усмехнулся Виктор.

Возле хаты за высоким забором послышались голоса, и Сахариенко махнул Васе на прощание рукой.

От внимания Репкина не ускользнуло то, что к Васе подходил незнакомец в комбинезоне. Когда они немного отъехали от Замковых ворот, он спросил:

— Кто это был?

— Наш. У них все в порядке. Ждут.

— Понятно, — спокойно сказал врач и поудобнее привалился к резной спинке.

Солнце начинало немилосердно припекать. Легкая пыль поднималась из-под колес и клубилась за бричкой, то догоняя ее на поворотах, то отставая на прямой. В городском парке стояли танки. Деревья и кусты вокруг были изломаны, газоны истоптаны.

Бричка покатила дальше, на центральную — Губернскую улицу, где разместились все оккупационные учреждения. Репкин осторожно указал на роскошный особняк с желтыми стенами:

— Смотри. Здесь живет Пальме. А вон там будет находиться Савгиря.

На противоположной стороне улицы стоял довольно обшарпанный двухэтажный дом, в котором словно и не было никакой жизни.

Возле триумфальной арки — гордости горожан — их остановили два офицера, очевидно хорошие знакомые Николая Павловича. Врач о чем-то расспрашивал их, что-то рассказывал, жестикулируя, все хохотали над какими-то шутками.

Наконец веселая болтовня закончилась, и легкая бричка двинулась дальше.

Николай Павлович и Вася вернулись домой лишь под вечер. Хозяйка попросила позвать еще и тех двоих с чердака, чтоб поужинали сразу все вместе.

В это время за окном остановилась машина. Хлопнула дверца кабины. Хозяйка, перекрестившись, прижалась к стене. Репкин тихо приказал:

— Надежда Ивановна, быстрее уберите лишнее со стола — и к себе! А вы — в тайник!

Украдкой разведчики вышли в сени. По одному они влезли на чердак. Николай Павлович вдогонку им прошептал:

— Спокойно! Обыска не может быть. Видно, какой-то пациент нетерпеливый...

Разведчики затаились, держа автоматы наготове.

— Да вы заходите, заходите, — приглашал Репкин. — Я всегда рад гостям. Знаете, дела делами, а просто так поговорить не всегда удается.

— Извините, Николай Павлович, хоть время и позднее, решил наведаться, — виновато оправдывался кто-то. — Вы поверите — не к кому зайти излить душу. Все такими скрытными стали, что господи твоя воля! Так я вот к вам...

В хату прошел гость, за ним хозяин. Дверь осталась неприкрытой — голоса, хоть и не очень ясно, все-таки доносились на чердак. Разведчики затаили дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова.

— А я как раз собрался поужинать. Может, вместе?..

— О нет, благодарю, нас сегодня на совещании так накормили, что три дня отрыжка будет...

— Что вы говорите? — деланно удивился Репкин.— Так, может, чарочку? У меня как раз французское вино припасено, один офицер подарил.

— Французское? Такого можно попробовать. Еще не приходилось.

Жалобно заскрипел под чьим-то телом стул, зазвенели бокалы.

— Что ж, пан бургомистр, выпьем?

Снова скрипнул стул.

— Какой я вам бургомистр — в хате? Называйте меня Иваном Ивановичем, как и когда-то называли. Да и пора отвыкать от всяких титулов, по всему видно.

— Хорошо, Иван Иванович, больше не буду, — ответил хозяин. — Однако давайте лучше выпьем по одной, ибо, знаете, французы не любят, когда вино долго на столе стоит. Выпьем за нашу победу...

Звякнули бокалы, повисла пауза. Затем снова заговорил гость:

— Вот вы, Николай Павлович, предлагаете пить за победу. А вы знаете, что уже и мне не доверяют?

— Никогда не поверю. Вы же у властей на особом счету...

— Так вот слушайте. До сегодняшнего дня Пальме ничего не таил от актива, потому что мы стараемся, любой его приказ — закон. А тут вот собрал нас всех, приехав из Глухова, и что, вы думаете, сообщил? Мы тут по его приказу наводим порядок, ждем приезда высокого начальства, а оно, оказывается, и не собирается сюда.

— Как так? — искренне удивился Репкин.

— А вот так! — с обидой и злостью выдохнул гость. — Пальме вызывали в Глухов, потому что начальство приезжало именно туда.

Разведчиков это сообщение буквально ошеломило. Неужели правда? Столько приготовлений, столько нервов потрачено, и — напрасно? Как же так?

Савгиря даже сплюнул в сердцах и чуть не грохнул кулаком по потолку.

— Тише ты!.. — зашипел Жадовец. — Слушай...

Внизу разговор продолжался. Чувствовалось, что хмель делает свое дело. Бургомистр стал высказываться откровеннее.

— Так вот, чуть не эвакуацией запахло. Куда мне подаваться, и сам не знаю. Но здесь оставаться не собираюсь. Как вы, Николай Павлович?

— Честно говоря, еще не думал.

— Так не тяните с этим долго. Я мыслю так: лучше в Германию, чем в Сибирь.

— Да все это верно, но куда влезешь?

— Рассчитывайте на меня. Мне обещали машину. А ваши золотые руки и там пригодятся. Вот такие дела. Довоевались! Кто бы мог подумать?

Ужин продолжался еще с полчаса. Но вот бургомистр наконец встал, благодаря хозяина за чудесное вино. Попрощались. Репкин повел гостя к выходу. Во дворе загудела машина, и вновь наступила тишина.

Вернулся Репкин, кликнул партизан с чердака.

— Слышали? — спросил он нервно.

— Да слышали, — махнул рукой Жадовец. — Только что-то не верится мне...

— Королев мне не будет врать.

— Проклятье! — выругался Савгиря. — Раз в жизни повезло на крупную рыбу, да и та сорвалась. Ну, чертовы фашисты!..

Партизаны вошли в хату. Так же тускло горела лампадка. На столе стояла пустая бутылка и закуска на тарелках. Разведчики молча принялись за ужин, однако кусок застревал в горле. Жадовец спросил:

— Что будем делать?

— А что? Разве мы виноваты, что тот паразит оказался хитрее? Рано или поздно — попадется! — произнес Репкин.

— Я предлагаю что-нибудь устроить им здесь на прощание, — проговорил Коробко, которому особенно

не терпелось выполнить задание командования. — Помните, Николай Павлович, в городском парке немцы сделали стоянку для танков? Так вот, можно преподнести им сюрприз. Мин и взрывчатки у нас хватит.

— А что, подходяще! — оживился Жадовец. — Так и сделаем. Тогда не стоит засиживаться.

Попрощавшись с Надеждой Ивановной, партизаны покинули гостеприимную хату. Репкин еще раз объяснил, как лучше добраться до парка. Савгиря его заверил, что он пока не забыл родной город, и партизаны осторожно направились к яру, чтобы перенести оттуда мины и взрывчатку.

Через некоторое время все они были уже в парке. Быстро установили четыре заряда, зарыли их на следах танковых гусениц.

Теперь можно было двигаться к лесу. Но какой-то бес не давал партизанам покинуть город, что устало притих, поскольку отпала необходимость готовиться к приезду высокой инспекции.

— Я, когда днем ездил с Николаем Павловичем, видел большую колонну машин возле техникума. Может быть, они и до сих пор там... Не тащить же нам взрывчатку обратно, — обронил Вася.

Партизаны направились к техникуму, выбирая самые глухие улицы. Вот и двухэтажный дом под деревьями. Над парадным подъездом светится синяя лампочка. Под ней на скамье сидит часовой.

Вдоль ограды выстроились в колонну автомобили, под навесом в темноте фыркают кони.

Партизаны присели и стали совещаться. В это время часовой поднялся и зашагал вдоль колонны. Остановился, наставил автомат, прислушиваясь к темноте. Тогда Савгиря поднял свою снайперскую винтовку, прицелился и выстрелил. Немец свалился на землю, не издав ни единого звука.

Вася ловко приладил две оставшиеся магнитные

мины под капоты автомашин, а его товарищи юркнули к навесу, и через минуту на подворье Цепеницкой стояло трое оседланных коней.

Немного пройдя пешком, пока не начались огороды, партизаны вскочили в седла и помчались прочь от городка. В темноте не видно было проселочной дороги, однако кони чутко неслись вперед, мелко перебирая ногами.

Разведчики миновали неглубокий овраг, выбрались уже на равнину, как вдруг под Савгирей рухнул конь — тонко заржал и перевернулся через голову. Всадник, чудом не попав под него, сгоряча все еще дергал поводок. Но конь только жалобно ржал, пытаясь встать на ноги, и снова ронял голову в траву.

— Хватит тебе с ним возиться, — махнул рукой Жадовец. — Видно, хребет сломал. Садись к Васе, и помчали дальше, пока там, в городе, не всполошились.

Савгиря ухватился за лошадиную гриву, устроился впереди Коробко, и они снова поскакали в ночь.

За их спинами время от времени звучали одиночные выстрелы, и кем-то наугад пущенные ракеты чертили теплое июньское небо.

ГЛАВА XVIII

На заре, когда в лесу еще стоял густой туман, в шалаш командира Чапаевского отряда заглянул радист. В его руке белела испещренная таинственными знаками бумажка.

— Что там? — хриплым после сна голосом спросил Костюков.

— Шифрованная радиограмма, товарищ командир. От Попудренко.

— Давай сюда! — протянул руку Костюков, поднимаясь с охапки сена, служившей ему постелью.

Николай Никитович коротко сообщал о тяжелых боях областного отряда, приказывал чапаевцам активизировать диверсионные действия, чтоб отвлечь на себя хотя бы часть вражеских сил. Дальше командир подчеркивал, что назрела необходимость объединить в одно целое все партизанские отряды, действовавшие на территории области. С этой целью уже была послана разведка во главе с Саввой Лукичом Грищенко, которая побывала в отряде Таранущенко. Областное партизанское соединение готовилось прорвать вражескую блокаду и идти в междуречье Днепра и Десны для продолжения борьбы непосредственно в прифронтовой полосе. Там действовал отряд имени Щорса под командованием Юрия Збанацкого.

Чапаевцам надлежало немедленно выслать связных и установить контакт со Збанацким, потому что прорваться кому-нибудь из областного отряда сквозь плотное кольцо фашистов сейчас было почти невозможно.

Костюков внимательно прочитал шифровку и сразу же сжег ее, приказав вестовому:

— Немедленно ко мне Яшина, Плечистого, Шахова!

— Есть! — Боец исчез в сумерках.

В шалаш командира тут же явились начальник штаба, командир взвода разведки и начальник диверсионной группы. Яшин тревожно спросил:

— Что-то случилось?

Пересказав суть шифровки, Костюков обвел взглядом присутствующих:

— Что скажете?

— А что тут говорить? — пожал плечами Яшин. — Приказ есть приказ. Я сажусь за разработку маршрута. Людей пусть подбирают Плечистый с Шаховым.

— Пойдут Жадовец, Денисов и... — запнулся Плечистый.

— ...и Коробко, — подсказал Шахов. — Это тройка проверенная, они без слов понимают друг друга.

— Если командир подрывников не возражает, будем включать в группу Коробко, — подвел итог Костюков. — Хотя, знаете, мне что-то не хочется отпускать его. Дело опасное, всякое может случиться. А наши вот-вот сюда придут. Пусть бы хлопец волю увидел...

— Ничего с ним не случится, — улыбнулся Плечистый. — Такого хитреца ни одна засада не остановит, он где угодно проскочит.

— Не возражаю, — согласился и Яшин.

— Значит, решено, — сказал Костюков. — Снаряжайте группу, а мы с начальником штаба подготовим пакет.

На следующий вечер неразлучная троица — Николай Жадовец, Александр Денисов и Вася Коробко попрощались с товарищами, вскочили на коней и поскакали по лесной дороге. Ехали они всю ночь, а когда начало светать, остановились у села Грязное.

Редкий лес был ненадежным пристанищем на весь летний день, и Жадовец решил пробираться к недалекому болоту, занявшему всю пойму между речками Снов и Смяч...

Он стоял рядом с лошадью и озирался вокруг.

— Черт возьми! Где-то поблизости должна быть железная дорога, а где она, не понимаю. Ночью разве увидишь? — виновато произнес он.

— Да вон она, видна ведь насыпь, — показал рукою Вася и вдруг зашептал: — Тихо! Кто-то идет!..

Партизаны припали к земле, приготовив к бою автоматы. В самом деле, на фоне посветлевшего неба проплыло несколько человеческих фигур — одна, две, три... семь. Все они вели коней в поводу.

Однако кто же это такие, куда направляются? Ку-

сты и редкие деревья то скрывали путников, то вновь выпускали на свет, и тогда казалось, что их становится все больше и больше, что скоро они заполонят весь лес и наткнутся на затаившихся разведчиков.

У Васи колотилось сердце, он прижимал приклад автомата к груди, будто приказывая сердцу замолчать, однако оно продолжало все так же гулко выстукивать тревогу. Еще несколько десятков шагов — и неизвестные исчезли, словно провалились в остатки ночного мрака, стелившегося низиной.

Разведчики переглянулись, ничего не понимая. Коробко шепотом попросил разрешения пройти вперед и узнать, в чем дело. Жадовец молча кивнул, и он пополз сквозь редкие кустики.

Услышав негромкий гомон, Вася замер. Как вдруг — о диво дивное! — уловил что-то давно знакомое в одном из голосов, в манере произносить врастяжку слова. Неужели Мишка Ковалев из группы Цымбалиста? Однако как же он мог попасть сюда, если областной отряд Попудренко невесть где? Не может быть...

Фыркнул конь, и снова тот, знакомый голос что-то проговорил. Двое неизвестных поднялись и направились к встревоженным животным. Тогда Вася решился проверить свою догадку — будь что будет. Он приподнял голову и негромко окликнул:

— Мишка Ковалев, это ты?..

Неизвестные где стояли, там и упали в кусты. Щелкнули затворы. Снова стало тихо, потом кто-то осторожно пошевелился и тоже подал голос:

— А ты кто?

— Вася Коробко...

В кустах воцарилось молчание, потом послышался шепот, однако никто не появлялся. Видно, неизвестных что-то еще тревожило. Наконец снова прозвучал знакомый голос:

— Кто у вас командир?

— Костюков. Да хватит вам...

Вася не успел закончить фразу, как те двое вскочили и устремились к нему.

Вскоре обе группы смешались. Уже когда партизаны вдоволь наговорились и нахохотались, Жадовец спросил Михаила:

— Где вы собираетесь дневать?

Ковалев засмеялся:

— У черта болотного. Хотите, пойдемте с нами. Только подождите чуть — хочется посмотреть, как наша МЗД-5 сработает.

— А где поставили?

— Во-он там. — Михаил рукой показал на железную дорогу, которая все четче вырисовывалась на востоке.

— Необязательно рядом торчать, — произнес Жадовец. — Или в вашем убежище не слышно будет?

— Да почему же? Айда!

Всадники двинулись по лесу. Он делался то гуще, то реже, поднимался на холмы и снова спускался в сыроватые яруги. Низом стлался туман, и ноги коней тонули в нем до колен.

Деревья становились все выше. Впереди блеснула лесная речка, окруженная метелками камыша и стрелками рогоза. У самой воды партизан встретил дозорный. Узнав, в чем дело, пропустил их дальше.

Временный лагерь группы подрывников из областного отряда Попудренко расположился удачно — никому бы и в голову не пришло искать их здесь. Лес далеко отстоял от реки. Редкие кустики краснотала тоже не могли подступиться к топи. Только рогоз местами забредал даже в рыжую воду.

Чапаевцы увидели несколько шалашей. Не доходя до них, все разом сбросили с себя пыльную одежду и ринулись к берегу: хотелось как можно быстрее смыть усталость, освежить тело.

Вася медленно входил в воду, теплую, будто кто подогревал ее снизу. Мягкое, илистое дно затягивало босые ноги. Позади, расплываясь по поверхности, оставались желтые кляксы поднятого со дна ила. Вода подступала к горлу все ближе и ближе, пока холодной каемкой не коснулась подбородка. Тогда парнишка что есть силы оттолкнулся ногами ото дна и поплыл.

Невдалеке речка делала крутой поворот. Здесь течение усилилось, оно подхватило Васю и медленно понесло вниз. Парнишка опрокинулся на спину. Слегка перебирая ногами и руками, распластался на воде.

Высокое небо открылось ему во всей своей бездонной глубине и чистоте. В небе плыли маленькие белые облачка. Покой окутывал все вокруг, даже ветер не наведывался сюда, в низинку. Тихо шептались высокие суховатые стебли, длинные узкие листья рвались вверх, а у воды надламывались и желтели от сырости. Пахло холодноватой гнилью.

Течение все-таки помаленьку несло чуть расслабленное тело. И вдруг из-за зеленой стены камыша в глаза Васе ударил свет — прямо в воде колыхалось огромное красное солнце. Сначала виден был только небольшой его краешек, потом, на глазах, оно выплывало все выше и выше, пока не отделилось от легких волн полосой багряно-голубого простора.

Чуть прогнав рябь, Вася перевернулся на живот и поплыл, возвращаясь к берегу. Камыши снова приняли его в свой таинственный, насквозь пронизанный солнцем плен.

Завтрак заканчивался. Ковалев принялся то и дело посматривать на часы. Вася, заметив это, спросил:

— Что с тобой?

— Да черт его знает, — ругнулся Михаил. — Поставил новую мину. Наговорили, нашумели: чудо, да и только, мина с механизмом! Нет, больше дураков

нема, чтоб ставить бог знает что. Когда сам хорошенько дернешь, то не промажешь.

— Погоди. Ты на который час ее поставил?

— Да вот уже должен быть восьмичасовой...

— Значит, все будет в порядке.

— Ладно, посмотрим.

Вася лежал в густой траве и наслаждался окружающей тишиной, продолжая ощущать легкое покачивание воды. Сияющий солнечный круг еще стоял у него перед глазами. Хорошо, если б так было всегда, чтоб не надо было отправляться в дорогу, таясь от чужих глаз, чтоб навсегда пришла в этот мир тишина и вот это ласковое солнце, которое пригревает спину, можно было бы встречать не в лесных глухоманях, а на родной Ревне...

Мишка Ковалев толкнул его в бок, и мечты исчезли.

— Слышишь? — Он весь напрягся.

Вася тоже услышал отдаленное постукивание вагонов на стыках и улыбнулся:

— Ну вот, а ты сомневался...

Шум колес то стихал, сливаясь с шумом леса, то становился четче. Но вот раздался громовой взрыв, прокатилось эхо, испуганно зашелестел камыш.

— Ура! — вскочил Ковалев и затанцевал на траве.

Со стороны железной дороги донеслась беспорядочная отчаянная стрельба. Николай Жадовец процедил сквозь зубы:

— Ну, теперь жди гостей... А нам бы тихо выскользнуть...

В полдень «гости» действительно явились. Сначала на опушке леса загудели машины, потом послышались короткие автоматные очереди. Значит, немцы принялись прочесывать лес вдоль железной дороги. Партизаны притаились.

Жадовец и Ковалев двинулись по змеистому проходу среди зарослей лозняка с намерением разведать обстановку.

Вражеская цепь медленно приближалась. Один ее конец терялся где-то в осиннике у самой железной дороги, другой ломился прямо по камышам. Немцев было мало — все больше полицаи. С этими воевать легче, не очень-то лезут в огонь.

Партизаны решили пропустить цепь и ударить карателям в спину. А если что — сразу же на старое место. Попасть туда можно лишь по единственной узкой тропинке, так что до вечера продержаться можно, а стемнеет — их никто не устережет.

Когда они всей группой оставили свое убежище, Жадовец увидел, что, отстав от цепи, трое немцев возятся с полковым минометом, никак не могут выбраться из вязкого болота. Он кивнул Ковалеву, приглашая его с собой...

Разведчики подкрались почти вплотную к врагам. Им видны были взмокшие затылки карателей, слышны частые проклятия и тяжелое посапывание.

Вот один гитлеровец отложил в сторону кассету с минами и принялся с помощью бревна подваживать миномет. Жадовец вынул финку, прополз еще немного и порывисто выпрямился, нацелившись в потную сгорбленную спину...

Но в самый последний момент немец интуитивно обернулся и в ужасе выпучил глаза. Он хотел что-то крикнуть, но не успел — автоматная очередь Ковалева срезала его, а потом и двоих других карателей.

Эта очередь из автомата стала для партизан сигналом к началу атаки. Из камыша, из густого орешника на вражескую цепь обрушился ливень огня. Зачахкал густо и горячо миномет, задымились вдоль всей вражеской цепи разрывы. Среди врагов подня-

лась паника. Карателям казалось, что стреляет каждый куст, каждое дерево.

И уже через несколько минут те из них, кто уцелел, во весь дух помчались к спасительным автомашинам. А миномет посылал и посылал им вдогон жужжащие мины...

Обсуждая ход боя, партизаны возвращались к своему убежищу. Миномет, отслуживший свое, булькнул в воду — тащить его с собой не было возможности, да и мины больше нет ни одной. Варить обед не решались: враг мог заметить дым. Поели всухомятку и прилегли отдохнуть.

Вася, как ни приглядывался теперь к камышу и бегущей воде, уже не мог вернуть то блаженное очарование, которое ощутил сегодня утром. Снова появилось чувство опасности. Ее хотя и не видишь воочию, однако всегда ждешь. Она преследует тебя всегда и всюду.

Под вечер, тепло попрощавшись с товарищами из областного отряда, чапаевцы двинулись дальше по своему маршруту. Когда они шли из леса, Жадовец с нотками вины в голосе сказал:

— Черт подери, больше не ввязываемся ни в какие бои! Надо же донести пакет...

Друзья ничего не ответили на это. Они и сами понимали, что не ради того, чтоб сложить головы в случайной стычке, отправились в нелегкий путь.

Ближе к рассвету у деревни Вересочи разведчики наткнулись на мужичка с лодкой, который переправил их через Десну.

И вот уже позади тихая речка с берегами, поросшими вербами. Начинались неизвестные места, где еще не приходилось бывать никому из них. Леса здесь были не очень густые, но на случай опасности и они могли служить хорошим прикрытием.

Впереди время от времени погромыхивало — шли

бои. Несколько раз разведчикам приходилось прятаться в зарослях — полевыми дорогами ползли запыленные, набитые солдатами машины.

Разведчики отметили: местные партизаны, наверное, действуют неплохо — каратели боятся распылять силы, стоят большими гарнизонами. Это облегчало их задачу — незаметно проскользнуть в соседний партизанский край.

На землю спускались сумерки, можно было передвигаться смелее. Кони пошли рысью по перелеску; впереди темнел строй сосен, выдаваясь углом к дороге. Неожиданно оттуда донеслось властное:

— Стой! Кто идет?

Едва не сбросив с себя всадников, кони захрапели, поднялись на дыбы. Однако поводья привели их в чувство, развернув боком к лесу. Жадовец наугад крикнул в темноту:

— Свои!

Зашевелились заросли орешника, и на залитую лунным светом поляну вышли четверо с автоматами наготове.

Всадники спешились и направились к тем четверым, что все еще держали автоматы наперевес.

— Оружие сдать! — приказал бородач, по всему видать — старший.

— Да что вы, хлопцы, своих не узнаете? — растерянно улыбался Николай, разглядев на шапках красные ленты.

— Разные бывают свои, — рассудительно сказал бородач. — Сейчас проводим куда следует, там разберутся.

Кони шли следом за ними, пофыркивая и потряхивая гривами. Сразу же за кустами лощины показалось небольшое лесное село. Увидев привычную картину партизанской жизни, чапаевцы успокоились.

Молчаливый конвой проводил их к порогу просторной хаты. Бородач коротко бросил:

— Подождите. Доложу...

Часовой с интересом разглядывал прибывших и, не сдержав любопытства, подошел к ним.

— Откуда будете? — сверкнул он черными глазами из-под густых широких бровей.

— Издалека, — загадочно ответил Жадовец.

— И что, у вас много таких молокососов, как этот? — кивнул часовой на Васю.

— Ну, ты полегче, полегче! — угрожающе шагнул к обидчику Коробко. Пусть принимают, за кого хотят, но оскорблять себя он никому не позволит...

В этот самый момент на крыльцо выскочил бородач и пригласил:

— Входите! Просились к командиру — он ждет...

Пропуская чапаевцев в дверь, он тихо сказал:

— Если вы свои, то, значит, того... Простите...

— Еще встретимся, — весело подмигнул ему Жадовец и легко взбежал по ступенькам крыльца.

В просторной светлице за столом, поблескивающим гладко оструганными широкими досками, сидел совсем по-домашнему щуплый, невидный собой человек. Именно на его упорный взгляд чапаевцы и наткнулись поначалу, но потом увидели рядом с ним еще троих мужчин. Они настороженно уставились на прибывших.

Жадовец обвел глазами всех по очереди, стараясь определить, кто же из них командир. Наконец остановился на чернявом здоровяке у окна и решительно шагнул к нему:

— Разрешите доложить, товарищ командир...

— Только не ко мне! — торопливо замахал тот большими растопыренными ладонями, приподнявшись со скамьи. — Вот командир, — кивнул он на красный угол.

Жадовец растерялся. Вот так-так! Выходит, что его подвела интуиция! Но ему на помощь пришел сам командир. Как-то буднично, спокойно он встал из-за стола, улыбаясь приветливо и открыто.

— Уж извините, товарищ — не знаю, как вас зовут, — но вы не первый ошибаетесь. Беда, да и только, если помощник комплекцией крупнее командира. Да вы садитесь, пожалуйста, не тянитесь передо мной.

— Товарищ Збанацкий, — Жадовец, вопреки его просьбе, приложил руку к фуражке и весь вытянулся в струнку, — мы из отряда имени Чапаева, прибыли с пакетом, приказано передать вам лично.

Пока Николай Жадовец доставал пакет из-за пазухи, Вася успел заметить, как радостно переглянулись все четверо из командного состава. Збанацкий вышел из-за стола, раскрыв объятия.

— Ну наконец-то, наконец! — восклицал он прочувствованно, по очереди прижимая к своей груди связных. Обнял командир и Васю, внимательно вглядываясь в разрумянившегося от волнения парнишку. Потом Збанацкий отстранил его и ласково спросил:

— А тебя как звать-величать?

— Вася Коробко! — последовал ответ.

— Он у нас молодец, — улыбнулся Жадовец, протягивая пакет Збанацкому. — Подрывник что надо! Эшелоны под откос пускает — будь здоров!

— Ну, если столько делает, действительно молодец! — похвалил командир.

Збанацкий читал письмо внимательно, неторопливо.

— Ну, что вы скажете? — спросил он присутствующих. — Или не я вам говорил, что когда-то придет время объединяться и всеми силами двигать на фашистов? Вот и дождались. Обком партии не оставил нас без внимания.

Плечистый крепыш, которого Жадовец принял за командира, загудел:

— Ну и заживем тогда! Ни один гад не сунется в наш партизанский край!..

Разговор продолжался. Збанацкий приказал подать обед прямо на штабной стол. Уплетая вареную картошку, Жадовец спросил командира отряда имени Щорса:

— Я одного не понимаю, Юрий Олиферович... Перед тем как начать партизанить, мы загодя людей наметили для подрывной работы в тылу врага, базы заложили: продукты, одежду и оружие. Подпольный обком партии собирал силы вокруг себя. Леса на юге Черниговщины не одну тысячу людей спрячут. А вот как у вас тут было?

— Долго рассказывать, — ответил Збанацкий. — По одному, по двое подходили люди, собирались в отряд, потому что не могли сидеть сложа руки. Баз никаких, да и лесá слабы против ваших! Там кустик камыша, там островок густого орешника — вот и пересидишь лихой час. Теперь-то уже времена другие, не нам приходится искать спасения, а оккупантам. Ох, скорее бы война кончалась! — перевел он разговор на другой лад. — Столько детворы шатается без присмотра... Я ведь, Николай Иванович, был когда-то учителем...

— Кстати, я ваш коллега, — улыбнулся Жадовец, — только учительствовал не в этих краях. Ничего, скоро Красная Армия придёт, тогда прикинем, кому браться за мирный труд, а кому и дальше идти — добивать фашистов.

Вася восхищенно смотрел на них. И действительно, уже недалеко наши войска. Каждый скоро примется за свои дела... Нет, не каждый... Петр Анисимович так и не дождался освобождения. «Эх, дорогой вы мой учитель! Сидеть бы вам рядом с этими рассудительными, уверенными в себе людьми и мечтать о будущем». Васе уже вряд ли придется ходить

в школу: перерос за войну. Разве что вечерами...

Два дня связные были гостями отряда имени Щорса. Сходили в горячую баню, напарились так, точно решили враз смыть с себя копоть всех походов и боев. Облачившись в свежее белье, предложенное хозяевами, они блаженствовали...

Лишь на третью ночь собрались в обратный путь. Збанацкий сел на коня и проводил их до опушки. Передавая пакет, в котором был отчет о деятельности щорсовцев, об их боевых силах и планах, Юрий Олиферович на прощание сказал:

— Так и передайте Николаю Никитовичу: мы с радостью присоединимся к нему.

Прощаясь с Коробко, он по-отцовски заглянул ему в глаза:

— А тебе, парень, желаю скорее кончать свои боевые дела, не твоя это работа. Учиться надо, учиться...

— Не волнуйтесь, Юрий Олиферович, буду учиться. Вот только побьем захватчиков!

Збанацкий с болью вслушивался в слова мальчугана. «Что наделала война! Такой скромный с виду! Ему бы мечтать совсем о другом, а он так привычно говорит о смерти, о мщении... Да, жестокими стали теперь даже детские сердца, познавшие столько горя».

Группа связных скрылась в редколесье, а командир отряда имени Щорса был все еще во власти своих тяжких дум.

«Сколько таких мальчишек и в моем отряде! — размышлял Збанацкий. — Оторвались они от родительского крова, как листочки от веток...

Отдохнувшие чапаевцы быстро преодолевали версту за верстой, торопясь к своему зажатому во вражеские тиски отряду. Они не могли позволить себе долго сидеть пусть даже в относительной безопасно-

сти, в то время как там, на Черниговщине, любого их товарища подстерегала смерть. Жадовец почему-то верил, что донесение разведчиков поможет командованию найти верный путь при прорыве блокады: все-таки Попудренко будет знать, что в междуречье Днепра существует свободная партизанская зона.

Стояла непроглядная ночь. Под копытами коней звенела знакомая проселочная дорога, на которую связные выскочили наугад из перелесков.

По каким-то едва уловимым признакам партизаны поняли, что приближаются к расположению своего отряда. Как там? Наверное, тоже отбивается от наседающих карателей? Скорее бы присоединиться к друзьям, оказать им помощь...

Вскоре показалось село. В одной из крайних хат горел свет. Это было так удивительно — глухая ночь и светящееся, будто живое, маленькое оконце. Денисов потянул носом:

— Жареной курицей пахнет...

Партизаны стояли, вслушиваясь в ночь. Встречный ветерок утих. В воздухе действительно остро пахнуло горелыми перьями и топленым куриным жирком.

Ребята дружно решили попробовать раздобыть чего-нибудь съестного. Они тихо приблизились со стороны огорода к хате с горящим окошком. Денисов остался возле коней. Жадовец и Коробко, прижимаясь к стене хаты, двинулись вдоль завалинки.

Заглянув в окно, они увидели убогое жилище. На краю задымленной печи сидела бабуся, возле нее совсем крохотная девчушка. Рядом с ними на скамье высилась горка куриных тушек, уже обжаренных, а на земляном полу белели разбросанные перья.

Разведчики спокойно направились в сторону входа. Один за другим они проскользнули в хату и остановились на пороге.

— Добрый вечер всем, кто в доме этом! — проговорил Жадовец.

Бабуся разогнула спину, увидела двоих вооруженных людей и от неожиданности выпустила из рук недопотрошенную курицу. Девчушка тоже испуганно смотрела на пришельцев.

— Или не слышите? — спросил Николай, приветливо улыбнувшись.

— Да слышим, почему же, — наконец разомкнула беззубый рот бабуся. — Только гости такие поздние, что если бы и ждали, то все равно испугались.

— Никого в хате нет?

— Мы с внучкой.

— Тогда и нам легче.

Жадовец протопал к столу и спокойно сел на лавку. Он показал глазами на горку кур:

— Кому это столько добра?

Бабуся наконец-то окончательно пришла в себя, почувствовав, что в этот раз ее никто не собирается обижать, и зашамкала часто-часто, глотая отдельные слова:

— Думаете, себе? Дудки! С тех пор как эти немецкие куроеды наехали, мы забыли, что такое яйцо или мясо. Все подметают вчистую. И наши, которые подались к ним на службу, тоже не отстают. Аспиды проклятые! Будто никогда не наедались! Приехал в село какой-то Каганов, люди прозывают его власовцем. Издалека приехал, где-то учится на начальника. Ну и захотел жениться на одной нашей. Там такая хивря, что ко всем льнет, лишь бы ей хорошо было... Так вот, с полдня пьянствовали полицаи, все попили и поели. А завтра будут похмеляться. Ну, пошастали они по селу, самогону набрали, а мне всех кур снесли — жарь, баба, целую ночь, поскольку ведь беззащитная, сын в Красную Армию ушел, так хоть ты послужи, пока не поздно. Что мне делать? Жарю, чтоб им в пекле черти жарили...

У Жадовца неожиданно возникла мысль — доставить в отряд свежего «языка». Со слов разговорчивой бабуси он понял: Каганов — непростая птица.

— Где он сейчас, этот жених?

— Да у своей тещи ночует. Где пили, там и спят. Дружки порасходились по домам, тепленькие, а он уже с молодою, все хвалился осчастливить ее, в золоте купать.

— Где их хата?

— Возле самого базарчика. Такая большущая, с красными оконцами.

Жадовец встал.

— Ну вот что, бабуся, мы у вас возьмем взаймы три курочки. Полицаи не обеднеют, а вам какая забота? Нас многовато тут, у села, но на всех не напасешься. Остальное с внучкой доешьте, поскольку жениха мы прихватим с собой. А за рассказ спасибо. Вася, выбери...

Бабуся кинулась помогать, приговаривала и совала в руки смущенному мальчугану самые жирные тушки, еще раз объяснила, как пройти к нужной хате. Разведчики, ведя коней в поводу, двинулись по сельской улице.

В большой высокой хате, на которую указала бабуся, еще горел свет. Партизаны прислушались — не слышно ли шагов часового? Но вокруг стояла густая тишина. За освещенным окном сновала одинокая женская фигура. Значит, можно заходить в гости без шума.

Денисову снова выпало стоять на часах. Он привязал коней к плетню и притаился под стеной, у окна, выходящего на огороды, на тот случай, если власовец вздумает драпануть через него.

Жадовец с Коробко постучали в дверь. В хате что-то звякнуло. В сенях послышались легкие шаги. Женский голос спросил:

— Кто там?

Жадовец подтолкнул Васю: давай!

— Начальник полиции из Семеновки приехал. Катанов у вас?

— Сейчас, сейчас, — засуетилась женщина, стукнула чем-то, загремела засовом.

Открыв дверь, она увидела высокого мужчину и мальчика да и затарахтела:

— Ой, господи, разве ж кто знал, что так поздно гости прибудут! Да проходите, проходите в хату...

Хозяйка забегала вокруг гостей, вполголоса приговаривая:

— Да вы же с дороги. Просим к столу. У нас как раз все есть. Свадьбу справляем. Садитесь, я сейчас угощу вас...

Жадовец внимательным взглядом окинул хату. Узкая дверь вела в соседнюю комнату. Значит, жених с невестой там.

Он сердито отмахнулся от назойливой женщины и сказал:

— Есть и пить потом. Где ваш зять?

— Где же ему быть после свадьбы? — засмущалась женщина. — С дитем моим. Они, правда, того, немного перебрали... Однако на то ведь и радость, чтоб выпить...

— Пошли! — решительно произнес Жадовец, подхватив автомат, и направился к двери.

В спальне чуть теплилась керосиновая лампа, прислоненная к печи. Молодая сидела на краю кровати, ссутулившись, напялив на плечи простыню. А на пуховиках, раскинувшись, лежал жених — плюгавенький человечек. Видно, хорошенько хлебнул он с вечера и теперь тяжело храпел.

Жадовцу стало противно от этого зрелища, он нагнулся к кровати и резко скомандовал:

— Встать!

Молодая всхлипнула и спрятала голову под про-

стыню. А жених сел в постели и ошалело пялился на незнакомого человека, который направил на него автомат. Какое-то мгновение в комнате царило оцепенение. Но вот жених от страха протрезвел и резво бросился к окну. Но Николай преградил ему дорогу:

— Э нет, не выйдет, одевайся, и чтоб мне без фокусов!

Что-то сломалось в плюгавеньком, видно, уразумел, что просто так ему вырваться не удастся. Натягивая дрожащими руками штаны, он вдруг согнулся и заскулил:

— Отпустите меня. Я ничего плохого никому не сделал. Я всего-навсего служу в полиции, потому что некуда было податься. Если б я знал, как попасть к вам в лес, давно уже бросил бы все...

— Вот и поможем тебе. Дождался.

Уже напялив на себя китель, незадачливый жених внезапно присел и на карачках полез под кровать.

— Никуда не пойду! Убивайте здесь, на глазах у честных людей! Не пой-ду!..

Обе женщины, которые молчали до сих пор, тоже заголосили. Вася повернулся к старухе и крикнул:

— Молчали хотя бы вы, тетка! Говорили здесь нам о радости, а про то и не подумали, кого приютили в хате!..

Жадовец тем временем схватил свободной рукой человечка и вытащил его из-под кровати. Пришлось крепенько стукнуть предателя прикладом, чтоб привести его в чувство.

— Пошли!

— Вы меня убьете, я знаю, знаю...

— Не бойся, не убьем, — успокоил Жадовец. — Нам такая птица и в отряде понадобится. А там уже решат, что дальше с тобой делать.

Вслед им понеслись отчаянные вопли женщин. Николай не удержался и сердито сплюнул:

— Тьфу, дурехи! Да вы через неделю креститься будете, что мы забрали от вас это чучело! Совсем о совести забыли! Подождите, придет наша армия, что скажете своим землякам?..

Денисов с нетерпением прислушивался к шуму в хате. Увидев обоих друзей и пленного, он с облегчением вздохнул:

— Ну и долго же вы возились!

На исходе ночи, когда уже слегка засинел восток, партизаны наконец наткнулись на свою заставу у Хомутовщины. Встреча была радостной, командование с нетерпением ждало вестей от связных. Валя Щербакова сразу же села за передатчик и стала выстукивать центру отчет Збанацкого, не забыв при этом передать, что связь установлена непосредственно с самим командиром отряда имени Щорса.

А отважная тройка, сдав пленного власовца, оказалась в объятиях друзей.

ГЛАВА XIX

Над Изруевским лесом кружился немецкий разведывательный самолет, прозванный партизанами «рамой». Он был похож на коршуна, который зависает на воздушных потоках и сверху наблюдает за добычей. Круг за кругом фашистский стервятник то снижался над лесом, то снова задирал свой тупой нос, ныряя в облака.

Чапаевцы насторожились. Дымки костров перестали тянуться вверх. Притаились люди и кони. Что-то угрожающее было в этой ярко-зеленой тишине, в этом медленном течении времени.

Не успела «рама» уползти за горизонт, как с неба послышалось басовитое завывание многочисленных моторов. Летели бомбардировщики. Уже было видно сквозь сетку ветвей, как в небе застыла тройка самолетов с черными крестами, вот-вот оторвутся от них черные точки и ринутся вниз.

Но звено самолетов миновало лагерь. Значит, они летят бомбить их вчерашнюю стоянку, которую партизаны предусмотрительно покинули еще ночью.

Совсем рядом, словно за ближними деревьями. загремели взрывы, покатилось эхо во все стороны, волна за волной, волна за волной...

Отбомбившись, самолеты пронеслись над самыми верхушками сосен, надсадно ревя моторами. Но этот рев уже никого не пугал.

Так продолжалось с полчаса. Потом вокруг снова легла тишина.

Следующей ночью партизаны снялись с пристрелянного фашистами места и к утру уже были в Хомутовском лесу. Едва позавтракав, все, кроме охраны, повалились прямо в траву и после тяжелой дороги заснули тревожным сном.

Вася прислонился головой к толстому корню сосны, свернулся калачиком и заснул, точно нырнул в темноту. На ноги его заставил вскочить пронзительный крик:

— Братцы! Попудренко убит!

Радистка только что приняла скорбную радиограмму: при прорыве вражеского кольца погиб смертью храбрых партизанский вожак Николай Никитович Попудренко.

Коробко, услышав страшную весть, рванулся в лес. Он бежал меж деревьями, продирался сквозь густые кусты, пока не захлебнулся свежим ветром, пока не потемнело в глазах. Только тогда Вася упал на редкую бледную травку и зарыдал от безутешного горя. Могло ли такое случиться? Может ли погибнуть человек, который был ему отцом и учителем во всем? Нет, такого не может быть! Радистка что-то напутала. Это неправда, неправда...

Однако сколько ни уверял себя Вася, что такого не может быть, в висках у него стучало настойчиво и

мучительно: все, уже нет на земле отважного командира, уже не произнесет он ему ни одного слова утешения или совета. Вася переворачивался с боку на бок, катался по земле, бил кулаками в податливый, мягкий мох, не сдерживая рыданий. Перед глазами вставал то один, то другой случай, связанный с Попудренко, и тогда горе становилось еще больше, выливалось слезами отчаяния.

Долго не было парнишки в лагере. А когда он вернулся, все заметили его покрасневшие глаза на вмиг осунувшемся лице.

Вася раскис бы совсем, если б ему пришлось сидеть без дела в лесу. Однако наступили такие горячие дни, что некогда было даже полчаса остаться наедине с самим собой. В лесах бурлили сражения, обессиленные партизаны яростно отбивались, а ночами снова бесшумно ускользали из вражеского кольца.

Так продолжалось до тех пор, пока чапаевцы не соединились с основными силами областного отряда.

На какое-то время наступило затишье, и Вася незаметно для других оставил многолюдный лагерь. Он пошел лесом напрямик, без определенной цели, ни о чем не думая, и вскоре оказался на опушке.

Было позднее утро. Солнце уже успело хорошо прогреть землю, жухлые листья под его жгучими лучами стали сворачиваться в трубочки.

Дождей давно не было. На траве лежал тонкий слой сизой пыли. В небе ни единого облачка, точно оно оплавилось от летнего зноя. Лишь над речками Рванцем и Одрой поднималось прозрачное марево.

Вася постоял, оглядывая родной сердцу пейзаж, потом медленно опустился навзничь в густую траву. Она ласково обернула шелком плечи и спину, нависла над ним, легонько трогая лоб и щеки.

Когда лежишь вот так, раскинув руки, сам себе кажешься большой вольной птицей, взлетевшей вы-

соко в небо и неподвижно парящей в нем. И уже земля — это небо, а небо стало землей. И в беспредельности, синеющей над тобой, так светло и прекрасно, что хочется плакать от такой ясности и чистоты.

О если б это было и в самом деле! Ведь в мире сейчас столько страшного, черного и жестокого. Только подними голову и окинь туманный горизонт, как вмиг исчезнет чувство вольного полета, только вспомни село Машево — сразу же вернешься к страшной и горькой были.

...Как-то в мае чапаевцы остановились в четырех километрах от села Машево. Командир отряда хорошо знал эти места, поскольку сам был родом отсюда. Требовалась хотя бы небольшая передышка, иначе люди могли совсем свалиться с ног.

Но не прошло даже суток, и партизанам стало невмоготу сидеть тайком в лесной пуще, внимать гулу вражеских бронетранспортеров, слушать рассказы о том, как творят расправу над мирными жителями озверевшие фашисты и полицаи.

В Машеве было полно немцев. За их бронированную спину спрятался местный помещик Добровольский. Он прибыл из каких-то далеких краев в свою бывшую вотчину и провозгласил себя владыкой едва ли не всей Левобережной Украины. Немцы не очень перечили таким заявлениям — пусть потешится новоявленный хозяин, пока прояснится обстановка на фронтах.

Добровольский сразу же принялся наводить порядок в селе на свой лад. Сельмаг был преобразован им в ресторан с яркой вывеской над входом: «Только для немцев». По доносам предателя все бывшие активисты или сочувствующие Советской власти подвергались аресту, а затем расстреливались.

Чапаевцы решили выяснить обстановку в селе, чтоб, по возможности, защитить народ от беды. Рань-

не местные жители с радостью помогали партизанам, а теперь, куда ни постучишь, дверь не открывается, а если и впустят, так только уступая настойчивости. И поговорить, и раздобыть что-нибудь съестное стало совершенно невозможно.

Сбитые с толку разведчики ничего не понимали— такого не бывало с самого начала оккупации.

Все прояснилось лишь после встречи со старостой Максимом Шкуратом, работавшим на партизан. Он рассказал, что в селе появились неизвестные люди, которые не сидят на месте, все где-то рыскают, ночуют то в одном месте, то в другом. Однако то, что их поддерживают немцы, ему известно точно. Очевидно, это именно они грабят мирное население, убивают невинных людей, выдавая себя за народных мстителей.

Костюков решил положить конец этой подлой игре.

Коробко надлежало прийти в Машево и поселиться у Миколы Буряка, который перед самой оккупацией вернулся из Донбасса в родные места. Вася выдавал себя за сына одного из приятелей Буряка, шахтера-крепильщика: прибился, мол, сюда, умирая с голоду. Он слонялся среди врагов, иногда угодливо прислуживал им, чтобы побольше увидеть и услышать.

Довольно быстро ему удалось установить, что руководит «партизанами» бывший рецидивист Савелий Юхновец. Появился он в селе недавно, прибыл из Харькова, где тоже не сидел сложа руки, верно помогал устанавливать «новый порядок». Отряд провокаторов организован им по приказу начальника новгород-северской жандармерии Петерса.

Двенадцатого мая чапаевцы без потерь заняли село, стремительной атакой смяв лжепартизан, которые в этот раз избрали местом отдыха Машево. Не ушли от рук народных мстителей ни Юхновец, ни его сообщники. Рассказав селянам, что это за птицы, партизаны расстреляли их на виду у всех.

В общей суматохе никто и не заметил, как меж людьми сновал, внимательно присматриваясь ко всему, худосочный мужичок, как примечал он тех, кто знается с партизанскими командирами.

Когда партизаны возвратились в лес, почти тотчас же Машево занял карательный отряд. Фашистам не пришлось долго искать тех, кто им был нужен, — остановились возле сельской управы и несколькими ударами прикладов сбили с ног Максима Шкурата, который вышел на крыльцо встречать гостей.

Старосту страшно истязали, обливали водой и опять принимались за допрос. Мужественный подпольщик молчал — только криво улыбался да стирал кровавые сгустки с изуродованного лица. Эта улыбка бесила немецкого офицера, он с пеной у рта изрыгал проклятия и снова набрасывался на беспомощного пленника, валил наземь, пинал ногами, пока сам вконец не изнемог. Выпытать что-нибудь у своей жертвы фашистам не удалось.

Шкурат улыбался, глядя, как разжигают костер под его ногами. Длинные языки пламени пронизали все тело страшной болью. Лишь когда огонь достиг груди, он закричал:

— Гады, жгите мое тело! Душу не сожжете! Народ не сожжете!

Так и погиб верный сын своего народа Максим Шкурат. И то ли его мужественная смерть, то ли еще что-то испугало офицера, но он тут же сел в машину и удрал в Новгород-Северский, подальше от непокорного села.

...Вася лежал на теплой земле и словно и сейчас видел бушующее пламя, улыбку отважного героя, презревшего огонь смерти, слышал его могучий голос, который, кажется, и доныне звучит в этом высоком небе. Думалось: а хватило бы у него силы на такое? Кто знает! Но как бы там ни было, он, Вася Коробко, тоже не изменит своим идеалам, не поддастся палачам...

В Кудринском лесу карателям вновь удалось обложить соединение со всех сторон. Гитлеровская петля затянулась так туго, что стало трудно дышать. Командование разгадало вражеский план — вбить клин между Чапаевским и Ленинским отрядами, разъединить и уничтожить их порознь.

Именно для этих целей в Оболоне прошла подготовку ударная группа в несколько сот человек, с орудиями, бронетранспортерами, прожекторами — на случай ночного боя. Партизаны своевременно установили в особо опасных местах мины, создав непрерывную оборонную полосу.

По флангам не утихал бой, все соединение отбивало настойчивые атаки карателей, а здесь, на стыке двух отрядов, было относительно тихо. Вечерело. Солнце малиновым краешком выглядывало из-за Убиди, будто раскаленная подкова погружалась в воду, чтоб остудиться до черноты.

Но вот громче зазвучали пулеметные очереди от Понорницы, стряхнув напряженное ожидание, привели в движение партизанскую цепь, которая залегла вдоль опушки.

Вечерело, а карателей поблизости нет как нет. Неужели они решили атаковать ночью? Это непохоже на немцев. Впрочем, привычки и правила со временем меняются, враг тоже берет на вооружение партизанскую тактику. Ну что ж, пусть попробует, посмотрим, что из этого выйдет...

Коробко с Александром Денисовым выдвинулись чуть ли не к самой минной полосе. Поэтому им первым удалось заметить, как из-за холма ринулось полчище фашистов с двумя бронетранспортерами впереди. Значит, будет жарко. Хоть бы сработали мины!

Броневики сунулись в редкий сосняк, где затаились партизаны. Следом за броневиками — пехота. Немцы шли густо и спокойно. Точно пребывали в пол-

ной уверенности, что никто не встретит их здесь огнем, не преградит им путь.

Уже стемнело. Различимы были лишь неясные силуэты на фоне звездного небосклона. Вдруг партизанам в глаза ударил такой яркий свет, будто солнце, передумав заходить, подпрыгнуло над горизонтом и, ударившись о землю, раскололось на две половины...

Прожекторы! Фашисты хотят ослепить их и, ошеломленных, растерянных, взять голыми руками.

Ну нет, не так-то легко будет это сделать! Из леса коротко и звонко ударили бронебойщики. Бронетранспортеры ответили им кинжальным огнем.

Внезапно одно из медленно ползущих солнц погасло. Еще злее застрочили пулеметы врага.

— Ура-а! — подпрыгнул Вася. — Сбили одного, сбили!..

— Лежи, чего под пули лезешь? — сердито шикнул на него Денисов.

Коробко лег в траву и, ничего не ответив, продолжал смотреть вперед. Теперь лес освещал лишь один прожектор. Он был уже совсем рядом, мощный луч света растекался по траве, упирался в стволы берез и сосен, которые напоминали сейчас восковые свечи. Глухо прогремел взрыв, темнота разорвалась на куски и снова сомкнулась где-то вверху. Погас и второй прожектор. Стрельба разом смолкла.

Денисов повернулся к Васе:

— Ну, хлопчик, считай, что мы не зря поработали. Один все-таки наскочил.

Вася и сам понял, что это подорвался на мине бронетранспортер. Теперь еще бы и второй свалить — тогда был бы полный порядок: пехота партизанам не так страшна. Коробко ловко извлек из вещевого мешка помятый немецкий китель и кинул на траву.

— Что ты там возишься? — не понял его Денисов.

— На всякий случай. Если бронетранспортер бла-

гополучно обойдет мины, мы его здесь подорвем. Давай переодевайся, пока снова не началось...

— Добре! — понимающе кивнул Денисов и тоже завозился в кустах.

Через несколько минут оба они облачились в немецкие мундиры. Со стороны притихшей было вражеской цепи, откуда доносилось лишь глухое урчание мотора, усиленный рупором хриплый голос проверещал:

— Партизаны, сдавайтесь! Вы окружены! Немецкое командование гарантирует всем жизнь! Сдавайтесь добровольно, сдавайтесь!..

Этот хриплый голос долго призывал к покорности, эхо от него билось о сосны, блуждало среди них, пока кто-то из партизан не сдержался и не дал в ответ короткую очередь из автомата.

— Пусть бы еще покалякал, — спокойно сказал Денисов, переложив из одной руки в другую немецкий автомат.

— Да нет уж, пускай лучше наступает. Надоело ждать...

И вот снова белым светом налился прожектор, взревел мотор бронетранспортера, каратели дружно ударили из автоматов по сосняку. Откуда-то из-за их спин засвистели снаряды — это артиллерия поддерживала наступление.

Лес наполнился неимоверным грохотом, всплесками пламени, визгом свинца и стали. Все ближе и ближе ослепительно яркий луч прожектора. Вот уже он проскочил минное заграждение... И тогда, перехватив момент, две человеческие фигуры бросаются в заросли папоротника.

Бронетранспортер останавливается и поливает огнем пулеметов все вокруг. Пули свистят над головами, косят кусты, откалывают щепки от стволов. Но всего одной минуты хватает для того, чтобы ребята успели подложить мину под самое днище бронетранспортера,

отползти на несколько метров и притаиться в зарослях, на которые уже надвигалась вражеская цепь.

Совсем рядом с Коробко и Денисовым татакают автоматы, еще миг — и могучий взрыв подбрасывает бронетранспортер и окончательно гасит прожектор. Вонючий дым вместе со взрывной волной еще перекатывается через минеров, а из сосняка уже доносится громкое и радостное:

— Ура-а-а!..

Вражеский огонь оборвался. Цепь карателей какое-то мгновение топчется на месте, а потом поворачивается и бежит туда, откуда, еще ни о чем не догадываясь, артиллеристы посылают снаряд за снарядом в опустевший сосняк.

Этот вечерний бой был коротким. Сразу же оборвался стрекот пулеметных и автоматных очередей, стихли разрывы гранат. Было жаль, что немецкие артиллеристы все-таки успели своевременно сняться с позиции и выйти из боя.

Партизаны возвращались в лагерь. Уже на подходе к нему Денисова и Коробко догнал Виктор Сахариенко. Он нес два немецких автомата, весь потный, усталый, однако с улыбкой во все лицо. Узнав обоих минеров, он задорно спросил:

— А где же ваши трофеи?

— Там, — махнул назад рукою Вася. — У нас трофей такой, что не понесешь...

— Ясно! Так это, значит, вы рванули?! Молодцы, ничего не скажешь...

Веселый гомон катился по редколесью. Никто в отряде и в мыслях не держал, что так легко провалится замысел карателей — использовать против партизан их же тактику — не раз испытанное в боях ночное наступление. Каждому хотелось рассказать о своих приключениях, о комичных или героических эпизодах, которые запомнились ярче других.

Среди возбужденных сражением лесовиков шагал и Вася Коробко. Уже когда миновали линию окопов за сосняком и приближались к лагерной черте, он услышал тонкий девичий голосок, который просто рвался от волнения:

— Василек, жив?!

В ту же минуту руки Лиды обхватили его плечи, и он почувствовал у себя на щеке, на губах что-то теплое, соленое, услышал резкое порывистое всхлипывание. Вася растерялся, крутнувшись высвободился из объятий и, смущенно зыркнув на друзей, сказал:

— Ну чего тебе, Лида? Пусти, слышишь, пусти...

А девушка, уже оторвавшись от Васи, покрытого копотью и пылью, шептала одними губами:

— Жив... Василек, жив!..

Виктор сказал деланно сердито:

— Да хватит тебе! Голосишь, как по убитому...

Лида опустила глаза и выдавила сквозь слезы:

— Иван Макотра, ездовой, приполз, раненный, в лагерь и говорил, будто бы Вася подорвал броневик, а сам погиб...

Девушка снова всхлипнула.

— Ну и мокроглазая ты, Лида! — засмеялся Вася.

Ему было приятно, что именно из-за него льются такие слезы, что именно его так ждали из боя.

— Хватит, слышишь?..

— Да я так... больше не буду, — улыбнулась девушка сквозь слезы.

— Ты смотри, детвора! — многозначительно хохотнул Сахариенко, провожая глазами сестру.

Вася не обиделся на это немного снисходительное «детвора» — пусть себе посмеивается, ничего...

То здесь, то там вспыхивали огоньки цигарок. Трещал под ногами сушняк. Взошла луна, наполнив лес таинственным светом, выхватывающим лица людей с веселыми глазами, в которых сияла радость победы.

ГЛАВА XX

Длинной колонной вытягивается партизанское соединение. Начало ее неторопливо минует Кудринский лес, медленно огибает одно болото, потом другое. Измученные непрерывными боями, бессонницей, голодом и зноем, партизаны вынуждены оставить обжитые места, чтобы искать себе более спокойное пристанище.

То жидкая трясина чавкает под копытами и сапогами, то облака пыли окутывают колонну. Некогда остановиться передохнуть, хотя бы часок, надо спешить — пока не опомнились и не организовали очередное нападение оставшиеся позади карательные отряды.

Только безостановочное движение может уберечь соединение от новых кровопролитных боев, только этот упорный ход по изувеченной захватчиками родной земле. Впереди спасительный Елинский лес, его дебри укроют партизан, уберегут от жалящих укусов врага, который приходит в бешенство в предчувствии своей близкой гибели.

Чапаевцы идут в конце колонны. Они должны отбивать наскоки карателей — ведь все понимают, что спокойно достичь Елинского леса им не удастся, что враг приложит все усилия, чтоб не выпустить из кольца целое соединение партизан, не дать ему возможности развернуться для новых боевых действий.

Полевая дорожка, поросшая густой травой, пересекает маршрут, так и манит к себе... Однако свернуть на нее нельзя — все подходы к селам сейчас наглухо перекрыты фашистами, в каждом селе стоят гарнизоны, которые только и ждут появления обессиленных партизан.

— Воды! — пересохшими губами шепчет на возу раненный в голову пулеметчик Бордус. — Воды!..

Вася слышит этот стон, склоняется над раненым и едва не плачет от своей беспомощности — нигде вокруг воды нет. А болотная жижа не годится даже для

того, чтобы ею смочить лоб. Зной высушил родники, а копать колодец просто нет времени. Да и попробуй его еще выкопать...

Вася склоняется ниже, стараясь заслонить собой солнце — пусть глаза раненого отдохнут от резкого света, — однако кони дергают подводу, то и дело вырывают бледное лицо Бордуса из тени, и Вася только поскрипывает зубами в отчаянии от собственного бессилья.

Медсестра Люба Евстратова утешает его — скоро должна быть остановка, тогда и напоим раненого. Но Васю это не успокаивает. Плавится в полдневном зное горизонт, тянется по дороге колонна, будто кто ее завел раз и навсегда, запустил однажды и никогда уже больше не остановит.

— Воды!.. — снова хрипит из-под бинтов раненый.

Васе так больно, словно его голову тоже пробило пулей. Он вдруг замечает на подводе несколько ящиков с трофеями, сдергивает с одного из них шинель. В ящике лежат яйца, солнце играет на их белой скорлупе, пускает «зайчики».

— Люба, а вы дайте ему яиц! Они сырые?

— Ой, и вправду! — вскрикивает медсестра и, продолбив дырочку в яйце, прислоняет его ко рту Бордуса. Тот жадно высасывает содержимое и закрывает глаза.

— Ну вот, — улыбается Вася, шагая рядом с подводой.

Когда же он снова встречается со спокойным, осмысленным взглядом раненого, сердце его наполняет радость — все будет хорошо, только бы добраться до леса, а там Бордуса быстро поставят на ноги.

Ближе к вечеру партизаны остановились в глубокой балке. Дальше идти уже не было сил ни у лошадей, ни у людей. Кто где стоял, там и валился. На время забыты и голод, и зной — только бы прижаться к земле, только бы дать отдых одеревеневшим ногам...

Но Васе Коробко не лежалось: он вспомнил о Бордусе, вспомнил его потрескавшиеся губы, из которых вырывалось одно-единственное слово: «воды»...

Где же ее взять, эту воду? Мальчишка встал. Вокруг лежали люди — кто прямо под солнцем, кто в жиденькой тени под кустиком.

Выпряженная из подводы кобыла щипала траву, а возле нее топтался жеребенок, пытаясь дотянуться до материнских сосцов... Вася обрадованно вскочил.

Ну как же он раньше не мог додуматься, чем напоить Бордуса! Парнишка прихватил котелок, веревку и направился к лошади.

Привязав ее к подводе и спутав ей задние ноги, он примостился на корточках под худым, то и дело вздрагивающим брюхом.

Кобыла встревожилась, попробовала уклониться от настырного дояра, но веревка крепко держала ее. Соски выскальзывали у Васи из пальцев, но он постепенно приловчился, и струйки теплого молока полились в пустую посудину.

Вася ничуть не конфузился, слыша насмешки и хохот лесовиков, которые никак не могли понять, почему это ему вдруг вздумалось подоить кобылу. Впрочем, он и не намеревался никому ничего объяснять — потом сами увидят. Зорко следя за тем, чтобы кобыла не взбрыкнула, не выбила из его рук посудину, парнишка продолжал свое дело.

Надоив почти полный котелок, Вася вытер рукавом пот со лба и направился к Бордусу, стараясь не прислушиваться к насмешкам, которые, как подсолнечная лузга, сыпались на него со всех сторон.

Пулеметчик лежал на подводе неподвижно. Увидев Коробко, он повел в его сторону глазами, будто хотел что-то сказать, однако сил у раненого не хватило. Не произнеся ни слова, он только вяло улыбнулся сухими, бескровными губами.

Вася осторожно просунул руку под его голову и наклонил котелок ко рту раненого. Бордус застонал от боли, а потом стал жадно глотать кобылье молоко. Глоток за глотком втягивал он в себя целебную жидкость, и постепенно смертельная бледность сходила с его лица.

Уже когда на дне оставалось совсем немного молока, Вася поставил посудину на сено и бережно опустил перебинтованную голову Бордуса, подложив под нее чей-то ватник.

— Спасибо тебе... — едва слышно прошептал раненый. Грудь его порывисто вздымалась, но это было уже дыхание жизни.

В наступивших сумерках соединение продолжило свой путь. До леса оставалось всего несколько километров. Если все будет в порядке, то партизан ожидает ночевка в родных, обжитых еще с начала войны местах. Но не так-то просто дались им эти последние километры. Едва колонна стала выбираться из балки, как вдали послышался хорошо различимый рокот моторов. Он доносился с той стороны, откуда они только что пришли. Значит, каратели все-таки успели подтянуть силы.

Костюков вызвал отделение автоматчиков. Его приказ был тут же исполнен. Он спросил Васю, поправляя у себя на груди оружие:

— Хватит ли тебе охраны?..

— Да я бы и сам как-нибудь справился, — отмахнулся Коробко.

— Ничего, ничего. Ты давай только, чтобы мостик через Убидь чисто взлетел. А вы, если что, огнем его прикройте. Ясно? — обратился он к автоматчикам.

— Ясно, товарищ командир!

— Действуйте! — махнул рукой Костюков и повернулся к колонне, чтоб подготовить людей к возможному бою.

Пока формировалась группа прикрытия, Вася в сопровождении автоматчиков во весь дух мчался к реке. Все ближе глухой рокот многочисленных моторов — судя по звуку, шли бронетранспортеры, а может, и танки. Протяжно гудели автомобили.

У самого берега Убиди Вася соскочил с коня, пробежал по деревянному продырявленному настилу с изломанными перилами по бокам. Прикинув на глаз, где должны были пройти колеса или гусеницы, он нащупал ногой расшатанную доску. Осторожно заложил под нее заряд, рассчитанный на давление тяжелой машины. Через несколько метров приладил еще одну мину. Если они сработают, пусть тогда фашисты поищут себе брода...

— Ну как, уже? — крикнул с противоположного берега один из автоматчиков.

— Будто так и было, — весело ответил Коробко, ловко взбираясь на коня.

Эхо взрыва покатилось по Убиди. Вася не без гордости взглянул на своих товарищей и засмеялся:

— Теперь порядок!

Всадники вынырнули из балки и полетели вдогонку за соединением, которое уже успело втянуться в редкий перелесок. За их спинами слышалась беспорядочная стрельба, а впереди из-за горизонта выкатывался огромный диск солнца.

Часам к десяти утра колонна без дальнейших происшествий прибыла в Елинский лес. Его давно называли «партизанским», ведь именно здесь появились и первые партизанские могилы.

Вася медленно побрел к молодому ельнику, который успел уже подрасти за семнадцать месяцев их отступления. Вот и знакомая просека, на которой одиноко стоит исхлестанная ветрами береза.

Вася подошел к ней вплотную и припал щекой к стволу. На березе виднелись глубоко врезанные, с на-

плывами свежей коры, слова: «Сапер ошибается только раз». Их он не однажды слышал от старших товарищей в то время, когда еще только собирался стать минером. Что ж, это золотое правило Вася хорошо усвоил, ни одна мина пока не взорвалась в его руках.

Рядом шумели кронами деревья, точно приглашая его в свою сень. Где-то там есть святое место для Васи, куда он столько времени не мог наведаться.

Оторвавшись от березы, парнишка направился к заветному ельнику. Сердце часто-часто стучало в груди, дрожали ослабевшие ноги.

Вот и незаметная, скромная могилка, что притаилась в зарослях орешника. Края ее оползли, покрылись зеленой муравой.

Вася присел на землю и словно окунулся в ту холодную, лютую зиму, в тот страшный буран, когда должен был покинуть лагерь и тяжелобольного Петра Анисимовича. А потом он возвратился, но уже не застал в живых любимого учителя. Друзья рассказали, как тяжело было копать мерзлую землю, как очищали яму от снега, который все шел и шел...

Вверху шумели лапчатые густые ветви, от них веяло спокойствием и печалью. Нет, не впустую прошло это время: не одну сотню врагов уничтожил Вася Коробко, поклявшись отомстить оккупантам за смерть учителя.

Вечером высоко над лесом прошли немецкие бомбардировщики. Когда-то, в начале войны, их басовитое гудение бросало каждого в дрожь, заставляло поспешно прятаться в укрытия. Теперь же ни один человек даже не обратил внимания на них — люди научились распознавать, чувствовать нутром, когда самолеты летят бомбить не их, а потому занимались своими делами.

Вася, прихватив лопату, снова побрел в ельник, где старательно принялся приводить в порядок могилу

Иценко. Сначала он подсыпал на холмик земли, потом нарезал дерна и выстелил им откосы.

Возвращение в родные края настраивало партизан на воспоминания. Васе за работой тоже припомнилось многое. И село Гулино, что лежало совсем неподалеку от Елинского леса, и Чертов Хутор, куда приходилось столько раз ходить в разведку.

Где-то недалеко несет свои воды Днепр, за которым уже Белоруссия. Где-то в той же стороне и Жуклинский лес. Это там случилось ему подорвать первый вражеский танк.

Наскочив на замаскированную мину, стальная громадина тут же перевернулась и запылала. А Васю от волнения стала бить крупная дрожь. Потом за ними гнались немецкие автоматчики с овчарками. Едва отбились...

Сколько подобных стычек с врагом было у Васи вокруг этого огромного леса, который снова укрыл партизанское соединение! Сколько тех, кто начинал здесь героический путь, никогда уже не увидят ни высоких сосен, ни родного лагеря, разрушенного и вновь сооруженного партизанскими руками!

Да, все это уже позади. Вот-вот на землю Черниговщины должно прийти освобождение. Все чаще лесную тишину нарушали доносящиеся издали, с востока, глухие раскаты — это не гроза собиралась на горизонте, потому что небо было ясным и щедро светило солнце. Это слышалась артиллерийская канонада.

Каратели наконец отказались от мысли разгромить партизанское соединение. Да и не с руки уже им было соваться в небезопасный лес: медленно приближался фронт, именно там нужны регулярные войска, чтобы хоть на некоторое время оттянуть гибель фашистского рейха.

Из штаба партизанского движения был получен новый приказ — соединению разделиться. Одной поло-

вине, снявшись с места, переправиться через Днепр и двигаться в глубокий вражеский тыл. Другой — оставаться в Елинском лесу и формировать будущий аппарат для восстановления народного хозяйства Черниговской области. Комсорг соединения Мария Скрипка сказала Васе, что его тоже предполагается оставить на месте. Коробко сразу же запротестовал и кинулся к командиру соединения Короткову.

Федор Иванович сидел в палатке из парашютного шелка. Лицо у него было озабоченное, суровое, а в душе жаворонком звенела радость от полученного сообщения из Москвы, в котором говорилось, что наши войска вот-вот должны освободить всю Черниговщину от немецко-фашистских захватчиков. Задача разделения партизанского соединения на деле была неимоверно тяжелой...

Казалось бы, кому не хочется наконец-то спокойно ходить по освобожденной земле, жить, работать, не прячась, не забираясь в спасительные дебри? Так нет же, приходится большинству втолковывать, что это необходимо, что продолжать войну будут другие, и если кого-то отобрали для мирной работы, так есть на то особые причины.

— Товарищ командир соединения, разрешите? — робко спросил Коробко.

Федор Иванович приподнял голову. Паренек распрямил пулеметные ленты на груди, поправил автомат. Стоит перед командиром соединения и прямо в душу ему, словно гипнотизируя, смотрит своими большими карими глазами.

«И этот, наверное, запоет ту же песню, если так решительно глядит», — подумал Коротков и с деланным равнодушием спросил:

— Что у тебя, Васек?

— Разрешите мне идти во вражеский тыл! — выпалил одним духом Коробко.

— Понимаешь, — сказал, помедлив, командир, — война для нас кончается. Тем более для тебя.

— Почему именно для меня? Как на диверсии посылать, так меня первого. Не правда? Я своими руками девять эшелонов пустил под откос, а теперь... — Вася вспыхнул. — Со мной разговаривают, будто с малышом каким...

— Я тебе еще раз повторяю — для тебя война кончилась. Спасибо, что столько сделал, теперь пусть взрослые повоюют, а тебе учиться — понимаешь? — учиться надо...

— Считаю своим долгом сказать вам — пока война не закончилась, я не думаю садиться за парту! — решительно ответил Коробко и отвернулся, скрывая слезы обиды.

— Ну, это мы еще посмотрим. Ты комсомолец?

— Ну и что?

— А вот пусть тебя по комсомольской линии и спросят, как ты выполняешь приказ командиров...

— Да поймите же, Федор Иванович, — чуть не закричал Вася. — Как же я могу с книжками сидеть, когда фашисты еще не добиты?

— А как я могу? — спокойно ответил Коротков.— Да вот приказали сдавать дела — и выполняю. Думаешь, мне очень хочется именно сейчас браться за работу в тылу, оставлять родных мне людей, автомат этот боевой отдавать кому-то?.. Нет, голубь ты мой, так нельзя. Иди, Васек, занимайся своими делами, и советую: не бегай напрасно по командирам, не надоедай. Понятно?

— Понятно, — сердито буркнул Вася. — Разрешите идти?

— Иди, Васек, — разрешил Коротков и склонился над бумагами.

Парнишка с первых же слов командира понял, что разговор этот ни к чему не приведет. Ну что ж, пу-

скай Коротков думает о нем что хочет, а он все-таки попытается добиться своего...

Все же исполнить задуманное Коробко так и не удалось. Соединение разделилось. Бóльшая его часть — и среди них столько верных друзей Васи! — двинулась по вражеским тылам. А те, кто остался в Елинском лесу, в один из сентябрьских дней встретили Красную Армию, которая освободила Черниговщину.

Правда, Коробко припоминает то волнующее событие как в тумане: неожиданная болезнь свалила его с ног, жар помутил сознание...

ГЛАВА XXI

Вася не спеша брел улицей родных Погорельцев. Уже несколько дней прошло с тех пор, как вернулся он домой после выздоровления, а все никак не может привыкнуть к этой тишине, покою и светлой радости, которая переполняла души людей.

Однако долго ли можно так разгуливать? До сих пор Коробко жалел, что из-за болезни отстал от своих, не смог пойти вместе с частью соединения в новый рейд по вражеским тылам. Но ведь и теперь еще не поздно взяться за дело...

Своим делом он считал одно-единственное: воевать с врагом, бить его до конца!

Вася думал, что после освобождения Черниговщины к нему будут относиться иначе — все-таки немало сделал, воевал, имеет награды.

Но только сунулся было в райвоенкомат, а там как обухом по голове: несовершеннолетних в армию не берем.

Уже было темно, когда Вася притопал домой.

Лишь переступил он порог хаты, как мать сразу напустилась на него со слезами:

— Ну где тебя носит так поздно? Ты ведь едва на

ногах держишься, такой слабый! Посидел бы дома, чтоб мы с отцом хоть на тебя насмотрелись. Шляешься, бродишь, а вокруг в лесах еще всякая нечисть прячется. Ой, наскочишь на чью-то пулю!..

— Ничего, — старался утешить ее Вася. — Меня пули не берут.

Кое-как успокоил родителей, а у самого мысли тяжелые из головы не идут...

Это что же получается? После всего, что было, после такой напряженной боевой жизни сиди теперь в селе, болтай с мальчишками, рассказывай им о сражениях и походах.

Ну хорошо — они так слушают, прямо в рот тебе заглядывают, — а что дальше делать? Неужели осталось только по сводкам Совинформбюро радоваться успехам Красной Армии?..

На следующее утро возле хаты Коробко остановилась старенькая легковушка.

Вася выглянул в окно и просто ошалел от радости: из легковушки показались Харитон Максимович Чернуха и Виктор Сахариенко.

Он знал, что оба они остались в родных краях: Чернуха работает первым секретарем райкома партии, а Сахариенко — секретарем райкома комсомола. Это же его боевые друзья!

Вася стремглав выбежал из хаты.

И вот — взволнованная встреча! Было о чем вспомнить недавним партизанам! Коробко слушал Виктора и радовался его искрометной жизнерадостности, лихости, решимости до конца бороться с врагом...

— Ну, а как ты здесь, Вася? Уже выздоровел совсем? Отдохнул после болезни? — спрашивал Чернуха.

— Скоро снова от безделья захвораю, — пожаловался Вася.

Он еще не знал, куда гнет Чернуха, и во все глаза смотрел на них обоих.

— Вот мы с Виктором приехали тебя лечить. Собственно, это он очень настаивает, а мне перечить ему не хочется. Знаю тебя прекрасно. Короче говоря, предлагаем тебе идти работать секретарем райкома комсомола. Как ты на это смотришь?

Такого Вася не ожидал. Он мог надеяться, что его куда-нибудь для связи с партизанами пошлют или об армии похлопочут. Но чтоб такое?

Чернуха заметил его растерянность и решил, что надо действовать понапористей.

— Ты не очень-то лоб морщины! Можем и постановлением назначить — комсомолец ведь... Лучше соглашайся — и конец. Переезжай в Семеновку!

— Действительно, Вася, чего тут долго думать, — поддержал Чернуху Виктор. — Вместе фашистов били, вместе и в комсомоле работать будем.

— Да я... — Вася неуверенно развел руками... Ему и вправду тяжело было вот так сразу решиться.

Все эти тихие дни Вася жил одним желанием — как можно быстрее вернуться к партизанам или в действующую армию: минеру везде дело найдется!

Но не лучше ли и вправду сначала пойти в райком? Все-таки там легче будет договориться. Не сидеть же с родителями в хате, когда вокруг такое творится!

— Согласен?! — торопил его Чернуха.

— Если берете, пойду! — уже твердо сказал Вася.

Через минуту и гости и хозяева сидели за столом. Заговорили о войне, об успехах нашей армии, о друзьях, которые под командованием Костюкова ходят где-то по вражеским тылам.

Потом перешли на районные дела. Оказывается, Чернухе с Сахариенко теперь даже труднее, чем было в лесу. То заготавливай продукты, то бандитов вылавливай, то молодежь на восстановление Донбасса посылай. Ночи и дни переплелись, некогда даже оглядеться.

Вот тебе и мирный труд...

Случайно Чернуха бросил взгляд на стену и увидел старенький портрет Ленина.

— Иван Гурьевич, где это вы достали? — кивнул он на портрет.

— А, это работа Васи. Еще до войны принес в хату. Когда фашисты пришли, взял да на чердаке и спрятал. Так и пролежал в тайнике. Я не так давно достал и вот на стену повесил...

— У вас повисел, а теперь мы его в район заберем! — безапелляционно заявил Чернуха. — Как на это смотришь, Вася?

Васе было жаль портрета, который будто согревал их хату. Но что тут скажешь, если в райкоме он, конечно, нужнее, там ведь столько людей за день бывает.

— Берите, — согласно кивнул Вася.

— Вот и хорошо, — похвалил Чернуха.

Мать бережно сняла портрет со стены, протерла стекло фартуком и молча протянула Чернухе.

Тот разволновался, хотел пожать ей руку, однако этого как-то не вышло — обхватил раму двумя руками да только и вымолвил:

— Большое спасибо вам! Это такой подарок, что и слов не найти. Пусть он напоминает людям, что мы в войне выстояли, потому что были верны его делу...

Попрощались, договорившись о скорой встрече.

Чернуха уже сел в машину, а Виктор еще на миг задержался и весело подтолкнул Васю:

— Ну, теперь давай, мой друг, засучивай рукава! А надумаешь — сватов к сестре засылай, Лидка тебе не поднесет тыкву...

— Перестань, пожалуйста! — смутился Вася.

К счастью, Чернуха тут же позвал Виктора, и машина, поднимая пыль, понеслась по улице села...

Так Вася Коробко стал вторым секретарем Семеновского райкома комсомола.

Работа оказалась действительно чрезвычайно трудной. Он не помнил даже, когда высыпался как следует из-за множества самых неожиданных и неотложных дел, из-за повседневных поездок по селам.

Каждая такая поездка напоминала ему о недавней партизанской жизни, о многих друзьях, с которыми навсегда разлучила его война и смерть.

Вот и сейчас Коробко вызвали в Новгород-Северский на кустовое совещание, которое проводил обком.

Выпросил коня у начальника районной милиции — и в путь. Дорога неблизкая — около шестидесяти километров. Что ни село, то память о каком-то событии. Проезжаешь перелесок — снова всплывают воспоминания, будто тени проходят над головой.

Вступила в свои права осень. Желтеет лес, лишь сосны да ели возвышаются зелеными островками на порыжевшей равнине, над пожухлыми травами.

А вот и тот памятный холм, где похоронен его старший друг Николай Жадовец. Сколько вместе пережито, сколько горя и радости разделили они поровну в далеких походах!

Долго стоит Коробко, скорбно склонив голову, потом вскакивает на коня и мчится дальше.

В Машеве еще одна встреча — жена и дети отважного мастера Федора Кивая, который сейчас воюет где-то на фронте, узнали парня.

Радость, слезы, объятия...

Конь медленно спускается в глубокий яр. Желтая трава клочьями разбросана по склону. А на дне сыреет могила — там спят вечным сном братья Сенченко и еще один машевский комсомолец — Лантух.

Могилы, могилы...

Пусть никогда не пройдет эта людская печаль, эта глубокая скорбь, что так созвучны осенней природе? И как справедливо то, что во всей округе нет ни единой вражеской могилы — люди их сровняли с зем-

лей. Даже остатки немецких эшелонов исчезли, ни от одного из них не осталось и следа, — а ведь именно здесь Вася Коробко пустил под откос все девять.

Грустно. Клубится, покачиваясь перед глазами, отяжелевший от затяжных холодных дождей туман.

Осень...

Волной неожиданной светлой радости окатывает Васю, когда он видит: просторный зал Дома культуры — вокруг девчата и парни, обожженные войной, подавленные перенесенными несчастьями, но полные жажды жизни.

Отступилась от них страшная беда, вернулись звонкие комсомольские песни.

Вася сидел в президиуме и невольно возвращался мыслями к прошлому. Кажется, еще вчера были походы, диверсии, еще совсем недавно сутью жизни была беспощадная борьба с фашистами, где все его существо жаждало расплаты, мести за истерзанную родную землю.

А эта мирная стихия наводила на размышления, давала возможность оглянуться вокруг и подумать спокойно: сможешь ли ты, не имея специальной подготовки, без теоретических знаний и большой практики, руководить большим отрядом молодежи? Авторитет, приобретенный в партизанских походах? Он сыграет свою роль. Но как долго можно будет на него опираться? Нет, в мирной обстановке, где атакующий порыв — это еще не все, надо рассчитывать свои усилия на десятилетия...

Вот перед ним его ровесники. Освобождение влило в их сердца свежие силы, желание приложить руки к восстановлению народного хозяйства, и он, секретарь райкома комсомола, должен повести их за собой, направить юношеский задор на дела, которые сейчас нужнее всего.

Как это осуществить, с чего начать?

Нет, без помощи райкома партии, без веселого, задорного слова Чернухи здесь не обойтись.

И как ни рвалась его душа туда, где Красная Армия громила ненавистного врага, Вася все-таки твердо решил испытать себя на мирном фронте.

Взяв слово, Коробко вышел на край сцены и на мгновение задумался. От природы неразговорчивый, он сейчас даже немного растерялся, нервно мял лацканы пиджачка, на котором сияли боевые награды.

Наконец отважился, заговорил:

— Товарищи комсомольцы! Мы все с вами прошли сквозь тяжелые испытания, пережили немало горя. Мы, рожденные для счастья, вынуждены были с малолетства бороться за него вместе с отцами. Теперь, когда Красная Армия освободила черниговскую землю и уверенно громит фашистов на всех фронтах, когда наши матери взялись за восстановление родного края, нам, комсомольцам, нельзя быть в последних рядах.

Коробко немного помолчал, унимая дрожь в руках, и с еще большим запалом бросил в зал:

— Я только что проезжал знакомыми, родными местами... Сколько же могил наших бойцов я увидел и как жгут они меня болью! Сколько наших побратимов полегло в боях! Значит, теперь мы обязаны трудиться за себя и за тех, кто уже никогда не вернется в строй. Они не простят нам, если хотя бы один комсомолец предаст светлую память героев...

Громкие аплодисменты заглушили последние слова отважного партизана, о котором столько говорилось в перерывах между заседаниями.

А Вася снова вернулся за стол президиума и никак не мог спрятаться за спинами товарищей. Казалось, что бы значили простые, нехитрые слова — это же не из автомата по врагу строчить или пускать под откос фашистский эшелон, — а вот скажешь что-нибудь за-

душевное, выношенное в сердце, и ребята загораются, потому что знают — дело, за которое борются миллионы советских людей, победит.

Эх, скорее бы закончилась война, учиться бы дальше, сначала среднюю школу осилить, а там будет видно.

И все же не рано ли думать об этом, не стыдно ли ощущать себя тыловиком, когда продолжается война, гибнут люди, а ты ведь уже научился воевать как надо, и твое место там, где еще огрызается фашист?

Нет, как бы там ни было, а Вася найдет способ снова попасть в регулярную армейскую часть или в партизанский отряд, который будет направляться в рейд по глубоким вражеским тылам. Слышал ведь он не раз, что такие соединения формируются. И, наверное, найдется командир, который ему не откажет.

Вася Коробко вслушивался в речи делегатов, а сам витал мыслями далеко от зала и словно опять сжимал верный автомат, к которому привык за месяцы боевых походов...

* * *

Вскоре Васе Коробко снова предстояла дорога — его послали делегатом от Черниговщины на пленум ЦК комсомола Украины в Харьков.

Отправляясь туда, он и в мыслях не держал, что больше не вернется в родные края, не увидит ни отца, ни матери.

Сразу же после пленума Вася добился-таки своего и с Первой Украинской партизанской дивизией Петра Вершигоры пошел в новый рейд — к далеким польским землям.

Снова взлетали в воздух вражеские эшелоны, снова гуляла легендарная слава о юном подрывнике, которому еще не исполнилось и семнадцати. И родные Погорельцы только прислушивались к самым невероятным

слухам о своем земляке. Прислушивались отец и мать, ожидая сына, прислушивались боевые товарищи, занятые восстановлением народного хозяйства, разрушенного отступающими гитлеровцами.

И казалось, что партизанские тропки, исхоженные ногами отважного лесного мстителя, и землянки, вокруг которых еще не успела пожелтеть выросшая в мирные дни трава, и могилы побратимов, разбросанные здесь и там, также живут памятью о Васе Коробко.

ЭПИЛОГ

— Отходите! — изо всех сил закричал Вася Коробко, стараясь перекрыть беспрестанный стрекот автоматных очередей. — Чего же вы лежите?..

Автоматы за спиной смолкли. Потом снова отозвались, уже немного глуше. Значит, ребята послушались.

Значит, на железнодорожном полотне теперь только двое остались — Иванов и Павел... Ну что ж, и то хорошо.

Теперь пусть идут фашисты, если они такие смелые... Диск в его пулемете почти полон, а ведь еще и запасной лежит рядом. Только бы его сзади не обошли фашисты, а в лоб не возьмут. И потом, его надежно прикрывает стальной рельс.

— Вася, отходи за нами!.. — слышит Коробко далекий голос не то уже из лесной пущи, не то из чуть помутившегося сознания. — Слышишь?..

«Слышишь...» Эхо катится лесом, наталкивается на свинцовый ливень выстрелов и бессильно падает вниз, в глубокий снег, которому нет конца и края.

И вдруг наступает необычная тишина. Из глубины леса не слышно ни выстрелов, ни треска сломанных ветвей — лишь комки сырого снега нет-нет да и упадут с сосновых крон и где-то в их ветвях подает голос напуганный выстрелами одинокий ворон.

Над кем он каркает, кому предвещает беду? Неуже-

ли ему, неужели друзьям, которые молча застыли на железнодорожном полотне?

Нет, даже ворон не может радоваться гибели тех, кто живет на родной земле, кто встал на ее защиту! Значит, одинокая птица предвещает смерть тем, кто, прикрывшись лесной чащобой, выбирает удобный момент для очередной атаки.

Вася не выдерживает продолжительной паузы. У него давно не было так тяжело на душе — ни тогда, когда он вынужден был терпеть издевательства оккупантов в родном селе, ни в засадах, когда шел вражеский эшелон, казалось, не по рельсам, а по его собственным, туго натянутым нервам.

Рядом никого из своих — только верное оружие, да серое небо, окаймленное зелеными кронами сосен, да истоптанный снег, который уже начал таять у него под коленями и локтями.

О если бы сейчас разверзлась земля и поглотила его врагов!

Вот они ползут, зарываясь в снег, то здесь, то там покачиваются ветви, поскрипывает снег. Они боятся его, единственного из группы прикрытия. Сколько бы их там ни было, но они боятся его!

От этой мысли становится легче на сердце, и Вася, не отрываясь от приклада, кричит:

— Ну чего же вы там, гады, ползаете? Вот я, перед вами! Один! И никого больше! Ну, давайте, проклятые гитлеровцы! Есть еще гостинцы для вас, есть!

Словно не выдержав презрения и насмешек партизана, то здесь, то там поднимаются сгорбленные фигуры и тяжело пробиваются к нему. Он еще миг ждет, а потом нажимает на спусковой крючок. Длинная очередь прошивает тишину, сливается с вражескими очередями. Шумит под пулями встревоженный бор, и уже ничего другого больше нет, кроме этого последнего яростного поединка...